Фронт над землей

Николай Федорович Кузнецов

SHOUT
SHARE
IT

- Кузнецов Николай Федорович

Кузнецов Николай Федорович
Фронт над землей

Кузнецов Николай Федорович

Фронт над землей

Аннотация издательства: Сотни раз поднимался в грозовое небо летчик-истребитель Н. Ф. Кузнецов. Он летал на разведку и штурмовку вражеских войск, сопровождал на задания бомбардировщики, штурмовики - "летающие танки", транспортные и другие самолеты. Участвовал более чем в ста воздушных боях и всегда возвращался с победой. На его счету тридцать шесть сбитых машин противника. В одном из неравных поединков его тяжело ранило. Осколок фугасного снаряда с вражеского самолета пробил ордена и партийный билет офицера. Но герой победил смерть и остался в боевом строю. О ратных делах своих однополчан, о себе рассказывает автор этой правдивой, волнующей книги.

Биографическая справка: КУЗНЕЦОВ Николай Федорович, родился 26.12.1916 в Петрограде (Ленинград) в семье рабочего. Русский. Член КПСС с 1940. Окончив 7 классов и школу ФЗУ, работал токарем. В Советской Армии с 1935. Окончил Ленинградскую школу авиационных техников в 1937, Качинскую военную авиационную школу пилотов в 1941. Участник советско-финской войны 1939 - 40. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941. Заместитель командира эскадрильи 436-го истребительного авиационного полка (239-я истребительная авиационная дивизия, 6-я воздушная армия, Северо-Западный фронт), капитан. К февралю 1943 совершил 213 боевых вылетов, в воздушных боях лично сбил 17 самолетов противника и 12 в группе. Звание Героя Советского Союза присвоено 1.5.43. После войны продолжал службу в ВВС. В 1949 окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1956 - Военную академию Генштаба. Был начальником Центра подготовки космонавтов. Заслуженный военный летчик СССР. Доктор военных наук. С 1978 генерал-майор авиации в отставке. Награжден 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны 1 степени, 3 орденами Красной Звезды, медалями. \\\ Андрианов П.М.

Содержание

Глава первая. От Синего - к Янтарному

Глава вторая. Взорванный рассвет

Глава третья. Кольцо сужается

Глава четвертая. В тисках блокады
Глава пятая. Суровая осень
Глава шестая. Прощай, любимый город
Глава седьмая. На дальних подступах к Москве
Глава восьмая. Юго-Запад в огне
Глава девятая. У истоков Волги
Глава десятая. Пора возмужания
Глава одиннадцатая. Двадцать шестая звезда
Глава двенадцатая. От Белого до Черного
Глава тринадцатая. Время больших надежд

Глава первая. От Синего - к Янтарному

Я стою на крутом откосе Севастопольской бухты, прощаюсь с морем и южным ласковым солнцем. Скоро поезд увезет нас, выпускников Качинского училища летчиков, на север, в город моего детства и юности - Ленинград...

Многолюдный вокзал встретил разноголосым гомоном. Среди пестрой южной публики выделялись подтянутые, стройные лейтенанты, мои товарищи, стоявшие отдельной группой несколько в стороне. Все на них было с иголочки темно-синие фуражки и френчи, зеркально блестевшие сапоги. Накрахмаленные ослепительно-снежные воротнички рубашек подчеркивали красивый бронзовый загар. Ярко-вишневые квадраты на голубых петлицах, и эмблема на левом рукаве говорили о принадлежности к авиации.

Кое-кто из ребят еще до Качи успел послужить в летных частях. Среди них были и участники боев на Карельском перешейке. Таких безошибочно узнавали по орденам и медалям - большой редкости в ту пору. Всеобщее внимание привлекал паренек невысокого роста, круглолицый, с негустой россыпью оспинок на щеках. Это был Василий Нечаев - в прошлом стрелок-радист экипажа скоростного бомбардировщика. На его груди сверкала Звезда Героя.

Смущенного Василия, зажатого плотным кольцом любопытных, выручили орлы, внезапно появившиеся над Малаховым курганом. Нечаев заметил их первым и, запрокинув голову в синеву, сказал громче обычного:

- Смотрите, вот это пилотаж!

Проследив за его взглядом, все обернулись в сторону Малахова кургана. Распластав могучие крылья, высоко в небе гордо парили три птицы. Та, что была немного поменьше, летела впереди, а слева и справа от нее, чуть поотстав, шли две другие. В авиации такой строй называется клином.

- Орлица и два орла,- заметил кто-то в притихшей толпе.

- А может, передний-то - орленок? - неуверенно предположил

другой.

- Чистый почерк! - воскликнул возвышавшийся над всеми почти на полголовы командир звена Николай Терин.

Старший лейтенант был не из разговорчивых. Только возмущение поведением курсанта или радость за успехи питомца в освоении летной программы побуждали его вымолвить два-три слова - бранных или одобрительных. И когда он говорил о ком-нибудь, что у него "чистый почерк", тот целую неделю ходил именинником: шутка ли - сам Терин похвалил!

Орлиный "почерк" и в самом деле был изумительно четким. Ведомые, как бы соперничая, не отставали от вожака ни на метр. Делая плавные широкие круги, птицы поднимались все выше и выше. Но вот та, что поменьше, резким креном со скольжением нарушила строй, и две другие, ринувшись за ней, столкнулись.

- Точно, орлица и два орла! - подтвердил голос из толпы.- Сейчас начнется рыцарский поединок.

Соперники разошлись и, набрав скорость, устремились навстречу друг другу. Удар крылом - и снова разлет. С каждой схваткой круги становились все меньше и меньше. Орлица же, казалось, была совершенно равнодушной к этому своеобразному турниру и, держась поодаль, выписывала красивые витки восходящих и нисходящих спиралей.

Наконец, орлы сцепились, по чьему-то меткому выражению, "врукопашную". Кружась в штопоре, они дрались крыльями, клювами, когтями. Хищный клекот, падающие перья и тающая высота. Земля угрожающе надвигалась, а орлы, будто не замечая гибельной тверди, продолжали вести жестокий бой. Но вот один, признав себя побежденным, вышел из смертельной схватки почти над самым курганом. А победитель, круто взмыв, с ликующим гортанным криком взмыл к орлице.

- Граждане пассажиры,- как бы дождавшись окончания орлиного поединка, известило радио,- поезд Севастополь- Москва отправляется через двадцать минут. Повторяю...

Провожать своих питомцев - коммунистов и комсомольцев - приехали многие наши командиры. Среди них были инструктор лейтенант Владимир Красовский, командир отряда старший лейтенант Николай Пушко, командир звена Николай Терин.

Теперь, когда наступила пора прощания, наставники и их бывшие ученики говорили друг другу много хороших, теплых слов.

- Большой вам высоты и быстрых крыльев, - сказал Николай Терин. - Хочется верить, что добрые истребители из вас получатся.

- Счастливо, ребята! - Красовский, Терин и Пушко пожали

нам руку. Пишите, как примут вас в полках, как начнете службу. Будем ждать...

Раздался третий, последний звонок. Поезд медленно отошел от перрона. За окном замелькали поднятые руки, фуражки, шляпы, косынки. Гремел военный оркестр. Севастопольцы тепло провожали молодых истребителей на ратную службу.

Ныряя из тоннеля в тоннель, поезд выскочил к Инкерману, повернул на северо-восток, пересек голубые рукава Бельбека и Качи, миновал воспетый поэтом Бахчисарай...

В нашем вагоне ехали ребята, окончившие училище по первому разряду и получившие право выбора места будущей службы. В Ленинградский военный округ вместе со мной были направлены Петр Олимпиев, крепыш с огненно-рыжей копной вьющихся волос, и Николай Савченков, высокий синеглазый парень.

Что-то нас ждет впереди, как сложится служба, какие сюрпризы готовит жизнь?..

Все были заметно возбуждены. Напряжение последних, прощальных минут еще не прошло. Говорить не хотелось: каждый был занят своими мыслями.

Мне вспомнилась Аннушка, наши первые встречи, прогулки по ночному Ленинграду, мосты, парки, строгие кварталы домов, белые ночи. Вспомнилось, как однажды, прогуляв до утра, я пришел на работу в выходном костюме. Именно в этот день на завод приехали гости. Водил их по цехам наш директор, которого мы все очень уважали и любили. Старый партизан, коммунист, он всегда был среди рабочих. Даже на массовки выезжал в общем грузовике и обязательно с баяном. Он на нем мастерски играл.

Завод наш был отличный, с крепкими рабочими традициями. Носил он имя М. И. Калинина. И по сей день в механическом цехе стоит станок Всесоюзного старосты с начищенной до блеска медной пластинкой. Мастер Лексин, любивший во всем порядок, часто повторял: "Рабочий - державная фигура в государстве и во всем должен быть на высоте".

Подняв голову, я увидел кареглазого человека невысокого роста, плотного, круглолицего. Незнакомец приветливо улыбался. Поправив густые волосы, зачесанные назад, он поздоровался и задал несколько вопросов: как идут дела, какой у меня разряд, хорошо ли я зарабатываю? Потом уж совсем по-дружески вполголоса спросил:

- А что, вы всегда в таком костюме работаете?

- Да нет, просто спецовку в стирку отдал.

Незнакомец понимающе улыбнулся.

- А хороши нынче белые ночи! Это был С. М. Киров. Таким он

запомнился мне на всю жизнь: умным, человечным, простым. Первым нарушил молчание Петр Олимпиев.

- Сыграем в шахматы,- предложил он. Олимпиев понимал толк в этой игре.

- Шахматы развивают тактическое мышление, а для нас, летчиков-истребителей, тактика - первейшее дело, - говорил он.

Петра Олимпиева я знал давно, еще по курсантской жизни в Ленинградском авиационно-техническом училище, в котором он завоевал славу не только любителя-шахматиста, но и прекрасного футболиста, знатока истории и философии, одним словом, всесторонне развитого человека. Друзья любили этого замечательного парня - доброго, смелого, любознательного, неистового спорщика и мечтателя.

- Коля,- тихо проговорил Олимпиев, объявив, что применяет дебют, принесший известность Ботвиннику,- недалеко от Ленинграда наша северо-западная граница.

Партнер, видимо, не знал, как начал свою победную партию Михаил Ботвинник, и поэтому безразлично подвинул первую попавшуюся под руку пешку.

- Да, в случае чего...

- Весь запад в огне, - складывая газету, сказал Савченков. - Ты же знаешь, что фашисты прихлопнули Данию, Норвегию, потом Бельгию, Голландию и Люксембург, вторглись во Францию. Мир накануне взрыва. - Когда Савченков волновался, он заметно окал. - Хлынет, обязательно хлынет на нас фашизм. Такова его звериная сущность. Дело только во времени: либо сегодня, либо завтра. А коли так, надо готовить на него дубину, да потяжелее.

- У нас так и делается, - сказал Петр. - Мы были техниками, стали летчиками. Выигрывают от этого наши Военно-Воздушные Силы? Конечно. Мы едем в Ленинград. Значит, взят курс на усиление авиации на границе. Дальше...

- Подожди, - перебил его Николай. - Ты на каком самолете летал? На "ишаке". Какое на нем установлено оружие? Пулеметы, и притом не очень мощные, как тебе известно. У немцев же модифицированные "мессершмитты", на которых кроме пулеметов смонтированы пушечные установки. Летно-тактические данные "мессершмиттов" лучше, чем у наших И-16. Вот и сравни.

- И сравню, - задорно тряхнул головой Петр. - Ты ведь сам говоришь, что самолеты у них модифицированные. У нас же прошли заводские и войсковые испытания новейшие машины, тоже с пушками и крупнокалиберными пулеметами. Вы их видели.

- А пока в частях все те же "ишаки", и ты, к примеру, не

только не умеешь драться с "мессерами", но и не знаешь их как следует, - резко закончил Савченков.

Поезд подходил к Москве. Все начали собираться, и разговор прекратился.

С Курского до Ленинградского вокзала мы доехали на такси, сдали чемоданы в камеру хранения и отправились в метро.

- Девушка, десять билетов до Комсомольской площади, - попросил Николай Савченков и, посмотрев на нас, добавил: - Плачу за всех.

- Пожалуйста, - лукаво ответила кассирша и рассмеялась. - Только ехать, товарищ лейтенант, никуда не надо. Комсомольская площадь здесь.

Николай смутился.

- А что же мне делать с билетами? - спросил он.

- Я вижу, вы не знаете Москвы, - сказала девушка. - Поезжайте до центра, посмотрите Красную площадь.

Савченков благодарно кивнул.

- За мной, орлы! - И он побежал вниз, к поездам.

Но мы держались Василия Нечаева, который бывал не только на Красной площади, но и в Кремле, где Михаил Иванович Калинин вручил ему орден Ленина и Золотую Звезду Героя.

- Дворцы, а не станции, - восхищенно произнес Олимпиев. - Сказка, мечта!

На выходе мы услышали бойкие голоса:

- Цветы! Покупайте цветы! Майские цветы! Купим, ребята? - спросил Савченков.

- Давай!

Мы окружили уже немолодую продавщицу и стали выбирать цветы. Она улыбалась, нахваливала букеты, одаривала нас комплиментами, но деньги все-таки пересчитывала. А когда очередь дошла до Нечаева, женщина растерялась, уронила и цветы и деньги. Мы бросились подбирать. Она стояла, удивленно смотрела на Василия и беззвучно шевелила губами. Потом тихо сказала:

- Не надо денег, голубчики вы мои. А цветы возьмите. Ну пожалуйста, уважьте!

Как мы ни отказывались, хозяйка настояла на своем.

- Берите, берите, у меня этих цветов полно. Ах, голубчики вы мои, голубчики, - растроганно повторяла она, не отводя взгляда от Василия.

Когда мы были уже на площади, Савченков подмигнул Нечаеву:

- С тобой ходить выгодно: голубчиками называют, цветы дарят.

Мавзолей был закрыт, и мы пошли вдоль Кремлевской стены. У мемориальной доски Чкалову возложили цветы - дань уважения великому летчику. Потом издали любовались дворцами, соборами, башнями - бессмертными творениями русских мастеров.

Неповторимый перезвон курантов, торжественно замершие часовые у входа в священный Мавзолей, стройные серебристые ели, мраморные плиты и даже брусчатка - все наполняло душу необъяснимой приподнятостью, рождало чувство нераздельности со страной и ответственности за все и вся.

Словно беспокоясь о том, чтобы не расплескать этих ощущении, мы возвращались на вокзал молча

А через час скорый поезд уже мчал нас в Ленинград, к берегам Янтарного моря.

Глава вторая. Взорванный рассвет

Я и несколько моих товарищей получили назначение в истребительный авиационный полк ПВО и были очень довольны. К тому же наш аэродром от города отделяло несколько десятков километров. "В любое воскресенье, - думал я, можно съездить к семье - к Анне и шестилетнему сынишке Жене, да и к родителям заглянуть тоже". Но нас вскоре направили на курсы командиров звеньев.

Авиаторы жили в лесу, по-лагерному. Аккуратные ряды больших брезентовых палаток, широкие дорожки, посыпанные песком, деревянные грибки для часовых.

Принял нас начальник курсов, невысокий, плотного сложения капитан Евгений Евгеньевич Банщиков. Пожимая нам руку, он внимательно, изучающе оглядывал каждого.

- На каких самолетах летали?

- На "ишаках"...

- Зачем же так унизительно? - поморщился Банщиков.- И-16 хорошая машина. Валерий Павлович Чкалов - заметьте, сам Чкалов! - отзывался об этом самолете как о первоклассном истребителе. В Испании, на Халхин-Голе, на Хасане наш "ястребок" выдержал испытание боем. А вы говорите - "ишак". Кстати, вам и здесь предстоит летать на И-16, так что прошу любить и жаловать. Но сначала придется проверить ваши знания, позаниматься наземной подготовкой.

В тот же день нас познакомили с инструктором - старшим лейтенантом Николаем Котловым. Он посмотрел наши летные книжки, полистал личные дела.

- Да, маловато вы летали на боевых самолетах... Ну что ж, придется поднажать.

Летное поле было неподалеку от палаточного городка.

- Вот наша стоянка,- с гордостью произнес Котлов.

Здесь царил образцовый порядок. Самолеты, темно-зеленые сверху и голубые снизу, стояли на аккуратно очерченных белыми линиями площадках. Винты всех машин были в горизонтальном положении, колеса упирались в тормозные колодки, выкрашенные в ярко-пурпурный цвет, на трубках Пито (воздухоприемники для прибора скорости) были надеты чехлы с красными треугольными флажками.

- Красиво снаружи! - вырвалось у Николая Савченкова.

- Да и внутри, товарищ лейтенант, подходяще,- парировал инструктор.Самолеты только что получили с завода. Двигатель с форсажем. Слышали о таком? Включаешь его - и мощность мотора, а стало быть, и скорость самолета резко увеличиваются. Вот какая это штука!

Потом Котлов водил нас по рулежным дорожкам, взлетно-посадочной полосе и окраинам аэродрома. Он знал здесь каждую неровность, каждый бугорок и ямку и обращал на них наше внимание.

- Летное поле надо знать как свою ладонь, - говорил инструктор. - И подходы к нему тоже. Завтра возьмем машину и поколесим вокруг, а сегодня, вижу, устали вы. У нас хорошо здесь - лес, воздух свежий. Отдохните с дороги.И он отпустил нас.

- Ну как вам курсы? - спросил я друзей. Николай и Петр переглянулись.

- Курсы как курсы, - пожал плечами Савченков. - На курорт смахивают. Нового мы тут ничего не узнаем.

- Не торопись с выводами,- резонно возразил ему Олимпиев.

Оба они в училище первыми освоили полеты по кругу и в зону, летали уверенно, грамотно и всегда получали одобрение Красовского и Пушко. На курсах нам предстояло совершенствовать летные навыки, научиться стрелять по наземным и воздушным целям, летать ночью, одним словом, приобретать мастерство, без которого нечего было и думать о должности командира звена. Все это так, но в душе я был не очень доволен сложившимися обстоятельствами. Мне хотелось сначала послужить в части рядовым летчиком. В самом деле, какой из меня командир звена с таким скромным практическим опытом?! Чему я могу научить других?!

Я поделился своими мыслями с ребятами, но они возразили.

- В полку рядовыми летчиками служат вчерашние школьники, - сказал Олимпиев. - Мы уже старики по сравнению с ними: повоевали на финской, кое-что повидали.

Май клонился к концу, когда мы закончили теоретические занятия - изучили район полетов, инструкцию по эксплуатации

аэродрома, сдали зачеты и приступили к полетам. Машины с форсажным устройством были намного лучше тех, на которых приходилось летать в Каче, и даже Савченков перестал называть их "ишаками".

Аэродром не смолкал ни днем ни ночью. Ночные полеты осваивал соседний полк. Это давало повод Петру еще раз напомнить Николаю о его безосновательном упреке в недостаточно активном действии наших авиаторов. Но Савченков и тут находил аргумент в свою пользу:

- Так не мы же летаем ночью, а соседи.

- Ну, милый, ты опять за свое, - разводил руками Олимпиев. - Дойдет очередь и до нас.

Когда я поднимался в ленинградское небо, мне хотелось петь от радости. В ясную погоду с высоты отчетливо просматривался весь город - золотые купола Исаакия, тонкие, устремленные вверх шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости, а к северо-востоку простиралась зеркальная гладь Ладожского озера, от которого голубой петляющей лентой тянулась красавица Нева.

Мы отрабатывали сложный пилотаж, столь необходимый в воздушном бою, совершали полеты по маршруту. Дни были заполнены до предела. Свободными оставались только половина субботы и воскресенье. Однако нагрузка не была для нас обременительной: каждому хотелось как можно быстрее выполнить учебную программу.

- Скоро ли стрелять? - спрашивали летчики Банщикова.

- В двадцатых числах июня, а там приступим и к ночным полетам. Всему свое время, - неторопливо и рассудительно отвечал капитан.

По воскресеньям обычно ездили в Ленинград. Ходили по улицам и площадям, любовались архитектурным ансамблем города, величественными памятниками. Неизгладимое впечатление оставляли богатства музеев, особенно сокровища Эрмитажа.

Как-то я пригласил Николая в гости. Мы поехали на Фонтанку, где у своих родителей жила в ту пору Анна.

Савченков был убежденным холостяком и нередко говорил:

- Летчик должен быть свободным от семейных уз. К чему жене и детям разделять с ним тяготы службы? Сегодня он в лагерях, завтра на полевом аэродроме, послезавтра в другой части. Разве ему до семьи?

Дома нас встретили очень радушно. Особенно радовался Женька, которому понравился "дядя Савченков". Но дядя чаще всего посматривал на сестру Анны.

К вечеру Николай озабоченно сказал:

- Попроси, пожалуйста, Анну, чтобы она приехала в лагерь вместе с сестрой. Сделай одолжение... - И, улыбнувшись, добавил: - Закон диалектики: все течет, все изменяется. Так обещаешь?

Анна улыбнулась:

- Ладно, Николай, приедем, только, чур, с другими не назначать свидания! И она шутливо погрозила ему пальцем.

В лагерь возвращались в приподнятом настроении.

И все шесть дней с нетерпением ждали предстоящего свидания. В субботу мы долго не могли уснуть. Тихая, теплая июньская ночь. Соловьиные трели в лесу. Над палаткам.и огромный купол неба, усеянный звездами. Дурманящие запахи невыкошенных трав.

- Коля, до чего же хорошо жить! - прошептал размечтавшийся Савченков.Хоть стихи читай, только перед ребятами неудобно.

- А ты про себя,- также шепотом посоветовал я ему. - Говорят, успокаивает.

- Шутишь,- обиделся Савченков.- Конечно, у тебя все определенно в жизни: есть славная Аня, Женька... Счастливый ты!

Разбудила нас неистово оравшая сирена. Ее вой, казалось, заполнил все палатку, подсвеченную только что взошедшим солнцем, весь легкий парусиновый городок, лес, обрызганный росяной свежестью, аэродром в легкой голубоватой дымке.

- Здорово соседей будоражат! - крикнул Савченков.- Скоро и нас будут по тревоге поднимать на полеты. - Он перевернулся на другой бок, сладко зевнул и спрятал голову под подушку, чтобы не слышать яростного рева сирены.

Кто-то рывком распахнул брезентовый клапан нашей палатки, и в ту же секунду я увидел голову начальника штаба.

- А вы какого черта ждете?! - зло выругался он. - Тревога вас не касается, что ли?!

Я сдернул одеяло с Николая. Через минуту все, кто был в палатках и во всем лесном лагере, - летчики, техники, механики, придерживая противогазные сумки, бежали на аэродром.

Нестройный топот сапог рассыпался горохом в потревоженной гулкой рани. Со стороны БАО (батальон аэродромного обслуживания) тоже бежали красноармейцы и командиры. Из полевого автопарка доносилось чиханье и гудение автомашин, грузовых и специальных - стартеров, бензо- и маслозаправщиков.

На стоянке летчики помогали техникам и механикам снимать чехлы с самолетов, оружейники открывали люки, капоты, заряжали пулеметы, электрики и прибористы контролировали оборудование в кабинах.

Когда самолеты были приведены в боевую готовность, нас

построили недалеко от стоянки. Пришли капитан Банщиков с незнакомым майором.

- Война, товарищи...- сказал майор. - Фашистская Германия напала на нашу Родину. Сегодня ночью гитлеровцы бомбили...

Он перечислял города, подвергшиеся бомбардировке, говорил о священной ненависти к врагу, о том, что мы обязательно разобьем фашистов на их собственной территории. Но мы уже больше ничего не воспринимали. Страшная весть потрясла всех.

Банщиков приказал разойтись по самолетам. Дежурные летчики сели в кабины.

В ожидании боевого приказа я думал о том, что сегодня должны были приехать Анна и ее сестра, но теперь, вероятно, не приедут, что мы не доучились на командиров звеньев, не успев отработать упражнения по стрельбе, не освоили полеты в ночных условиях, что сейчас не мешало бы получить те самые истребители, которые находятся на заводских конвейерах...

В тот день мы так и не получили никакого приказа. Поочередно дежурили в кабинах самолетов, а в промежутках между сменами лопатили землю - отрывали щели позади стоянки машин. К полудню из города вернулись все, кто был в увольнении, и тоже приступили к земляным работам. Прибывшие ничего нового сказать не могли.

На следующее утро курсы командиров звеньев расформировали и летчиков распределили по боевым полкам. Вместе со своим вчерашним инструктором Николаем Котловым я готовился к перелету на аэродром, откуда прибыл сюда. Минут за пятнадцать до вылета ко мне подбежала встревоженная Аня. Все-таки приехала!

- Коля... Опять война? - только и могла выговорить она.

Но разговаривать нам было некогда: подъехал капитан Банщиков и сказал, что пора улетать. Я пообещал жене заглянуть вечером домой, просил ее не волноваться самой, не расстраивать родителей и сына.

- Я еду в город, садитесь, подвезу, - предложил капитан.

Анна уехала, а через несколько минут взлетели мы с Котловым. Кажется, это был один из последних полетов в мирном ленинградском небе. Я особенно остро воспринимал красоту родного города, который вскоре тоже стал солдатом и потом долго, очень долго стоял в дыму и огне, холодный и голодный, но все-таки не упал на колени, выстоял, одолел лихолетье.

Вечером мне разрешили съездить на побывку к семье. И этот вечер тоже был одним из последних вечеров в еще мирном, но уже встревоженном войной городе. "Вчера" и "завтра" были разделены резкой гранью, нарушившей все планы, расчеты,

мечты, поломавшей привычный уклад жизни.

По возвращении из города я узнал, что вместе с другими летчиками меня назначили в 191-й истребительный авиационный полк, во главе которого были майор А. Ф. Радченко и батальонный комиссар А. Л. Резницкий. Полк стоял северо-западнее Ленинграда. Знакомое для меня летное поле: здесь базировалась часть, в которой я служил во время финской войны.

В полку было три эскадрильи и около шестидесяти летчиков. Более половины из них - выпускники Качинского училища. Капитана Банщикова назначили командиром эскадрильи, а Николая Котлова - командиром звена. Познакомился я и с новыми ребятами - Павлом Шевелевым, Василием Добровольским, Александром Савченко и другими.

Жили мы в военном городке, в деревянных двухэтажных и одноэтажных домах. Скоро в гарнизон из Ленинграда переселились и наши семьи. Анна была рада двухкомнатной квартире на втором этаже.

- Одна комната моя,- по-хозяйски распорядился сын, - а другая ваша. Дедушка и бабушка теперь будут жить отдельно. Ну и пусть, здесь лучше: самолеты рядом. Папа, ты покатаешь меня на "ястребке"? Тогда я всем ребятам расскажу, что летал вместе с тобой. А то какой же я сын летчика, если самолета близко не видел, правда? А потом, когда ты меня научишь, мы будем вместе воевать против фашистов. - И Женька погрозил своим маленьким кулачком.

Слушая "воина", я прикреплял на стенке черную тарелку репродуктора и старался скрыть свое смущение. Милый лопотун, он и не знал, как тяжело, горько было от того, что ему, шестилетнему ребенку, война отравляет детство, внушает понятия, о которых лучше было бы никогда не иметь представления...

В репродукторе что-то захрипело, заклокотало, словно перед тем, как заговорить, кто-то откашливался, потом послышался голос диктора, объявивший, что сейчас будет исполнена новая песня композитора А. В. Александрова на слова В. И. Лебедева-Кумача. Закончив два военных училища, я знал много патриотических песен, но такой, как "Священная война",- суровой, волнующей, набатной - никогда не слышал.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.

Идет война народная,

Священная война.

На глаза Анны навернулись слезы. Даже Женька, перестав суетиться, стоял и молча смотрел в репродуктор очень серьезными, не по-детски серьезными глазами. Потом он достал плакат, который я принес с аэродрома, и сказал:

- Папа, повесь на стенку рядом с радио.

Это был знаменитый плакат художника И. М. Тоидзе "Родина-мать зовет!".

* * *

...К началу Великой Отечественной войны авиация ПВО Ленинграда была в подчинении начальника ВВС Ленинградского военного округа и состояла из 3-й и 54-й истребительных авиадивизий. Последняя состояла из пяти полков - 191, 192, 193, 194 и 195-го.

В соответствии с приказом Народного комиссара обороны от 19 июня 1941 года на базе этих дивизий началось формирование 7-го истребительного авиакорпуса ПВО. В канун войны ему были приданы 39-я истребительная и 5-я смешанная авиадивизии. Командовал корпусом Герой Советского Союза полковник С. П. Данилов, военным комиссаром был бригадный комиссар Ф. Ф. Веров, начальником штаба - полковник Н. П. Абрамов.

7-й авиационный корпус в оперативном отношении подчинялся командиру 2-го корпуса ПВО генерал-майору М. М. Процветкину.

Это имело исключительно важное значение для целеустремленного применения истребительной авиации и зенитной артиллерии в системе противовоздушной обороны Ленинграда.

С первого дня войны истребительная авиация ПВО установила над городом и на подступах к нему круглосуточное патрулирование в воздухе, а на аэродромах находились в боевой готовности дежурные группы самолетов. Но по мере увеличения надежности обнаружения воздушного противника радиолокационными станциями "Редут" и РУС-2 создалась возможность более или менее своевременно поднимать в воздух дежурные группы истребителей. Впоследствии это позволило сократить патрулирование над городом,

...В ночь на 23 июня противник предпринял первый налет на Ленинград со стороны Карельского перешейка.

Бомбардировщики летели на низкой высоте двумя группами по семь-девять самолетов в каждой. Зенитная артиллерия встретила воздушных разбойников плотным огнем и сбила пять бомбовозов. Особенно радовались мы тому, что один

"Хейнкель-111" был уничтожен с первой же атаки летчиком 158-го истребительного авиаполка лейтенантом Андреем Чирковым. Кстати, через день Андрей и его товарищи на дальних подступах к городу блестяще провели воздушный бой с превосходящей по численности группой противника и одержали внушительную победу - сбили четыре фашистских истребителя.

24 июня командир эскадрильи того же полка старший лейтенант Петр Покрышев вылетел на перехват вражеского разведчика "Юнкерс-88" и поджег его над своим аэродромом.

- Как видите, друзья, - собрав летчиков на беседу, сказал батальонный комиссар А. Л. Резницкий, - наши соседи бьют хваленых гитлеровских асов. Я уверен, что и мы сумеем, дать достойный урок обнаглевшему врагу.

- У соседей хорошие машины - "Яковлев-1",- послышалась чья-то реплика.

- Ну что ж, - согласился комиссар, - у "яка", действительно, скорость больше, чем у И-16, на сто пять километров, и дальность полета - на сто тридцать, и вооружение у него мощнее: пушка "Швак" и крупнокалиберный пулемет. Однако дело, как вам известно, не столько в технике, сколько в людях, в их моральной стойкости, цели, за которую они борются...

- Да что там! - вступил в разговор лейтенант Шевелев и посмотрел в сторону летчика, бросившего реплику. - Со временем и нам дадут новые машины. А сейчас надо воевать на тех, которые есть. Главное - трезвый расчет, смекалка, тактика.

Павла поддержали другие летчики. Затем батальонный комиссар зачитал текст обращения командования и политотдела 2-го корпуса ПВО, в котором выражалась уверенность, что все бойцы, командиры и политработники еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства и с честью выполнят священный долг перед Родиной.

В первых числах июля, когда бои начались на дальних подступах к Ленинграду, мы стали летать на прикрытие наших войск, населенных пунктов, аэродромов и других объектов. Изредка происходили встречи с вражескими самолетами, но ни одной сбитой машины на нашем счету еще не было.

Майор Радченко объяснял это тем, что летчики, никогда не стрелявшие по "юнкерсам" и "мессершмиттам", открывали огонь со слишком большого расстояния.

...Над аэродромом взвилась сигнальная ракета.

- По самолетам!

Мы бросились к машинам. Воентехник 2 ранга Николай Зайчиков, обслуживавший мой И-16, доложил, что машина готова, и помог мне надеть парашют. Моими ведомыми были

Николай Савченков и Александр Савченко.

В летнее время моторы запускались хорошо, и вскоре аэродром гудел, как потревоженный улей. Мы взлетели и взяли курс на Красное Село, чтобы отразить налет вражеских бомбардировщиков.

Их было много, Ю-88. Шли они клином звеньев.

Отдаю ручку управления от себя, и самолет со снижением устремляется вниз. Ведомые не отстают, держатся плотно. Разгоняем машины до максимальной скорости и резко взмываем вверх. Помня наказ командира полка, сближаюсь с одним из самолетов ведущего звена гитлеровцев метров на сто семьдесят - сто пятьдесят и открываю огонь по наиболее уязвимым местам - двигателям. Моему примеру следуют Николай и Александр. Но "юнкерсы" продолжают лететь.

Свалив самолеты на крыло, уходим вниз, набираем скорость и повторяем атаку. Еще один заход. На этот раз "юнкерсы" яростно отстреливаются. Машина Савченкова закувыркалась и начала беспорядочно падать. С тревогой слежу за ней. К счастью, происходит чудо: самолет ведомого выравнивается над самой землей и садится на площадку возле Финского залива - недостроенный стадион.

Вернулись измотанные, злые. Даже не хотелось вылезать из кабин. Ко мне подошел капитан Банщиков.

- Где Савченков? - тревожно спросил он. Я ответил. Комэска сейчас же послал машину на стадион.

- В чем дело? Расскажи подробнее.

Я ударил кулаком по стволу "Шкаса":

- Из этих пулеметов только зайцев бить!

- С какой дистанции вел огонь?

Я ответил.

- Куда бил?

- В моторы снизу, чтобы попасть в топливные насосы. Трижды заходил в атаку...

Вылет Василия Добровольского в тот день тоже оказался неудачным. Стали по схемам более детально изучать вражеские самолеты. Многие места у них защищены броней, пробить которую могут только пушечные снаряды. Менее всего на "Юнкерсе-88" защищены топливные насосы под двигателями и кабина, а на "Мессершмитте-110" - верхняя часть кабины.

- Но ведь мы стреляли именно по насосам! - сказал я,

- Я тоже бил снизу по моторам, а толку чуть, - махнул рукой лейтенант Добровольский.

Решили, что основная причина неуязвимости Ю-88 - малый калибр нашего оружия. Было принято решение: техники,

механики, специалисты передвижных авиамастерских (ПАРМ), не прекращая боевой работы, должны смонтировать на И-16 реактивные установки - по три снаряда под каждой плоскостью. Ребята не ушли с аэродрома до тех пор, пока не выполнили задание. Мы облетали самолеты, провели учебные стрельбы - машины стали немного тяжелее, зато огневая мощь их заметно возросла.

Уроки первых воздушных боев, эрэсы сделали свое дело. Вскоре пришла радость первой победы. Шестерка наших истребителей во главе с командиром эскадрильи капитаном Жуйковым сбила два немецких самолета - бомбардировщик Ю-87 и истребитель Ме-109. Среди победителей были и мои друзья Николай Савченков, Петр Олимпиев и Георгий Новиков (настоящее имя Новикова - Егор, но мы все звали его Георгием).

Весть о том, что сбиты два фашистских самолета, сразу облетела весь полк. Возле машин, только что вернувшихся с боевого задания, собрались летчики, техники, мотористы.

Оживленно жестикулируя, Петр Олимпиев подробно рассказывал о воздушном бое:

- Мы полетели на прикрытие наших войск южнее Ленинграда. Высота полторы две тысячи метров. Одно звено вел капитан, другое - Георгий Новиков. Я держался справа от Жуйкова. Смотрю, над станцией Вырица Новиков покачал крыльями: "Внимание!" (в то время на самолетах И-16 еще не было радиостанций). Что такое? Оказывается, с юго-запада на такой же высоте, как и мы, шла шестерка Ю-87. Жора с ребятами кинулся навстречу бомбардировщикам, а мы остались в заданном районе. Вражеские бомбовозы шли, конечно, с прикрытием. Сверху на звено Новикова бросились "мессершмитты" и отсекли путь к "юнкерсам". Начался бой. А бомбардировщики тем временем изменили курс и через несколько минут показались над Вырицей с северо-восточной стороны.

- Тут-то мы и ринулись на перехват, - тряхнул огненным чубом Петр. Капитан пошел в атаку на ведущего "юнкерса". Тот, видимо, струсил, побросал бомбы не долетев до цели и повернул на юг. За ним поспешили остальные.

- А как же "мессеры"? - задал кто-то вопрос.

- Два из них бросились на выручку к бомбардировщикам, - ответил Олимпиев. - Со снижением оторвались от своей группы, потом взмыли свечой и атаковали самолет Жуйкова. На какой-то момент они как бы зависли, и я рубанул по ближайшему. Савченков помог. "Месс" медленно перевалился через крыло, клюнул носом, задымил и резко пошел вниз. Второй Ме-109 бросил напарника на произвол судьбы. Немцы, оказывается,

трусливы, когда у них нет численного превосходства. У нас бы никто не позволил себе такого свинства. А у них каждый за себя, если надо спасать свою шкуру. Петр помолчал несколько секунд. Потом продолжал:

- Капитан Жуйков ударил по мотору удиравшего Ю-87. Крестоносец задымил, потерял скорость. Новиков, подоспевший к нам со своим звеном, добил его над лесом.

- Одним словом, два - ноль, - коротко подытожил Савченков.

Батальонный комиссар Резницкий, уже давно подошедший к самолету Олимпиева, вместе со всеми слушал рассказ Петра. А когда тот умолк, обнял его и расцеловал. С Николаем и Георгием тоже расцеловался.

- Спасибо, друзья, вы открыли боевой счет полка. Верю, что о наших летчиках заговорит весь Ленинград, весь фронт.

Вечером на аэродроме появились корреспонденты газеты "На страже Родины", и героям дня пришлось еще раз повторить историю сегодняшнего боевого вылета.

Глава третья. Кольцо сужается

Огромное огненное кольцо вокруг Ленинграда постепенно сужалось. Бои гремели на Лужском левобережье, а у Кингисеппа фашисты прорвались на правый берег реки, и там начались ожесточенные схватки. По шоссе Псков - Новгород противник вышел почти к западному берегу озера Ильмень, на юге линия фронта проходила где-то около станции Дно.

Наш полк остро нуждался в людях: все мужчины - вольнонаемные специалисты были мобилизованы. Комиссар Резницкий нашел простой выход. Он предложил женщинам - членам семей летчиков и техников - работать в части. Большинство из них с радостью согласились. Женщины стали работать в складских помещениях, канцеляриях, помогали механикам набивать патронные ленты. Аня поступила в столовую. Жена Петра Олимпиева Галина оказывала помощь оружейникам. Из городка теперь все перебрались поближе к аэродрому. Жили в шалашах и землянках.

Мой сын Женька стал завсегдатаем самолетной стоянки. Особенно он подружился с техником Николаем Зайчиковым, хозяйственным и добродушным человеком. Вместе с ним Женька провожал меня в полет и встречал с боевого задания. А когда машина была подготовлена к очередному вылету и я не дежурил в кабине, Зайчиков усаживал в нее малыша и объяснял ему неведомые дотоле вещи.

В эти тревожные дни к нам нередко приезжали артисты из Ленинграда. Хорошо помню, как однажды с самого утра мотористы начали сооружать возле столовой импровизированную

сцену из сосновых досок.

Собрались все, кто не дежурил. Встретили артистов громкими аплодисментами - авиаторы не жалели своих жестких, мозолистых ладоней. Концерт начался песней "Священная война". Одна из солисток исполнила "Синий платочек", конферансье прочитал пародийные куплеты на Гитлера, а затем объявил арию Сусанина из оперы Глинки.

Артист начал петь. И вдруг над аэродромом на малой высоте появились четыре немецких самолета. Дежурное звено не успело взлететь. Рядом со столовой начали рваться бомбы и снаряды. В "зрительном зале" остались А. Л. Резницкий и еще два-три человека. Все артисты попрятались в щели. И только исполнитель арии Сусанина, будто не понимая, что происходит, стоял на подмостках сцены как завороженный.

Устраивали мы и концерты самодеятельности. У нас были свои таланты. Но перерывы между боями становились все реже и реже. Враг ожесточенно рвался к городу. Ленинград жил напряженной прифронтовой жизнью. Бесперебойно работали заводы и фабрики, выпуская продукцию для фронта. На подступах к городу жители рыли противотанковые рвы и возводили другие оборонительные сооружения.

Сам город, особенно его окраины, напоминал одну сплошную баррикаду: рельсовые ежи, проволочные заграждения. Широкие улицы и проспекты завалены каменными глыбами и кучами щебня, памятники обложены мешками с песком, купола Исаакиевского собора, Петропавловская крепость, Адмиралтейство и некоторые другие здания покрыты маскировочными сетями. На площадях размещались зенитные батареи, на чердаках и крышах домов дежурили ленинградцы. Каждый дом стал долговременной оборонительной точкой. С наступлением сумерек в небо поднимались огромные серые аэростаты.

Все наиболее ценное - картинные галереи, музеи, библиотеки, производственное оборудование - было вывезено. С Московского вокзала ежедневно уходили десятки поездов с детьми, женщинами, стариками, эшелоны с заводским оборудованием и другим имуществом. А на заводах и фабриках сколачивались подразделения ополченцев.

- Может быть, тебе с Женькой тоже эвакуироваться? - предложил я Анне.

Но она категорически отказалась.

Как известно, в первой половине июля группа немецко-фашистских армий "Север", используя свое численное превосходство и перевес в технике, вышла на дальние подступы к

Ленинграду. Это позволило противнику подтянуть свою авиацию и усилить налеты на город.

Ни командир полка, ни комиссар не скрывали от личного состава осложнившейся обстановки. От них мы узнали, что 20 июля девятка Ю-88 под прикрытием одиннадцати Ме-110 на высоте три тысячи метров пыталась прорваться к Ленинграду с южного направления. В районе Красногвардейска двадцать пять истребителей нашего корпуса встретили вражеские самолеты и завязали с ними воздушный бой. Восемь немецких машин было сбито, остальные вынуждены были развернуться и уйти обратно.

На следующий день налет повторился. С юга на высоте четыре тысячи метров к городу по-воровски пробиралась группа самолетов в составе двадцати пяти "юнкерсов" и "мессершмиттов". Однако стена зенитного огня помешала им совершить черное дело. Беспорядочно побросав бомбы в районе аэродрома, крестоносцы поспешили убраться восвояси.

Фашисты не унимались. 22 июля они предприняли новый воздушный натиск. На этот раз к Ленинграду летело пять групп общей численностью до семидесяти самолетов. Навстречу им командование 7-го авиакорпуса подняло семьдесят пять истребителей. В результате ожесточенной схватки тринадцать гитлеровских экипажей врезалось в землю, остальные были рассеяны.

Три налета - три неудачи. Какова же реакция противника? Прежде всего немцы решили подавить нашу истребительную авиацию на аэродромах. Однако этот замысел был сорван героическими действиями защитников ленинградского неба. Не щадя своей жизни, шли они в бой лишь с одной мыслью - уничтожить неприятеля. "Сколько раз увидишь его, столько раз и убей" - таков был девиз каждого из нас.

Вылетали мы по три-четыре раза в день, компенсируя тем самым нехватку в самолетах. Порой на одной и той же машине на выполнение боевых заданий поочередно ходило несколько летчиков. Именно в эту жаркую ратную пору отличились многие авиаторы нашего корпуса, и Родина высоко оценила их воинский подвиг. М. П. Жуков, С. И. Здоровцев, П. Т. Харитонов, Л. И. Иванов, В. И. Матвеев, Л. В. Михайлов, С. А. Титовка, Н. Я. Тотмин и другие отважные воздушные бойцы были удостоены звания Героя Советского Союза, сотни авиаторов награждены орденами и медалями.

За июль в налетах на Ленинград участвовало более девятисот самолетов противника, но к городу прорвалось всего девять.

К концу месяца наступление врага на ленинградском направлении было приостановлено, и мы получили возможность

проанализировать опыт своей боевой работы. В полк приехали представители 7-го истребительного авиакорпуса и пригласили летчиков на совещание. Это был деловой разговор, направленный на изыскание и освоение новых тактических приемов и дальнейшее повышение летного мастерства.

В первое время при патрулировании над различными объектами и отражении налетов вражеской авиации наши летчики обычно применяли боевой порядок парадного строя звена и девятки. Естественно, это связывало маневренность группы, отвлекало внимание летчиков на выдерживание плотного боевого порядка и мешало своевременному обнаружению противника.

Как правило, в бой вступал весь состав группы, не обеспечивая прикрытием атакующих. Пользуясь этим, неприятель неожиданно нападал сверху, со стороны солнца, из-за облаков. Выяснилось также, что наши истребители подчас допускали однообразие - атаковали противника с задней полусферы, и особенно сзади снизу, открывали огонь с больших дистанций и длинными очередями.

Старшие товарищи отмечали, что еще не все летчики научились применять маскировку с использованием облачности и солнца. Выход из атаки чаще всего производился путем пикирования, без горизонтального маневра, что позволяло немецким истребителям реализовать свои преимущества на вертикалях.

Выступления представителей корпуса, откровенный обмен мнениями однополчан дали возможность полнее выявить наши недостатки и принять меры к их устранению. Парадные строи больше не применялись. В боевых порядках стали выделять ударную группу и группу прикрытия, а наименьшей боевой единицей впоследствии (1942 - 1943 гг.) стала пара самолетов.

Особое внимание теперь обращали на прикрытие атак и выход из них. Такие приемы, как скрытное сближение с противником, открытие огня с коротких дистанции, навязывание вражеским истребителям боя на горизонтальном и вертикальном маневрах и на наиболее выгодных высотах, стали приносить нашим летчикам значительный успех в воздушных боях.

* * *

Закончив перегруппировку и подтянув резервы, немецкие войска при поддержке тысячи пятисот самолетов предприняли на Ленинград новое наступление. На этот раз они наносили удары с запада, юго-запада и северо-запада, стремясь окружить и уничтожить советские войска и овладеть городом.

В борьбе против танков и пехоты врага, наступавших на

южных подступах к Ленинграду, наряду с авиацией Ленинградского фронта и Балтийского флота принимал участие и наш 7-й истребительный авиационный корпус ПВО.

Целый месяц длилось жестокое сражение. Атаки фашистских танковых частей и стрелковых соединений следовали одна за другой. Вражеские бомбардировщики группами по тридцать - сорок самолетов наносили удары по нашим оборонительным позициям. Чтобы снизить интенсивность их атак, группы наших истребителей по прикрытию наземных войск непрерывно, с утра до вечера, висели над полем боя. Над передовой завязывались ожесточенные воздушные бои, в которых иногда участвовало с обеих сторон до ста и более самолетов.

Вот один из многочисленных боевых эпизодов, участниками которого довелось быть летчикам 191-го истребительного авиационного полка, в том числе и лично мне.

Капитан Банщиков повел восьмерку самолетов на прикрытие станции Тосно, забитой товарными поездами. Командир эскадрильи со своим звеном шел впереди, а метрах в трехстах справа от него летели Георгий Новиков, Вячеслав Жигулин и я. Пара старшего лейтенанта Гончаренко шла с превышением над нами.

День выдался погожий, видимость была, как говорят летчики, "миллион на миллион". Барражируя над Тосно, мы зорко следили за воздухом, но противник не появлялся. Наше время истекало, однако очередная смена почему-то задерживалась, и ведущий группы решил сделать еще один большой круг. Вот тут-то мы увидели, что с юго-запада появилось четырнадцать бомбардировщиков Ю-87. Они шли ниже нас, сначала с набором высоты, потом перешли в горизонтальный полет. После интенсивной горки строй "юнкерсов" нарушился, и они летели беспорядочной кучей.

Капитан, не мешкая, повел свое звено в атаку. За ним устремилась и наша тройка во главе с Новиковым. Банщиков и его ведомые открыли огонь. Георгий нацелился на вражеского лидера. Тот резко перевернулся через крыло, скользнул вниз и лег на обратный курс. Мы погнались за ним и вскоре оказались ниже "юнкерсов", беспорядочно сбрасывающих бомбы. Создалось очень опасное положение, и Новиков круто взмыл вверх с разворотом влево. Чтобы не оторваться от командира звена, Вячеслав и я выполнили переход ножницами (он на мое место, я на его). Моторы работали на полную мощность, и самолеты были послушны каждому движению руки.

Отыскивая ведущего, я посмотрел вверх, но вместо него увидел желто-серое брюхо Ю-87 с черными крестами. Почти

автоматически нажал на гашетку - и огненный сноп вырвался из стволов. "Юнкерс", объятый пламенем, накренился влево, перевернулся через крыло и стал стремительно падать. Едва не зацепив его, я проскочил вверх, догоняя Новикова. Вячеслав тоже подошел к нам. Внизу горели яркие костры. Их было четыре. Опасаясь разделить судьбу своих напарников, уцелевшие фашистские пираты, почти касаясь верхушек деревьев, удирали за линию фронта. Было очень обидно, что мы не могли продолжить преследование - у нас осталось совсем мало горючего. Но четыре воздушных пирата больше уже никогда не будут бомбить наши города и села, нести смерть и разрушение моей родине.

Сердце ликовало, радостно билось в груди: значит, фашистов действительно можно бить, не такие уж они неуязвимые, как показалось вначале.

Коля Зайчиков, улыбаясь, рисовал на борту моего самолета красную звездочку - символ одержанной победы.

Дня через три мы услышали радиопередачу о защитниках ленинградского неба. Привожу ее полностью.

"Советские летчики, охраняющие подступы к Ленинграду, продолжают наносить сокрушительные удары по фашистской авиации. За 27 августа наши самолеты уничтожили 23 самолета противника. В этот день фашистские бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, пытались налететь на наш аэродром. Но на земле они не застали ни одного самолета. Бой завязался над самым аэродромом. Наши истребители смело атаковали немцев. Батальонный комиссар Шалыганов в этом бою сбил два "Мессершмитта-109". Третий самолет сбил старший лейтенант Яшин. Успешные воздушные бои вело подразделение майора Радченко. В районе Т., действуя против большой группы бомбардировщиков противника, летчики этого подразделения лейтенанты Кузнецов и Жигулин сбили по одному самолету "юнкерс". Самоотверженно дралось с врагом звено лейтенанта Дорофеева. Летчики лейтенанты Лазарев и Косаренко атаковали и зажгли самолет "хейнкель". Вслед за этим лейтенант Лазарев вступил в единоборство с самолетом "юнкерс" и сбил его.

27 августа советские летчики нанесли ряд ударов по аэродромам противника. Капитан Зверев и младший лейтенант Шеликов уничтожили два "мессершмитта" при попытке подняться с аэродрома. Подошедшие вслед за Зверевым и Шеликовым наши истребители подожгли еще четыре "мессершмитта" и один сбили при попытке взлететь. Вторая группа советских летчиков атаковала вражеский аэродром, на котором находилось семь "мессершмиттов". Над аэродромом патрулировало три немецких самолета. Фашистский патруль после первой атаки советских

истребителей скрылся в облаках, оставив свой аэродром без прикрытия. Наши летчики сожгли на земле пять вражеских самолетов".

Прослушивание сводки, как всегда, организовал батальонный комиссар Резницкий, и однополчане были признательны ему.

Частные успехи в воздухе и на земле (наши войска комбинированным контрударом из районов Уторгош и Дно на Сольцы отогнали немцев километров на сорок к западу от Шимска) не уменьшали стратегической опасности, нависшей над Ленинградом, поэтому партийное и советское руководство продолжало эвакуацию города.

- Придется наших жен и детей отправлять, - собрав в перерыве между вылетами семейных летчиков и техников, сказал батальонный комиссар Резницкий. - Собирайте, друзья, женщин, надо потолковать с ними.

Женщины слушали комиссара молча. Только Галина Олимпиева спросила:

- Надолго ли уедем?

Резницкий и сам не знал этого, однако, чтобы не вызывать беспокойства, ответил:

- Думаю, не надолго, месяца на три. Собирайте вещи, а завтра с утра на машины - и в город, на вокзал.

Сборы были недолги. Олимпиев, Косаренко и я отправились проводить отъезжающих, помочь им сесть на поезд. На вокзале царила неразбериха. Все пути были забиты товарными эшелонами. Паровозные гудки, охрипшие голоса комендантского наряда, возбужденные крики женщин, детский плач - все смешалось. Но поезда, набитые до отказа, все-таки уходили, подчиняясь чьей-то направляющей разумной воле.

Во второй половине следующего дня в составе шестерки, возглавляемой капитаном Жуйковым, я вылетел на боевое задание. Домой возвращались перед закатом. Огромная темно-серая туча заслонила солнце. Я посмотрел на карту. Чуть в стороне от нашего курса лежало село Зайцево. Ведущий группы повел нас к нему. Над селом носились около тридцати наших истребителей ("чайки", МИГ-1, И-16), а внизу метались бомбардировщики. Один из них уже догорал на земле, другой, дымным факелом прочерчивая предвечернее небо, стремительно падал вниз. Мы с ходу врезались в зону боя. Посмотрев вперед, я увидел какую-то черточку с шариком посредине. И только тогда, когда черточка уже превратилась в крылья, а шарик - в тупой нос истребителя, понял: еще секунда-другая - и я врежусь в самолет, идущий встречным курсом.

Резко рванул ручку на себя - и машина свечой взмыла вверх.

От перегрузки в глазах поплыли желтые круги, а тело, будто свинцовой плитой, придавило к сиденью. Когда перегрузка немного уменьшилась и я начал кренить самолет на правое крыло, с ужасом заметил, что летчик другой машины произвел точно такой же маневр. Холодный пот выступил на лбу... Едва не коснувшись фюзеляжами, мы разошлись в разные стороны. На земле я рассказал об этом своим ребятам.

- Да, неосмотрительность может дорого обойтись,- сказал Олимпиев. Кажется, нам вообще не надо было заходить в район Зайцево. Там и без нас хватало истребителей.

- Жуйков хотел помочь ребятам, - возразил Савченков. - Мало ли какие ситуации бывают! А бой был горячим, правда?

В один из напряженных летных дней я пять раз поднимался в воздух. Пятый раз - в составе восьмерки капитана Банщикова, которая вылетела на прикрытие станции Мга. Сверху хорошо были видны десятки железнодорожных составов, очевидно ожидавших отправления. Мы знали, что в первую очередь пропускали воинские эшелоны в сторону Ленинграда, а потом уже те, что шли в тыл. "Вот так, наверное, и наши стоят где-нибудь", - подумал я и в ту же минуту увидел, как с севера на высоте около двух тысяч метров показалось до двадцати неприятельских бомбардировщиков.

Евгений Евгеньевич покачал самолет с крыла на крыло. Летчики подтянулись к ведущему, и вся группа со снижением понеслась навстречу "юнкерсам", чтобы не допустить удара по станции. Врезались во вражеский строй, открыли огонь. Две неприятельские машины сразу же вспыхнули. Остальные, сбросив бомбы на подходе к станции, разлетелись со снижением в разные стороны. Преследуя фашистов, мы расстреливали их почти в упор.

Вдруг с северо-востока показалась вторая группа Ю-87. Вот так ситуация! Банщиков, покачивая самолет с крыла на крыло собрал ведомых и бросился наперерез стервятникам.

У нас было преимущество в высоте метров на пятьсот. "Лаптежники" (так прозвали немецкие бомбардировщики, у которых не убиралось шасси) заколебались: видимо, они не думали, что встретят советских истребителей. Мы воспользовались их замешательством и ринулись в атаку. Так и не достигнув цели, гитлеровцы куда попало сбросили бомбы и один за другим стали поспешно снижаться, чтобы укрыться на фоне темневшего леса.

А тем временем к станции Мга приближалась третья группа бомбардировщиков. Это были Ю-88. Кто-то заметил их, подал сигнал все тем же способом покачиванием крыльев, и мы начали

набирать высоту. Но моторы, работавшие на повышенном режиме, перегрелись и плохо тянули. Стало ясно, что мы не сможем подняться выше, чем противник, поэтому решили предпринять атаку снизу, когда первая тройка "юнкерсов" уже отбомбилась.

Рискуя напороться на сброшенные немцами бомбы, мы все же не прекращали атаки, однако все было безрезультатно. Утешало одно: Николай Савченков, Вадим Лойко и Николай Косаренко трассирующими очередями заставили остальное звенья немцев повернуть от станции. Да, ну а как же все-таки быть вот с этим "юнкерсом", брюхо которого перед моими глазами? Неужели уйдет? Ожесточенно жму на гашетку, но оружие молчит. Перезарядка, вторая - все бесполезно: боеприпасы кончились.

"Таранить!" - мелькнула мысль. Пошел на догон, приготовился к удару. Еще несколько мгновений - и... Но тут, словно молния, сверкнула очередь с борта другого "юнкерса". Мой самолет вздрогнул и на короткий миг как бы застыл на месте. А преследуемый бомбардировщик уходил все дальше и дальше.

Оглянулся. Никого из наших уже не было. Неподалеку от станции пламя жадно пожирало вагоны, вырванные из какого-то эшелона. Мелькнула тревожная мысль: "Может быть, там и моя семья?.." А в стороне горело несколько костров. Не самолеты ли моих друзей? И на душе стало так тоскливо, одиноко и горько, что к глазам подступили слезы. Покружив минуты две-три, я взял курс на свой аэродром. Приземлился уже в темноте.

На пробеге остановился двигатель: кончилось горючее. Подоспевшие механики оттащили самолет с взлетно-посадочной полосы.

- Наши сели? - спросил я Зайчикова.

- Никто не вернулся, - угрюмо ответил техник.

Прибежал посыльный и сказал, что меня вызывают на командный пункт. Что я скажу командиру и комиссару?

В гулкой ночной тишине снова послышался топот солдатских сапог.

- Товарищ лейтенант, - проговорил запыхавшийся посыльный. - Четверо нашлись... Майор Радченко просит вас на КП...

Утром по радио сообщили, что в воздушном бою с тремя группами бомбардировщиков, длившемся около часа, восьмерка советских истребителей сбила четырнадцать вражеских самолетов. Это была наша восьмерка. Все ребята остались живы-здоровы, ни у кого ни царапины. Но самолеты были сильно повреждены и не могли дотянуть до своего аэродрома. Пришлось посадить их на попутных площадках.

На моей машине Зайчиков насчитал сто пятьдесят шесть пробоин различной величины.

В первой половине дня четверо - Банщиков, Лойко, Савченков и Косаренко прилетели на своих израненных машинах, а трое - Жигулин, Мамыкин и Тельных на связных У-2. Радости однополчан не было конца. С блестящей победой нас поздравил по телефону командир корпуса полковник С. П. Данилов.

- Настроение приподнятое, а летать не на чем, - заметил Вячеслав Жигулин. - Четыре самолета требуют большого ремонта.

Он был прав. Беспокоясь о своей машине, я отправился на стоянку, где Зайчиков со специалистами хлопотали с раннего утра. На многих пробоинах уже белели еще не закрашенные латки.

- Посмотрите снизу, - взволнованно сказал техник. - Пробоина с шапку. Снаряд вошел сверху, с левого борта, разворотил пол и вышел под фюзеляжем. Удивительно, как это он вас не задел?

Я сел в кабину и прикинул направление полета снаряда. Он прошел ниже левой руки, что была на секторе газа, и ниже правой ноги. "Вот от чего самолет вздрогнул и на секунду как бы застыл на месте", - вспомнил я вчерашний бой. По телу невольно поползли мурашки: стоило снаряду на миллиметр отклониться вправо - моей фамилии уже не было бы в списке однополчан.

На плоскости лежал формуляр самолета, его своеобразная биография. Пробежав взглядом несколько страниц, я заметил удивившую и обрадовавшую меня запись: в графе "летчик" стояла фамилия лейтенанта Мошина, а рядом моя собственная воентехник 2 ранга Кузнецов.

- Вот так встреча!

Ничего не понимая, Николай Зайчиков молча смотрел на меня. Я рассказал ему, что этот самолет обслуживал с 1937 до марта 1940 года. Командиром экипажа в 1938 году был Александр Мошин, который впоследствии был направлен на Халхин-Гол. Там он таранил самурайский самолет и за этот подвиг был удостоен звания Героя Советского Союза.

Потом на этой машине летал старший лейтенант Пчелинцев. Мотористом у нас был Михаил Дашкевич. Наш комсомольский экипаж считался лучшим в полку. После окончания финской кампании я сдал машину и уехал учиться в Качу.

- Выходит, встретились старые друзья? Ну и ну! - улыбнулся Николай. Совершить более сорока боевых вылетов, сбить шесть фашистских самолетов - и не знать, что за машина! Что ж, теперь хочешь не хочешь, а надо заделать все сто пятьдесят шесть пробоин, да так, чтобы самолет выглядел как новенький.

Меня позвали на разбор вчерашнего боевого вылета. Проводил его заместитель командира полка Федор Иванович Фомин. Доложил капитан Банщиков, потом выступили командир звена и ведущий пары.

Старший лейтенант Лойко, посасывая пустую трубку, с которой почти никогда не расставался, дал самое точное определение вчерашнему бою: "Давка".

Скромный, несколько замкнутый, Вадим Борисович Лойко был старше остальных летчиков. Он летал еще до войны, но несчастный случай (товарищ нечаянно прострелил ему пищевод) прервал службу. Лойко долго лечился, потом демобилизовался, решив посвятить себя живописи. Он неплохо рисовал. Но в июне сорок первого его снова призвали в армию и определили в батальон аэродромного обслуживания. Бывшего летчика опять потянуло в небо, и батальонный комиссар Резницкий помог ему перейти в полк. Бой над станцией Мга был третьим боевым вылетом Лойко.

- А теперь новости, друзья, - сообщил Фомин.- Группа наших товарищей командируется в глубокий тыл получать новые самолеты.

На завод поехали младший лейтенант Василий Нечаев, старший лейтенант Павел Друзенков и другие однополчане. Мы радовались тому, что скоро и в нашей части появятся новые машины. В ленинградском небе уже встречались истребители МиГ-1 и штурмовики Ил-2. Правда, "миги" не подавали больших надежд: они были хороши лишь в борьбе с вражескими разведчиками на высоте порядка семи тысяч метров, да и то нередко отказывало оружие, а у земли, где в основном развертывались бои, "миги" были тяжеловаты и неповоротливы.

В совместных боях мы нередко выручали "мигарей", однако потери у них были довольно большие.

Другое дело штурмовики Ил-2! "Летающими танками" и "черной смертью" называли их вражеские летчики. "Ильюшины" наносили мощные удары по войскам и технике противника.

Помнится такой случай. Мы сопровождали восьмерку "илов", получивших задание нанести штурмовой удар по одному из фашистских аэродромов. Но самолетов там не оказалось, и "летающие танки" взяли курс на автостраду Москва - Ленинград. В излучине реки Тосна обнаружили автоколонну, растянувшуюся километра на два. Штурмовики с ходу ударили по хвосту колонны. Один за другим самолеты обрушивали на противника уничтожающий огонь. Выходили из пикирования настолько низко, что, казалось, вот-вот зацепят винтами за борт или кабину автомашины.

Зенитного огня у врага не было, прикрытия с воздуха тоже, поэтому штурмовка прошла исключительно удачно. Возвращаясь домой, мы заметили, что замыкающий Ил-2 почему-то отстает от основной группы, и не выпускали его из поля зрения. А когда приземлились, увидели, что мощные лопасти винта были деформированы, радиатор помят. Увлекшись атакой, летчик винтом рубил ненавистных гитлеровцев, рискуя своей собственной жизнью.

- Это действительно "черная смерть"! - уважительно и восхищенно отозвались о машине собравшиеся.

22 августа совместными усилиями сухопутных войск и авиации наступление противника на южных подступах к Ленинграду было приостановлено. На рубеже Гатчина, Ораниенбаум линия фронта стабилизировалась до середины сентября. Однако летчики нашего корпуса вели напряженную боевую работу. Среди отличившихся авиаторов были и мои сверстники - выпускники Качинского училища.

- Слышал, Николай, - как-то спросил меня Петр Олимпиев, - как Дмитрий Оскаленко бьет фашистов? Недавно он за день провел несколько воздушных боев и сбил три вражеских самолета. Вот это ас!

Дмитрий еще в Каче зарекомендовал себя способным слушателем. Он досконально знал материальную часть, безукоризненно владел теорией, был примером для однокашников в технике пилотирования. По прибытии в Ленинградский военный округ его назначили в 26-й истребительный авиационный полк, на вооружении которого имелись самолеты И-16 и И-153 ("чайки"). Два месяца учебы в мирных условиях Оскаленко использовал с максимальной пользой для повышения своего летного мастерства, а когда началась война, он сразу же включился в активные боевые действия.

И вот теперь имя двадцатилетнего лейтенанта гремело в полку и других частях соединения. Впоследствии (14 февраля 1943 года) Дмитрий Ефимович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Но не только в воздухе наши летчики уничтожали самолеты противника. Они совершали дерзкие налеты и на вражеские аэродромы. Вот один из наиболее характерных примеров.

В третьей декаде августа авиационная разведка обнаружила, что на аэродроме в районе Спасской Полисти сосредоточено более семидесяти фашистских самолетов. Для нанесения удара по аэродрому было выделено четыре авиагруппы в составе сорока одной машины.

Скрытно подойдя к цели, летчики с первого захода обрушили на нее бомбовый груз. Затем начали штурмовать самолетные стоянки, делая по три-четыре захода. Реактивными снарядами и пушечно-пулеметным огнем было уничтожено двадцать шесть вражеских машин. Гитлеровцы попытались вырваться из этого буйства пламени, но попытка обошлась им дорого: наши истребители уничтожили на взлете еще четырнадцать неприятельских самолетов.

О налете немцы, видимо, сообщили на соседний аэродром. Вскоре оттуда поднялось двенадцать "мессершмиттов". Наши смело вступили с ними в бой и сбили шесть машин.

Это была великолепная победа, о которой сразу же узнал весь фронт: газеты и радио умело, оперативно пропагандировали боевые успехи часовых ленинградского неба.

А три дня спустя сводная группа летчиков нашего, 192, 193 и 26-го истребительных авиаполков получила новое задание - произвести штурмовку большой мотомеханизированной колонны гитлеровцев на участке дороги Тосно Саблино. В воздух поднялись семь "чаек" и девятка И-16. Достигнув заданного района, истребители приступили к боевой работе. Несмотря на обстрел с земли, летчикам удалось поджечь несколько автомашин. Кроме того, они уничтожили много мотоциклов, фашистских солдат и офицеров.

Редко бывают такие удачи, какая выпала на долю наших ребят 28 августа. Прикрывая наземные войска в районе Тосно, семерка И-16 встретила пятнадцать неприятельских самолетов. Силы были неравны - один к двум, но истребители смело вступили в бой с гитлеровцами и уничтожили пять из них.

Вторая семерка проявила еще большую самоотверженность. Отражая налет фашистов на войска в районе Мги, она неожиданно оказалась перед целой армадой бомбардировщиков и истребителей врага. Соотношение было один к десяти. И тем не менее наши летчики приняли бои. Приняли потому, что на них надеялись братья по оружию, находившиеся под их защитой на священной ленинградской земле. Отважные коммунисты и комсомольцы выиграли поединок, сбив при этом двенадцать машин противника. Героев поздравил полковник Данилов, командир 7-го истребительного авиакорпуса ПВО.

Благодаря активным действиям авиации и зенитной артиллерии к городу за весь август удалось прорваться всего лишь девятнадцати вражеским самолетам. Однако противник, не считаясь с потерями, продолжал наступление. Его войска вышли к Колпино, прорвались через реку Мга, захватили Шлиссельбург и отрезали Ленинград от Большой земли.

Глава четвертая. В тисках блокады

В осажденный город вели два пути: воздушный и водный, по Ладожскому озеру. С восточного берега озера караваны судов шли с продовольствием, медикаментами, войсками и оружием. В районе мыса и маяка Осиновец они разгружались и отправлялись в обратный рейс с детьми, женщинами, не успевшими эвакуироваться, ранеными солдатами и командирами. Гитлеровцы постоянно держали под ударом и "воздушный мост", забитый транспортными самолетами, и водную магистраль, поэтому нам, летчикам-истребителям, приходилось с утра до вечера висеть в небе, конвоировать транспорты, непрерывно отбивать атаки "мессершмиттов" и "юнкерсов". К тому времени меня и лейтенанта Павла Шевелева утвердили в должности командиров звеньев.

В первых числах сентября меня вызвал командир эскадрильи и сказал:

- Полетите сопровождать транспортные самолеты от Тихвина до Ленинграда. Изучите как следует маршрут, проверьте материальную часть и оружие: идти придется над водой.

Вылетели на другой день ранним утром, когда только что смолкла жестокая артиллерийская канонада и прекратилась сильнейшая бомбежка. Над Ладогой кое-где еще висел туман. Шли прижимаясь к воде - я впереди, Николай Савченков и Александр Савченко, мои ведомые, слева и справа. Лететь вне видимости берегов было не то что страшно, но как-то непривычно: казалось, и мотор постукивает, и скорость маловата - все не так, как над землей.

Вскоре по курсу показался берег, потом надвинулся лесной массив, среди которого мы и отыскали аэродром. Приземлившись, доложили оперативному дежурному.

- Заправьте машины и ожидайте дальнейших указаний, - распорядился он.

На опушке леса на некотором удалении друг от друга стояли транспортные самолеты.

- Вот с этими, что ли, пойдем в обратный путь? - спросил Николай и растянулся на траве.

- Наверное, с этими.

Мы тоже прилегли.

Минут через тридцать к нам подошли две симпатичные девушки, одетые в новые синие комбинезоны.

- Где командир звена?

Девушки, вероятно, приняли нас за механиков.

- А зачем он вам? - полюбопытствовал Николай.

- Нужен.

Саша показал на меня.

- Ну вот что, - решительно сказала одна из незнакомок, - нам некогда шутить. Где командир?

Пришлось представиться самому.

Вскоре пришли еще две девушки, тоже летчицы с транспортных машин. Обсудили все детали перелета через Ладогу. Договорились, что девчата поведут свои самолеты плотным строем на высоте не более двадцати - тридцати метров, а мы полетим выше. Таким образом, "мессершмитты" не смогут подойти к ним ни снизу, ни сверху.

- А как там, в Ленинграде? - озабоченно спросили девушки.

- Сегодня била по городу артиллерия, была сильная бомбежка, - хмуро ответил Саша Савченко. - Наши, наверное, весь день в воздухе, а мы вот тут на травке лежим, солнечные ванны принимаем.

Девчата погрустнели, вздохнули.

Оперативный дежурный предупредил о вылете.

И вот под нами холодновато поблескивает озерная гладь. Транспортные самолеты идут над самой водой плотным строем, девушки боятся отстать. Оно и понятно - впервые летят над Ладогой. Берег скрылся. Кругом небо да вода.

Жаль, что нет радио: надо бы подбодрить наших подопечных.

Впереди показался караван барж. Теперь ожидай налета. Так и случилось. Спустя некоторое время над судами появились вражеские самолеты. Я оглядел строй транспортников. Замыкающая машина начала отставать. Совсем некстати.

"Мессершмитты" принялись штурмовать баржи. Я оторвался от ведомых и, снизившись, покачал крыльями: внимание, девушки! Те поняли сигнал, и замыкающий самолет подтянулся. Вот так, теперь в случае чего легче будет прикрывать.

Караван барж все ближе. Заметив транспортные самолеты, гитлеровцы оставили суда и начали строить маневр для атаки. Строй заколыхался: заметно нервничают девчата. Первая пара "мессеров" набрала метров шестьсот высоты и ринулась вниз. За ней последовала и вторая пара.

Сейчас противник откроет огонь. Николай трассирующей очередью заградительного огня отогнал первого атакующего "мессера", и тот на выходе из пикирования попал в прицел Александра. Длинная очередь - и машина с черными крестами рухнула в воду чуть впереди наших транспортных самолетов. Напарник сбитого метнулся в сторону. Вторая пара тоже отвернула. А когда мы сделали разворот над караваном барж, немцы и вовсе скрылись из виду.

До комендантского аэродрома повстречалось еще несколько

любителей легкой добычи, но они, видимо, имели другую задачу и вступить с нами в бой не решились. Едва наша группа приземлилась, девчата выскочили из кабин и со всех ног бросились к нам:

- Ой, ребята, какие же вы молодцы!

- Спасибо вам!

Милые девушки, они не знали, что сегодня многим ленинградским летчикам пришлось потрудиться значительно больше, чем нам. Впрочем, я и сам узнал об этом только ночью от заместителя командира полка Федора Ивановича Фомина.

На одном из вражеских аэродромов Ленинградского фронта старший лейтенант Осипов из соединения Героя Советского Союза полковника Торопчина обнаружил около пятидесяти Ю-87 и Ме-109. Полковник приказал произвести налет. Прямым попаданием бомб и пулеметным огнем наши летчики уничтожили двадцать две фашистские машины. А через три часа туда же вылетела группа самолетов из полка майора Благовещенского. От сброшенных бомб на аэродроме возник огромный пожар. Горели цистерны с горючим, самолеты, склады,

В тот же день летчики уничтожили пятьдесят вражеских автомашин и несколько зенитных орудий. Особенно отличился старший лейтенант Гаврилец. Атаковав группу гитлеровских самолетов, он поджег один "месс" и тут же ринулся на другой немецкий истребитель. Но боезапас уже кончился. Пришлось идти на таран. Фашиста сбил и сам остался невредим. Отважный парень!

Девчата угощали нас печеньем, шоколадом, пригласили вместе поужинать. Однако совместный ужин так и не состоялся. Майор Радченко срочно вызвал звено на основной аэродром.

Собрав всех летчиков, командир полка сказал:

- Участились налеты на город. Приказано все силы сосредоточить в один кулак.

Более подробно о сложившейся обстановке нас проинформировал комиссар:

- Девятого сентября, как вы знаете, гитлеровцы начали новое наступление. Главный удар они предприняли из района западнее Красногвардейска, вспомогательный - из района южнее Колпино. Враг рядом. Положение чрезвычайно серьезное. По сути, Ленинград стал фронтовым городом. В ближайшие дни ожидаются бои, равных которым здесь еще не было. Ленинградцы верят, что воздушный щит, частью которого мы являемся, выдержит любые испытания. Мы должны отстоять Ленинград во что бы то ни стало, не допустить варварского разрушения города - колыбели революции. - Резницкий особо подчеркнул эти слова.

Комиссар всегда говорил мало, но по существу и очень душевно. Мы все уважали его за это.

В тот день фашистские самолеты несколько раз пытались прорваться к городу, но наша авиация и зенитная артиллерия успешно отбили все налеты. Лишь поздним вечером одиночные вражеские самолеты на большой высоте прорвались к Ленинграду и в различных районах сбросили фугасные и зажигательные бомбы. На подступах к городу, на аэродромах и над самим городом был уничтожен тридцать один самолет противника.

Мы все с нетерпением ждали новой техники. В полк уже поступили красочные альбомы с рисунками новых самолетов, летно-тактические данные которых нам предстояло изучать. А пока по боевому приказу в небо взлетали наши испытанные И-16.

Над аэродромом взвилась зеленая ракета. Мы поднялись в воздух. Знакомые с детства площади, парки, улицы и даже отдельные здания выглядели теперь по-фронтовому сурово. С высоты двух тысяч метров нам отчетливо был виден весь город - воин в своих боевых доспехах. В небе кроме нашей девятки, возглавляемой Новиковым, находилось еще несколько групп истребителей. Вероятно, ожидался налет немецкой авиации. Предположение оправдалось. Спустя минуту-другую в просветах облаков замелькали зловещие тени вражеских самолетов.

Наверху соседи уже завязали бой, а мы продолжали патрулировать, рассредоточившись тремя группами по фронту. В небе бешено ревели моторы, рвались снаряды, трещали пулеметные очереди.

Несколько впереди меня и чуть выше в разрыве облаков неожиданно появился бомбардировщик Ю-88. В открытых люках были видны бомбы. "Неужели успеет сбросить?" - обожгла тревожная мысль. Почти мгновенно я открыл огонь по нижней части пилотской кабины. "Юнкерс" шарахнулся в спасительную облачность, но было уже поздно. Так и не успев нажать на кнопку сброса смертоносного груза, летчик, вероятно, выпустил из рук штурвал, потому что машина, объятая пламенем, устремилась вниз и, не достигнув земли, взорвалась.

Слева и справа, от меня бушевало огненное небо. Истребители дрались насмерть. В этом жестоком бою вражеский снаряд настиг самолет Дмитрия Оскаленко, и он упал на улице Стачек. Не стало еще одного качинца. Прощай, Дима!

Костя Решетников, лейтенант из соседнего полка, атаковавший вместе с Дмитрием Оскаленко косяк "юнкерсов", стал жертвой "мессершмиттов". Его самолет врезался в землю на территории зоопарка, возле бассейна.

Более часа длился этот бой. Как только техники и механики

заправляли наши машины, мы снова взлетали. И снова завязывалась схватка. Только к ночи напряжение стало спадать. Подсчитали: летчики поднимались в небо по шесть-семь раз, а Василий Добровольский - восемь. От усталости все валились с ног.

Обычно к вечеру, когда в небе поутихало, нас посылали на штурмовку наземных войск противника: на фронте не хватало самолетов-штурмовиков. Но что могли сделать против танков наши истребители? Пули и снаряды отскакивали от танковой брони. Удары по пехоте, конечно, были более действенными, но долго находиться над целью нам не позволял ограниченный запас горючего и уязвимость наших машин.

Чтобы добиться большей эффективности, мы открывали огонь почти у самой земли, едва успевая после атаки выводить самолет из пикирования.

Ходили мы штурмовать и вражеские аэродромы, которые, как правило, очень сильно прикрывались зенитным огнем. С одного из таких заданий - это было в районе Сиверского - не вернулся старший лейтенант Николай Котлов, бывший инструктор на курсах по подготовке командиров звеньев. Мы все очень любили Николая Котлова - прямого, честного человека, замечательного товарища, смелого летчика...

Налеты на город не прекращались. Днем противник наносил основные бомбовые удары, а ночью налеты были рассчитаны на изматывание противовоздушной обороны и деморализацию населения. Надо сказать, что многие летчики нашего полка не были подготовлены к боевым действиям в ночных условиях, поэтому те, кто мог летать ночью, испытывали чрезмерное напряжение.

Сводки Совинформбюро очень часто рассказывали о боевых делах защитников ленинградского неба. Так, например, в вечернем сообщении за 14 сентября говорилось:

"Многочисленные попытки фашистской авиации прорваться к Ленинграду неизменно отбиваются отважными советскими летчиками. На днях на подступах к Ленинграду произошел воздушный бой, в котором участвовало более ста самолетов. Фашисты, потеряв в этом бою семнадцать бомбардировщиков, были отогнаны".

К тому времени имена наиболее отважных однополчан стали широко известны ленинградцам. Это Василий Добровольский, лично сбивший шесть вражеских машин, Егор Новиков, Петр Олимпиев, Владислав Плавский, Вадим Лойко, Павел Шевелев и недавно переведенный к нам из соседнего полка Иван Грачев, уничтожившие по нескольку гитлеровских самолетов.

Ожесточенные бои в районе Красногвардейска продолжались пять дней. На рубеже Лигово, Пулково наши наземные войска остановили противника. Но спустя некоторое время немцы прорвались к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали от основных сил измотанные в боях соединения 8-й армии. На узкой прибрежной полосе образовался приморский плацдарм, который сыграл большую роль в Ленинградской оборонительной эпопее.

В середине сентября мы часто летали на прикрытие войск, зажатых на этом кусочке земли.

Однажды мое звено в составе группы Новикова вылетело на боевое задание. Шли на Ораниенбаум. Все внимание приковано к берегу, откуда могли появиться самолеты противника.

Вот и линия фронта. На юго-западе показались "юнкерсы". Лейтенант Новиков и его ведомые бросились навстречу фашистам. Предполагая, что все истребители прикрытия наземных войск связаны боем с первой группой, немцы бросили на цель еще шесть Ю-88. Шли они с юга двумя звеньями на значительном удалении друг от друга. Энергичной атакой мы заставили первую тройку повернуть назад, не сбросив своего бомбового груза.

Несмотря на активный истребительный заслон, немцы упорно рвались к намеченному объекту. Налетели еще три бомбардировщика. До ведущего "юнкерса" было метров восемьсот - шестьсот, когда я выпустил по нему один из шести реактивных снарядов. Эрэс взорвался, не долетев до цели.

Второй снаряд разорвался где-то за "юнкерсом". Обозленный неудачей, я выпустил сразу два эрэса. От прямого попадания бомбардировщик взорвался, развалился на куски. Остальные "юнкерсы" скрылись. Нет, не напрасно вражеские летчики боятся этого оружия!

Домой возвратились без потерь. Едва успели снять парашюты, как по селектору, установленному на стоянке, раздалось:

- Группе Новикова в полном составе срочно явиться на командный пункт!

- В чем дело? - недоумевали мы. До КП было далековато, и Резницкий прислал за нами легковую машину. Два рейса - и вся группа в сборе. К нам вышли улыбающийся комиссар и майор Радченко.

- Прочти телеграмму, - обратился он к Резницкому, протягивая листок бумаги.

Мы слушали и не верили собственным ушам: сам Климент Ефремович Ворошилов благодарил нас за отличное прикрытие наземных войск и успешно проведенный воздушный бой. Оказывается, он наблюдал за схваткой над Ораниенбаумом.

- Спасибо, товарищи! - пожимая нам руку, тепло говорил Резницкий.

- А теперь прошу к столу; - пригласил летчиков командир полка. - Такие телеграммы получаем не каждый день.

- Если точнее, то впервые, - поправил его батальонный комиссар.

На столе было пиво, вкус которого мы уже позабыли, и нехитрая закуска. Майор подробно расспрашивал ребят о воздушном бое, улыбался, что с ним редко случалось, ронял одобрительные реплики.

Закончился обед, и Резницкий пригласил нас на встречу с делегацией старых путиловцев.

- Кузнецову это будет особенно приятно, - сказал он. - Сам здесь работал когда-то на заводе.

Мы познакомились с рабочими. Это были ветераны производства, участники трех революций, заслуженные люди. В трудное для города время они снова пришли к станкам.

- Спасибо, сынки! С такими героями, как вы, устоим перед любым супостатом, - благодарили нас рабочие.

Во время нашей беседы прозвучала команда "На взлет!".

- Счастливо! Я подожду тебя, сынок, - обратился один из гостей к Петру Олимпиеву.

Он снял фуражку с белой как снег головы и долго махал ею.

Но Петр не вернулся с боевого задания. Он погиб во время штурмовки вражеских войск в районе Ижоры.

Василий Жигалов, летавший вместе с Олимпиевым, рассказал о его гибели:

- Наша группа сделала два захода по немцам. Лютовал зенитный огонь, но мы должны были еще раз атаковать противника. Во время пикирования, когда до земли оставалось метров триста, самолет Петра взорвался от прямого попадания снаряда и сгорел...

Василий умолк, провел рукой по лицу. Мы сняли шлемы и после минутного молчания поклялись жестоко отомстить за смерть павшего боевого товарища. Старые рабочие плакали, не скрывая слез.

Так у меня и Николая Савченкова не стало еще одного друга. Самого близкого.

А спустя несколько дней новое горе - погиб Вячеслав Жигулин, высокий, стройный шатен с черными, как смородина, глазами. Он ходил на боевое задание в составе нашей группы.

Прикрывая наземные войска, мы заметили фашистский самолет-разведчик. Новиков начал преследовать "раму". Но в это время в воздухе появились еще четыре машины и кинулись на

звено Георгия. Я открыл заградительный огонь по первой паре, однако второй паре удалось проскользнуть. Георгий как-то изловчился и длинной очередью сбил один "мессершмитт", а второй "мессер" с ходу атаковал левого ведомого Новикова, который не успел развернуться.

Это была машина Вячеслава Жигулина. Фашисту удалось подбить самолет, и он стал падать, делая одну петлю за другой. По-видимому, летчик был мертв. Краснозвездная зелено-голубая машина вошла в крутое пикирование, и... Славы нашего не стало.

В эти дни у нас в полку работал замечательный советский художник Яр-Кравченко. С раннего утра и до позднего вечера он был на самолетных стоянках, на взлетно-посадочной полосе, заглядывал на командный пункт, в землянки, общежитие летчиков и рисовал, неустанно рисовал.

С ним подружился Вадим Лойко. Забегая несколько вперед, скажу, что, вероятно, под влиянием Яр-Кравченко сразу же после войны Вадим Борисович уволился в запас и целиком посвятил себя живописи.

Яр-Кравченко отказывался от всяких привилегий. Жил в землянке на аэродроме, питался тем же, чем и мы, - нередко одними сухарями. Он делил с нами горечь неудач и радость побед. Может быть, поэтому его работы были так выразительны и реалистичны.

Когда художник закончил в боевых полках серию авиационных рисунков и портретов, журналист М. Жестев в одной из ленинградских газет написал о нем теплую корреспонденцию, которую я храню до сих пор. Жестев писал:

"Славой овеяны имена наших летчиков-истребителей, они любимы народом, и эта любовь привела художника Яр-Кравченко к народным героям. Мастерской рукой портретиста он создал фронтовой альбом. Когда рассматриваешь этот альбом, каждый штрих приобретает необыкновенное значение. Тут нет сражений в воздухе. Героизм летчиков дан через портрет. Вы чувствуете его во взгляде глаз, повороте головы, в каждой черточке лица...

Война жестока, враг злобен, и каждый день истребители встречаются лицом к лицу со смертью. Но ясны их глаза, небо полно солнечных бликов, и от портретов веет мужеством и верой в правоту своего дела. Это внутренний мир советского летчика. В нем его сила и непобедимость...

Мы перелистываем альбом. Вот Герой Советского Союза младший лейтенант Харитонов. Он сидит в кабине. Художник зарисовал его волевое лицо перед вылетом в бой. Вот стоят на аэродроме Кузнецов, Грачев, Плавский. Эти три крылатых богатыря сбили в воздушных боях сорок восемь немецких

самолетов. Вот мастер штурмовки капитан Горохов, вот летчики-ночники Апполонин, Мациевич, Григорьев - люди зоркого взгляда, бесстрашно идущие за врагом по следу зенитных разрывов. И вот летчик Мурга. Под портретом лаконичные строки: "В воздушных боях он уничтожил одиннадцать фашистских самолетов..."

Альбом издан редакцией газеты "Атака". Сделан на фронте, о фронте и быстро, по-фронтовому. Вы перелистываете его от начала до конца, от первого до последнего портрета, и вам не хочется расставаться с близкими и дорогими вам людьми. Их бодрость, мужество и отвага заставляют усиленно биться ваше сердце. Вас глубоко волнует образ героя летчика, славного защитника города Ленина. Он многолик, этот образ, он в сердце каждого советского патриота".

Глава пятая. Суровая осень

Шел дождь. По стеклам ползли мутные холодные капли. Казалось, сама природа оплакивает смерть Василия Нечаева, разбившегося во время перегона новых самолетов из глубокого тыла на фронт.

В школе, забитой нарами и солдатскими кроватями, стояла угрюмая тишина. Мы молча смотрели на огонь в печурке - там потрескивали сосновые поленья, иногда бросали взгляд на портрет Василия, который заканчивал Вадим Лойко. Некоторые склонились над письмами, обдумывая, что бы утешительного сообщить домой. Даже заядлые "козлятники" и те не стучали костяшками домино.

Чтобы как-то развеять тоску, комиссар начал что-то говорить о партизанах Ленинградской области. Сначала ему внимало человека два-три, потом стали слушать все.

- А у станции Торопшино, - продолжал Резницкий, - партизанский отряд организовал крушение бронированной дрезины, на которой ехали в Псков гитлеровцы. Убито пять офицеров и четыре солдата. Фашисты подняли тревогу и к месту крушения послали конный разъезд. Из семи кавалеристов партизаны ухлопали шестерых, один едва ноги унес.

Кто-то спросил:

- Фамилию командира не помните?

- Я бы запомнил, - ответил батальонный комиссар, - если бы партизанских вожаков называли. Конспирация, брат. Написано "товарищ Н." - и будь доволен... Да, и в тот же день отряд товарища Н. у станции Струги Красные подкараулил немецкую автоколонну. Семи грузовиков с патронами и цистерны с горючим для танков не досчитались оккупанты.

- Так им и надо, гадам, - подал голос Николай Савченков. -

Это не солдаты, а бандиты - что на земле, что в воздухе. Я на днях прочитал заметку, от которой до сих пор как-то не по себе...

- Какую заметку? - поднял голову Лойко.

- Обыкновенную, о зверствах немцев. Семь бомбардировщиков налетели на деревню Горки, Любницкого сельсовета. Начали бомбить. - Савченков горько усмехнулся. - Тоже, нашли военный объект... Загорелись хаты. Первыми выскочили дети, за ними женщины. И что же? Гитлеровцы начали расстреливать их с бреющего полета. На самолетах гоняются за детьми и женщинами...

Школа загудела негодованием. Николай Косаренко стукнул кулаком:

- Нет, мало мы бьем эту фашистскую сволочь. Мало! - Снова грохнул по столу так, что подпрыгнула гильза от снаряда, в которой лучился огонек.

Кому-кому, а Николаю, кажется, нельзя пожаловаться на то, что он мало уничтожил гитлеровцев. Только недавно о нем сообщало Советское информбюро: в одном бою сбил сразу два вражеских самолета - один расстрелял, второй таранил. Да и не только о нем говорилось по радио - о Жуйкове тоже, о Плавском, которые 16 сентября уничтожили по два стервятника, о многих других наших знакомых ребятах.

Фронт на южных подступах к Ленинграду окончательно стабилизировался. Город был заперт в кольце блокады.

В ту пору я, конечно, не знал о чудовищных планах немецко-фашистского командования: разрушить блокированный Ленинград с помощью артиллерии и авиации, а затем, после зимнего голода и холода, сровнять вымерший город с землей и передать этот район Финляндии.

Не знал я и о том, что в течение июля - сентября в налетах на Ленинград участвовало более 4300 вражеских самолетов, из которых к городу прорвалось только 508 бомбардировщиков, а 312 крылатых хищников сбито в воздушных боях.

Но я очень хорошо знал, что все защитники города Ленина, в том числе и мои однополчане, поклялись умереть, но не сдать его врагу. Мы летали на штурмовку войск противника в районы крупного железнодорожного узла Луга и Вырицы, прикрывали Кронштадт и Урицк, появлялись в небе над Пушкином и Пулково, над Ладогой и Финским заливом.

Дежурили почти бессменно. Сделаешь вылет, машину заправят - и снова в кабину. Подчас даже ели не в столовой, а в кабине самолета. В такие дни комиссар Резницкий всегда находился с нами. Его душевная теплота была поистине безграничной. Подойдет, бывало, поднимется на плоскость и,

перегнувшись через борт, спросит:

- Ну что, Коля, писем от жены нет?

- Нет. Вздохнет:

- Да, брат, скверно... На-ка сухарик-то, пожуй.

Но сухариков от Резницкого никто из летчиков не принимал, потому что ему давали их столько же, сколько и каждому из нас. Тогда он отламывал крохотный кусочек и просил:

- Обидишь, если не возьмешь.

Приходилось брать и долго смаковать эту твердую ароматную ржаную крошку русского хлеба. И приятно было видеть, как улыбается осунувшийся, усталый комиссар.

- А звездочек-то на борту твоего самолета все больше!

- Больше, товарищ батальонный комиссар.

- У своих, в Ленинграде, давно не был? Наверное, соскучился?

- Давно.

- Надо съездить. Я похлопочу.

Потом Резницкий идет к другому летчику, к третьему. И с каждым поговорит по душам, поделится крошкой сухаря, каждому что-то посоветует, чем-то поможет.

- Вот это че-ло-век! - восторженно говорили ребята, влюбленные в комиссара.

Начальником штаба полка у нас был Солдатенко, высокий, худощавый майор с выбритой до глянцевого блеска головой. Звали его Сергей Игнатьевич. Он ревниво следил за тем, чтобы документы по боевой работе полка велись регулярно и аккуратно, чтобы каждый вылет был записан. Нередко Солдатенко приходил в эскадрилью и напоминал командиру, что такого-то летчика или техника надо представить к награде или к очередному воинскому званию. Иногда Сергей Игнатьевич лично ставил боевую задачу летчикам, особенно на разведку.

Как-то Солдатенко подошел ко мне и показал на карте кружок, обведенный карандашом:

- Надо слетать в район вот этого аэродрома. Есть предположение, что туда перебазировалась новая часть немецких бомбардировщиков. Маршрут выбирайте сами, товарищ лейтенант. А попутно, - добавил майор, - проконтролируйте движение вот по этой дороге. - И начальник штаба показал на ниточку шоссе, идущую к Ленинграду. - Вылет через десять минут.

Я послал техника Зайчикова за своими ведомыми - Николаем Савченковым и Александром Савченко, повторил им боевую задачу, и вскоре мы вылетели. По дороге, на которую просил обратить внимание майор, двигались отдельные повозки и

автомобили. К аэродрому звено подошло на малой высоте. Там стояло около тридцати бомбардировщиков типа Ю-88. Вероятно, они только что приземлились, потому что еще не были рассредоточены и замаскированы.

Развернувшись, наши самолеты быстро ушли. Противник даже не успел организовать противодействие.

Над Ленинградом без особой надобности не разрешалось летать, поэтому все летчики обходили его со стороны Финского залива или Ладожского озера. Мы шли домой северо-восточнее города, где было больше попутных аэродромов, на которые в случае необходимости можно было сесть.

Уже вечерело, когда мы подходили к линии фронта, пролегавшей неподалеку от города. Несколько впереди и выше нас показалась большая группа самолетов. Чьи они? Покачиванием с крыла на крыло я подал сигнал ведомым и взял ближе к Ладоге, чтобы успеть набрать высоту до встречи с неизвестной группой. Николай и Александр поняли мой замысел и тоже устремились вверх.

Высотомер показывал две с половиной тысячи метров. Теперь можно было разглядеть самолеты как следует. Они не были похожи ни на бомбардировщиков, ни на истребителей. Наконец я догадался, что перед нами "Мессершмитты-110" многоцелевые бронированные и хорошо вооруженные машины. Их было около трех десятков. С какой же целью они крутятся здесь? Я посмотрел на карту, и по телу прошел озноб: да ведь совсем рядом один из наших аэродромов, на который приземлились сегодня два полка новых самолетов! Если не разогнать это скопище Ме-110, они сожгут новые машины, во имя которых отдал жизнь Василий Нечаев. Все ленинградские летчики с таким нетерпением ожидали пополнения материальной части, а тут два-три захода - и останутся только обломки да пепел. Нет, этого допустить нельзя!

"Мессершмитты" уже перестраивались для захода на штурмовку, когда мы пошли на них в атаку. Во время разведки звено не израсходовало ни одного снаряда, и теперь нетронутый боекомплект оказался как нельзя кстати. Не сговариваясь, все трое нажали на кнопки залпового пуска реактивных снарядов. Двенадцать языков пламени вырвалось из-под крыльев наших машин.

Почему только двенадцать? Мои эрэсы не соскользнули с направляющих... Нажимаю еще раз на кнопку. Никакой реакции. Значит, не замкнулась электроцепь. Но у меня есть пулеметы. Бить, беспощадно бить по "мессершмиттам"!

Два Ме-110, растерзанные эрэсами, падают вниз. А мы

посылаем свинцовые очереди в гущу переполошившихся фашистских стервятников. Загорелся еще один вражеский самолет. Теперь им уже не до штурмовки аэродрома!

Сейчас бы нам хоть одно звено на подмогу! Кончается горючее. Придется прекратить погоню за "мессерами" и возвращаться домой.

Комиссар, начальник штаба, капитан Жуйков встретили нас с распростертыми объятиями.

- Вы не представляете себе, какую беду вам удалось отвести! - взволнованно говорит Резницкий.

Оказывается, с аэродрома уже пришла радиограмма, в которой командование новых полков благодарило нас за предотвращение вражеского налета. Выяснилось и другое: на помощь нашему звену не взлетел ни один самолет только потому, что все окрестные аэродромы были блокированы "Мессершмиттами-109". Они обеспечивали действия основной группы Ме-110, которая должна была последовательно наносить штурмовые удары, и прикрывали ее. К счастью, вражеский замысел уничтожить авиацию, прибывшую для защиты Ленинграда, был сорван.

Наутро двенадцать Ил-2 под прикрытием десяти "мигов" нанесли удар по двум аэродромам противника. Налет на первый аэродром был настолько внезапным, что с него не смог взлететь ни один вражеский самолет. Ко второму аэродрому так неожиданно подойти не удалось. Снизу бешено стреляли зенитки, а вверху барражировали "мессершмитты". Чтобы не допустить фашистских истребителей к нашим штурмовикам, "миги" стали набирать высоту. Там группа Владимира Залевского начала бой с шестью "мессершмиттами". Штурмовики тем временем, пренебрегая зенитным огнем, сделали разворот влево и начали пикировать на стоянку, где в капонирах виднелись "Мессершмитты-110".

Сбросив бомбы, "летающие танки" открыли пушечно-пулеметный огонь. Стоянки самолетов на аэродроме были объяты пламенем. Намереваясь атаковать "илы" на выходе из пикирования, четверка "мессершмиттов" скользнула вниз. "Миги" устремились на помощь "ильюшиным". Огонь вражеской артиллерии не смолкал ни на минуту. Один из зенитных снарядов попал в Ил-2. Тот взорвался и обрушился на стоянку фашистских самолетов. К своему аэродрому потянулись только одиннадцать штурмовиков. "Мессершмитты", не сумев прорваться к "илам", сновали вокруг неповоротливых на малой высоте "мигов". Вот пара тонких, словно осы, машин кинулась на Владимира Залевского и его ведомого. Резким отворотом влево

Владимир избежал удара, но тут его внезапно атаковали еще два фашиста. Ведомый не успел защитить командира...

С этого боевого задания не вернулись штурмовик и истребитель, пилотируемый Владимиром Залевским. Три дня по летному обычаю никто не садился на его место за столом.

Наша группа во главе с Георгием Новиковым прикрывала наземные войска в районах Пушкина и Пулково. Места мне были знакомы еще с детства и по довоенной службе. Вот парк на окраине Пушкина, вот Пулково с его знаменитой обсерваторией, куда мы не раз ходили на экскурсию. Ее белый купол обычно поблескивал на солнце, возвышаясь над огромными елями и соснами. Вдруг внизу я увидел страшный взрыв. Над Пулковской обсерваторией поднялись языки пламени, все вокруг окуталось густым черным дымом. Прямое попадание тяжелого артиллерийского снаряда. Фашисты не щадили ничего: ни материальных, ни научных ценностей, ни жизни их создателей и творцов.

Неяркое осеннее солнце только к полудню появилось из-за плотного слоя облаков. Плавский, Мамыкин и я дежурили в кабинах. По тревоге звено поднялось с аэродрома и взяло курс на Кронштадт.

Высота три с половиной тысячи метров. Под нами плывут белоснежные облака. В разрывах-окнах хорошо видны суровые, свинцового цвета воды Финского залива. На подходе к острову Котлин крутится десятка два вражеских истребителей. Чтобы не привлекать их внимания, мы нырнули в одно из окон и оказались под облаками. Нашему взору открылась страшная картина: несметное число Ю-87, "Хейнкель-111" и еще каких-то машин, похожих на наши ТБ-3, буквально заклевали большой корабль, стоящий на малом рейде.

Казалось, вода кипит от бесчисленных разрывов бомб, а в небе образовалась сизая облачность от стрельбы зенитных орудий - корабль отбивался всеми огневыми средствами. Снаряды летели также с берега и с малых судов. Кругом был сущий ад.

Мы врезались в гущу вражеских самолетов. Но что такое три маленьких лобастых истребителя против целой армады бомбардировщиков? По-моему, фашисты даже не заметили нас. Воспользовавшись неразберихой в воздухе, я выбрал для атаки одну из неприятельских машин. За Плавского не беспокоился: это обстрелянный, инициативный летчик. Тревожился за Германа Мамыкина. Он еще не имел достаточного опыта, не свыкся с боевой обстановкой.

Вот почему, атакуя "юнкерс", я вынужден был все время следить за Мамыкиным: оторвется - и его тут же срежут. Но

Герман, кажется, проявлял благоразумие, шел рядом. Заметив опасность, с борта бомбардировщика открыли по нам свирепый огонь. Пришлось маневрировать. А Плавский тем временем строчил по другому бомбовозу. Левый мотор тяжелой машины уже начало лизать жадное пламя.

Со второго захода мне удалось убить воздушного стрелка, и огонь с верхней задней полусферы прекратился. "Теперь можно подойти поближе", - решил я и тут же порадовался за Плавского: его противник дымной головешкой падал в воду.

Крылья "юнкерса" вышли за пределы кольца моего прицела. Дистанция метров четыреста. Пора! И я нажал на гашетку эрэсов. Залп был настолько сильным, что самолет как бы подскочил вверх, а желто-серая махина бомбардировщика переломилась надвое, и из его чрева посыпались парашютисты.

"А где же Мамыкин?" - хватился я своего ведомого. Германа рядом не было. Его машина кувыркалась внизу. Вместе с Плавским я кинулся к незадачливому ведомому. От падающего И-16 отделился комочек. Значит, жив Мамыкин! Вот он рванул кольцо парашюта и начал медленно опускаться. Мы сопровождали его до тех пор, пока он не плюхнулся в воду в километре от берега. Его и еще каких-то пятерых парашютистов подобрал наш катер.

Мы взмыли вверх, чтобы продолжить схватку с бомбардировщиками, однако их уже не было над кораблем. Меж облаков шныряли "мессершмитты", но они не представляли опасности для большого судна, и мы возвратились домой.

Мамыкин не появился в полку ни на второй, ни на. третий день.

- Вы точно видели, что его подобрал катер? - который уже раз спрашивал нас майор Радченко.

- Точно.

- Где же он? Как в воду канул.

На четвертые сутки летчики, стоявшие возле КП, увидели, как по аэродрому неуверенно рулит связной самолет. Из второй кабины пассажир что-то кричал летчику и махал рукой в направлении командного пункта. Самолет остановился, и пассажир в морской форме, ловко выпрыгнув на землю, поблагодарил летчика и попрощался с ним.

- Наверное, пакет из штаба или политотдела, - предположил капитан Жуйков.

- Пакет? Ха-ха-ха,-рассмеялся Николай Савченков. - Да ведь это Герка! Напялил бушлат, тельняшку и брюки клеш, а походку сменить забыл, бедолага.

Действительно, это был Мамыкин. После шумного приветствия его попросили рассказать о своих приключениях.

- Все чинно-благородно, - начал Герман. - Ударила, значит, зенитка и продырявила левую плоскость. "Ишачок" мой в штопор. Попытался вывести - не удалось. Пришлось выброситься с парашютом. Если бы не Кузнецов с Плавским, пожалуй, немцы расстреляли бы в воздухе... Приводнился, и морячки выловили меня. "Там пятеро фашистов бултыхаются", - подсказал я им и тут же пожалел: боцман дал такую затрещину - едва на ногах устоял.

Летчики засмеялись:

- За фрица приняли?

- А то как же, - продолжал Мамыкин, - за живой трофей, разговаривающий по-русски. А когда Кузнецов и Плавский прошли над кораблем и помахали крыльями, я радостно крикнул: "Наши!" Боцман еще раз влепил. "Вон ваши", показал он на "мессеров".

Ребят корчило от смеха. Герман до сих пор был еще недостаточно опытным летчиком, но рассказчиком оказался неплохим.

- Ну, так вот, сняли с меня сапоги, вылили из них воду и поставили в сторонку. "Больше не пригодятся", - говорят. Так вместе с немцами и привезли на берег. "Вот этот шкет, - сказал боцман переводчику и посмотрел на меня, за русского себя выдает. Я слегка врезал ему - прикусил язык". Зло меня взяло. Что за манера, говорю, у боцмана? Своего отвалтузил, а тех пятерых и пальцем не тронул. "Слышите? - просиял боцман. - Опять в свояки напрашивается. Разрешите добавить ему на прощанье, авось по-своему залопочет". Спасибо переводчику - не разрешил. Даже немцы и те улыбались: "Эр ист руссе..." - Под общий смех Мамыкин закончил рассказ: - Допросили меня, разобрались, накормили, напоили и облачили в свою форму. На память. Хороший народ моряки!

Подул холодный северный ветер. Небо стало свинцовым, серым. По земле покатились желтые листья.

- Будет дождь, - сказал инженер полка Кушнир.- Надо зачехлить самолеты, на которых нет дежурства.

Вскоре и в самом деле упали первые капли, а когда начало смеркаться, хлынул страшный ливень. Дождь лил всю ночь. Утром тоже не перестал.

Погода была нелетная, и комиссар Резницкий разрешил мне навестить родителей в Ленинграде, а Георгию Новикову съездить в Горелово, где он служил до войны.

Попутная машина подбросила нас до Выборгской. Потом мы разошлись в разные стороны. На другой день я узнал, что Новикову не удалось добраться до Горелово: на подступах к нему шли бои. А мне посчастливилось побывать в городе. Впрочем, счастье это было горьким.

Я шел по знакомым, теперь обезлюдевшим улицам. Кругом завалы, баррикады. Окна домов перекрещены бумажными полосками. Кое-где виднеются разрушения, следы пожара. На мосту через Черную речку повстречалась пожилая женщина. Мы поздоровались.

- Как там на фронте, сынок?

Коротко рассказал, стараясь представить все как можно оптимистичнее. Но женщина знала, что я многого недоговариваю, и грустно смотрела на меня.

- А я вот хлебушек несу. В очереди стояла. - И она показала бережно завернутый кусочек ржанца. - Пойдем ко мне, сынок, я недалеко живу. Самоварчик поставим, попьем чайку. Сахарок у меня есть. Пойдем?

- Родители тут у меня, давно не видел,- отказался я от радушного приглашения.

- А-а. Это хорошо. Отца с матерью надо навестить. То-то радости будет! Ну счастливо тебе, сынок. А я-то своего уж не дождусь. - И женщина заплакала.

Дома я не застал никого. Родители, как и все соседи, давно переселились в землянку: бомбардировки и артиллерийские обстрелы не давали жить людям спокойно. Отец и мать бодрились, но я видел, что эта показная бодрость дается им нелегко. У них почти не было продуктов...

В полк вернулся в прескверном настроении. Однако хандрить было некогда. Предстоял вылет - сопровождение штурмовиков в район Вырицы.

Мы обходили город со стороны Финского залива. Шли под облаками на высоте около тысячи метров. Слева, чуть впереди нас, виднелось несколько темных точек. И вдруг одна из них вспыхнула, словно спичка, и стала медленно оседать вниз. Догадались: это фашистский самолет задел трос аэростата воздушного заграждения, баллон которого не был виден в облаках. Вот почему нас предупреждали, что летать над Ленинградом, особенно в сумерках и облачную погоду, небезопасно.

"Илы" удачно отштурмовались, но все-таки нам пришлось

задержаться в районе Вырицы, разгоняя "мессершмиттов". А когда закончился воздушный бой, стало ясно, что горючего на обратный путь не хватит. Надо было где-то заправиться. Пошли по прямому маршруту, чтобы сесть на промежуточном аэродроме. Еще вдали от посадочной площадки заметили черные столбы дыма.

Что такое? Снижаемся. На стоянке догорают остатки самолетов, а вокруг стоят удрученные летчики. Оказывается, совсем недавно на аэродром совершили налет "Мессершмитты-110" под прикрытием Ме-109. Дежурная пара истребителей, поднятая по тревоге, не смогла предотвратить случившегося.

Простившись с погорельцами, мы улетели на свой аэродром и подоспели к беседе, которую проводил с нашими однополчанами лектор из политического отдела 7-го истребительного авиакорпуса ПВО.

- А пока, товарищи, - заканчивая какую-то мысль, говорил политработник, положение очень серьезное.

- По щелям! - крикнул дежурный, прервав беседу.

Из-под навеса столовой мы бросились врассыпную. Где-то за облаками слышался прерывистый гул бомбардировщика. Рев моторов нарастал с каждой секундой. И вот над аэродромом в разрыве облаков показался "юнкерс". Сбросив две бомбы на границе летного поля, он ушел.

Скорчившись на дне щели, уже немолодой моторист Гарбуз шутил:

- Вот проклятущий Гитлер, разжился где-то бочкой бензина и ящиком бомб и теперь пуляет и пуляет по одной...

Тревога кончилась, и народ высыпал из укрытий. К столовой, где недавно лектор проводил беседу, шел высокий рыжебородый человек в изрядно потрепанной крестьянской одежде.

- Зачем это бородач забрел сюда? - удивились ребята.

Незнакомец подходил все ближе, и озорные глаза его сияли радостью. Это был Залевский, сбитый недавно в воздушном бою. Первым узнал его техник:

- Товарищ лейтенант! Жив?

- Володя!

- Залевский вернулся! - кинулись к нему все.

Начались поздравления, расспросы: где был, что делал, почему долго не возвращался?..

Вечером, когда Залевский привел себя в порядок, надел летную форму, вокруг него снова собрались однополчане, чтобы послушать историю его мытарств. Вот что рассказал лейтенант.

После штурмовки вражеского аэродрома группа "илов" потянула домой, а он, Залевский, со своим ведомым отбивал

натиски "мессершмиттов". Отпугнутый огнем, один из вражеских истребителей начал разворот влево со снижением. Лейтенант устремился за ним и не заметил, как сзади "мига" пристроились два Ме-109, а затем взяли его в клещи. Увидя это, преследуемый гитлеровец развернулся и, присоединившись к конвою, пошел чуть выше советского самолета.

На низкой высоте "миг" неповоротлив. Зная об этом, фашистские летчики прижимали Залевского все ниже и ниже, рассчитывая привести его на свой аэродром. Как ни пытался Владимир вырваться, ничего не получилось.

Оставался один выход: выпрыгнуть за борт. Залевский видел, что внизу мелькает низкорослый заболоченный кустарник. Если повезет, пожалуй, можно остаться живым. Лейтенант отстегнул привязные ремни и парашют, открыл фонарь кабины и, выбрав удобный момент, перевалился через борт самолета. Ветви кустарника и толстая подушка болотного мха самортизировали удар. Владимир даже не почувствовал боли,

А звено гитлеровцев продолжало конвоировать беспилотный "миг"...

Двое суток Залевский плутал по заболоченному кустарнику, надеясь разыскать партизан. Но партизан в этих местах не было, а может, Владимир просто не нашел их. Наконец вышел к дороге, ведущей в Ленинград, и, затаившись в кустах, стал наблюдать. К осажденному городу шли машины, набитые немцами. Где-то неподалеку гудел аэродром, с которого взлетали "юнкерсы".

Сыро и холодно, а костра не разведешь. Не было у летчика ни сухаря, ни куска сахару, чтобы хоть немного подкрепиться. Лейтенант решил пробираться к Ленинграду. Шел по кустарнику, оступался и падал, барахтался в тинистой жиже.

На четвертые сутки Владимир выбился из сил и задремал под кустом на сухой поляне. А рядом шумела дорога, и лейтенанту казалось в забытьи, что он идет на своем "миге" со штурмовки в полк.

Очнулся от удара по ноге. Рука рванулась к пистолету, но на Залевского был направлен черный ствол автомата. Пистолет отобрали, обыскали. Затем четверо немцев скрутили летчика и куда-то повели. Вскоре подошли к группе фашистов. Их было человек двадцать пять. Они не умели говорить по-русски, Залевский не знал немецкого языка. Допрос не состоялся.

- Вег! - махнул рукой один из гитлеровцев, по-видимому старший группы.

Солдат взял автомат и лопату и толкнул лейтенанта в спину:

- Вег!

Дул холодный ветер, под ногами чавкала грязь. Немец вел

пленника к небольшому холму.

- Хальт!

Конвоир развязал Залевскому руки и, угрожая автоматом, заставил рыть землю. Лейтенант рыл, а чужеземец играл на губной гармошке траурную мелодию.

"Неужели конец?"

- Шнель!- подгонял солдат, вытирая гармошку о рукав шинели.

И снова тоскливая мелодия. И опять отчаянный вопрос: "Неужели все?" А могила все глубже, глубже. Залевский подкопал ступеньку, еще сам не зная, для чего он это сделал, и прислушался. Сквозь тоскливое, односложное повизгивание губной гармошки доносился шум автомобилей с дороги, что проходила по лесной опушке.

Солдат перестал играть. "Сейчас крикнет "Шнель!",- подумал лейтенант. - Я пригнусь, и он подойдет сюда. А потом..."

- Шнель! - как заведенный, выкрикнул гитлеровец.

Владимир сжал лопату и, поставив левую ногу на вырытую ступеньку, пригнулся, спружинился. Сердце зачастило, дыхание стало тяжелым. "Спокойно, Володя. Сейчас или никогда!" - приказал летчик самому себе.

Шаркая сапогами, охранник двинулся к могиле. Шаг. Второй. Еще шаг. Мгновение - и голова в рогатой каске покажется над краем ямы. Словно подброшенный катапультой, Залевский вынырнул из могилы и, вкладывая всю силу в удар, полосонул лезвием лопаты пониже каски. Гитлеровец рухнул на землю. Сорвав с него автомат, Владимир вниз по откосу бросился в лес.

С дороги, где слышалось урчание автомашин, раздались выстрелы. Значит, заметили. Петляя и пригибаясь, лейтенант бежал к низине, за которой стеной стояли могучие сосны и ели. Немцы кинулись в погоню. Шум, крик, стрельба...

А Залевский бежал. Бежал до тех пор, пока не задохнулся и не упал в мокрую осоку. Навстречу полоснул дружный залп. Что такое? Владимир оглянулся. Преследователи залегли. Началась перестрелка.

Летчик не знал, куда ползти. И вдруг перед самым его лицом из осоки показались два автоматных дула.

- Ты кто, парень?

Скованный ужасом, Владимир замешкался с ответом.

- Ну, чего молчишь? Ползи в лощину, а там - в лес. Свои.

Это были партизаны...

- Вот в этой крестьянской робе они и переправили меня через линию фронта, - закончил рассказ лейтенант Залевский.

Глава шестая. Прощай, любимый город

Накануне войны Георгий Новиков жил в военном городке - замечательном ленинградском пригороде, красивейшем дачном местечке.

- Эх, ребята, - восхищенно говорил он, - до чего же хорош был городок! Дома стройные, светлые, аллеи - душа радовалась, зелени - море. Не жизнь, а мечта! Говорят, раньше там роскошествовала царская гвардия. Нам завидовали многие авиаторы, в шутку называли привилегированным полком. А теперь там немцы, - сокрушался он.

Служить поблизости от Ленинграда и в самом деле было завидно. Город-красавец, город-музей, город славы и национальной гордости, центр мировой науки и культуры. Вот почему с восхищением вспоминал Новиков довоенную армейскую пору.

И вот однажды Георгия вызвали на командный пункт и приказали подготовить группу летчиков для прикрытия наших наземных войск. Надо было видеть, как волновался лейтенант.

- Вот какая задача! - рассказал он мне и другим ведомым.

Задача как задача, мы не раз выполняли такие. Однако Георгий, по всей видимости, задумал нечто особенное. А что именно? Наконец он посвятил нас в свой замысел.

- Видите вот этот дом, первый от аэродрома? - показал он чертежик, сделанный на тетрадочном листке. - Здесь я жил, в среднем подъезде, на третьем этаже. Если позволит обстановка, штурманем.

Шестерка истребителей взлетела и взяла курс в заданный район. Вражеские самолеты крутились поодаль, не решались подходить в квадрат, где барражировали наши звенья. Когда дежурство в воздухе закончилось, Новиков повел нас в район военного городка.

На фоне догорающей осени городок, залитый солнечным светом, выглядел прекрасно. А по его аллеям ходили чужие люди, по асфальтированным дорогам сновали чужие повозки и машины, над каким-то большим зданием виднелся чужой флаг.

С крыши новиковского дома ударил крупнокалиберный зенитный пулемет, поблизости хлопнуло орудие (видно, важный объект, если так охраняется!).

Мы сделали круг. Звено Новикова нацелилось на крайний дом. Из-под крыльев истребителей скользнуло восемнадцать огненных метеоров. Все они врезались в окна третьего этажа. Мне и моим ведомым уже не рассмотреть ни среднего подъезда, ни тех окон, из которых когда-то любовался красотой городка Георгий со своими друзьями. Реактивный залп моего звена пришелся уже по очагу пожара. Пламя охватило весь дом.

Занялись огнем машины и соседние здания. Пропадите вы пропадом, ненавистные пришельцы!!

Вылезая из кабины, я увидел улыбающегося Зайчикова. Николай подал мне письмо.

- Из Ленинграда, от отца, - проговорил он.

Из дому писали, что живут по-прежнему в землянке, что отец, как и другие рабочие, выполняет срочные заказы для фронта и нередко не уходит с завода по двое-трое суток, что вместо мужчин у станков все больше появляется подростков и женщин. Все бы ничего, только одна беда: продовольственный паек стал еще меньше. Нет, отец не жаловался, просто писал, не скрывая трудностей. Зачем и перед кем скрывать? Город живет, работает и борется, но городу и людям становится все тяжелее.

Я сел за ответное письмо, однако тревога помешала закончить его. Стало известно, что восемь бомбардировщиков прорвались к Ленинграду и разбили Бадаевские продовольственные склады. Всю ночь полыхало злое зарево, всю ночь летчики ворчали и отчаянно ругались. Да и как можно было оставаться равнодушным, если только за сентябрь фашисты совершили двадцать три групповых налета на Ленинград! Особенно ожесточенными были бомбежки 19 и 27 сентября. В первый раз гитлеровцы предприняли четыре дневных и два ночных налета с участием около двухсот восьмидесяти самолетов, а во второй раз днем группы общей численностью до двухсот самолетов трижды обрушивали свои удары на город и близлежащие аэродромы...

Невыспавшиеся, хмурые, мы встали и, проглотив по сухарю с кипятком, затемно отправились на аэродром, где техники и механики уже прогревали моторы.

Готовность номер один объявили группе лейтенанта Грачева. Летчики надели парашюты и сели в кабины. Те, кто были в готовности номер два, остались у машин, остальные ушли в землянку.

Часа полтора-два было спокойно, подозрительно тихо. И вдруг в настороженной тишине послышался нарастающий гул моторов, тяжелый, зловещий, надсадный гул. Дежурные летчики запустили моторы, и те из них, чьи машины стояли рядом с торцом взлетной полосы, тотчас взмыли в небо. Командир эскадрильи Георгий Жуйков не сидел в кабине, однако успел выбежать из землянки и тоже взлетел.

К аэродрому подходили желтокрылые, с черными крестами "Мессершмитты-110" и "Мессершмитты-109". На окраине летного поля от вражеских снарядов закипели фонтанчики земли и дыма. Кое-кто бросился в спасительные щели.

После взлета капитан Жуйков шел некоторое время над лесом, и немцы не заметили его. Набрав высоту, Георгий развернулся и соколом бросился в огненную круговерть. Короткая очередь - и "мессер" перевернулся, камнем упал на окраину аэродрома.

В схватку вступили Иван Грачев и Василий Добровольский, успевшие набрать скорость и высоту, необходимые для маневра. Бешено завертелся клубок самолетов - одиннадцать вражеских и пять наших. Вспыхнула машина Георгия Новикова, бесстрашного вожака истребителей, боевого стража штурмовиков. Вслед за И-16 смерть швырнула с высоты второй "мессершмитт". Потом с борта, объятого пламенем, выпрыгнул раненый командир эскадрильи.

В этом бою мы потеряли три машины и двух летчиков - Жору Новикова и Колю Косаренко. Однако в последующих воздушных схватках однополчане с лихвой компенсировали потерю.

- Запишите, сбил "юнкерса" у мыса Осиповец, - доложил Василий Добровольский начальнику штаба.- Пошлите за подтверждением.

- Приплюсуйте еще один бомбовоз. Утопил в Ладоге, - вынув трубку изо рта, сказал Вадим Лойко.

- Алло! - гудел Радченко в телефонную трубку. - Товарищ полковник, уточняю: в ленинградском небе полк уничтожил девяносто шесть немецких самолетов. А?.. Да, да, именно за это время.

В конце сентября в командование 7-м истребительным авиационным корпусом ПВО вступил полковник Евгений Ефимович Ерлыкин, сменив на этом посту С. П. Данилова. Однажды новый комкор приехал в наш полк, чтобы познакомиться с летчиками. Полковник был озабочен чрезвычайно напряженной обстановкой и, вероятно, в силу этого показался нам несколько резковатым.

В беседе он рассказал, что за сентябрь в налетах на Ленинград участвовало более двух тысяч семисот самолетов противника, но к городу прорвалось только четыреста восемьдесят. При этом вражеская авиация понесла значительные потери. Летчики нашего корпуса сбили сто двадцать воздушных разбойников, а зенитчики сто пятьдесят два.

В заключение полковник Ерлыкин сказал, что корпусу еще предстоят нелегкие испытания, и надо быть готовыми к ним.

Когда уехал командир корпуса, у летчиков выдался небольшой перерыв, и они рассказывали друг другу истории своих поединков и схваток с фашистскими бомбардировщиками и истребителями.

- Василий, как ты таранил вражеский самолет? - спросил

Добровольского Герман Мамыкин.

- Расстрелял весь боекомплект - отогнал целый косяк "юнкерсов" от грузовых барж в Осиновце. А тут один нахалюга лезет и лезет. Ну, и я в азарте ненароком зацепил крылом за его хвостовое оперение. - Добровольский показал двумя ладонями, как это произошло.

- Экипаж не выпрыгнул?

- Врезался в песчаную отмель. Да и выпрыгнул бы - далеко не ушел: справа вода, слева сторожевые посты.

Павел Шевелев, как и Добровольский, тоже летал на Ладогу с Вадимом Лойко, заменявшим раненого командира эскадрильи.

- Трудновато пришлось, - вспоминал Павел. - Вадим несколько раз ходил в лобовую атаку. Весь капот и мотор пробиты, а он продолжает бой - осерчал на "юнкерсов". В общем, не напрасно летали: одним бомбовозом стало меньше у немцев.

- Герман, расскажи о своем полете в облака, - попросил Мамыкина Николай Савченков.

- Не полет - сплошная иллюзия, - отмахнулся Герман.

Раздался смех. Ребята уже знали об этом вылете, но хотели послушать самого Мамыкина - пленника облаков.

На Ленинград ожидался налет группы фашистских самолетов. Командир полка поднял в воздух звено Добровольского. Василий, Мамыкин и Плавский поднялись в дождливое небо. Клочья облаков местами висели над землей на высоте триста метров. Сырая, скучная погодка.

Выше, метрах на восьмистах, клубилась сплошная облачность. Не облака молоко. Звено решило пробить эту завесу и выйти наверх. Машины нырнули, будто в омут, - ни земли под ними, ни неба над ними. Без привычки, вернее, без должного опыта, да еще с такими несовершенными приборами, которыми оборудован И-16, в облаках лететь чрезвычайно трудно. Первым не выдержал Герман Мамыкин. Оторвался от ведущего и словно растворился в непроглядной мути. Метров через пятьсот куда-то исчез и Плавский. Радио у командира нет - не позовешь. Плутать по облакам в поисках ведомых опасно: в любую секунду можно столкнуться и сорваться.

Добровольский уцепился глазами за указатель поворота и скольжения, высотомер и прибор скорости. Это единственное спасение во время полета ночью и в облаках - полностью отдаться во власть приборов. На высоте около трех тысяч метров заметно посветлело. Потом забрезжили лучи солнца и выглянуло чистое голубое небо.

Василий поднялся еще метров на двести, ожидая, что из-под верхней кромки облаков выскользнут Герман и Плавский. Но ни

того ни другого не было. Вместо них с юга, где облачность круто обрывалась, появилось два "мессершмитта". Лейтенант сделал нырок и разворот под прямым углом, затем снова вышел вверх. Немцы были далеко в стороне от него.

Вступать в бой с вражескими истребителями не было никакого расчета, потому что основная задача звена - не допустить к городу бомбардировщики. "Мессам" же выгодно вдвоем наброситься на одного. И они атаковали Добровольского. Он повторил маневр: пике в облака, разворот и снова вверх. Василий давно бы ушел вниз, если бы не надеялся, что его ведомые вот-вот подойдут и противник может атаковать их внезапно. Поэтому еще и еще раз, словно утка-нырок, преследуемая охотником на озере, то скрывался в облаках, то появлялся над ними, обманывая и отвлекая вражескую погоню.

Наконец Добровольский заложил небольшой крен и стал полого снижаться. Самолет спиралью ввинчивался в облака, словно в пуховую перину. Нервы Василия были напряжены до предела: он не только следил за приборной доской, но и думал о том, как бы не столкнуться со своими ведомыми, если они до сих пор не сумели выбраться из серого плена.

Виток, второй, третий. Облака. Еще виток. Опять облака. Стрелка высотомера подошла к цифре "800". Белизна. Виток, виток. Ничего не видно. Четыреста метров. Никакого просвета. Скоро земля, а Добровольский не видит ни зги. Еще потерял сто метров. Седая жуть стала редеть, превращаться в темно-серую пелену.

Перед глазами мелькнула какая-то черточка. "Галлюцинация, что ли?" подумал летчик и тряхнул головой. Но черточка не пропадала, а, наоборот, росла, увеличивалась в размерах. Лейтенант уменьшил крен, сбавил вертикальную скорость снижения. И вдруг снова потерял появившийся в поле зрения предмет: все слилось в одноцветный мрачный тон. Высота менее ста пятидесяти метров. "Еще несколько секунд - и можно врезаться в землю, в море, в черта, в дьявола!" - злился Добровольский.

Он заставил себя успокоиться, напряг до предела зрение и снова уловил ту самую черточку, что уже вырисовывалась в какой-то большой продолговатый предмет, стал выводить машину в горизонтальный полет. Пригляделся. Оказалось, под ним свинцовые воды Финского залива, сливающиеся с нижней кромкой облаков. А на волнах - всплывающая подводная лодка.

Возвратившись на аэродром, командир звена в первую очередь увидел своих ведомых.

- Ну и подбросил же он нам сольцы! - сказал Герман.

- Досталось, - подтвердил Плавский. - Да и было за что!

- Это верно, - согласился Мамыкин, - не надо было отрываться от ведущего. Ведь как получилось-то? Я по привычке посмотрел влево-вправо - и потерял из виду самолет командира. Кругом белым-бело, даже консоли "ишака" не видно. Ну, пока я крутился, мне и показалось, что лечу с правым креном. Отклонил ручку управления влево и левую педаль двинул ногой вперед. Нет, все равно кажется, будто лечу с правым креном. Галлюцинация полнейшая. Вывалился из облаков над самым городом. Смотрю: снижаюсь левой спиралью, черт бы ее подрал! А в облаках казалось наоборот.

- А мне все думалось, что лечу с левым креном. Жму вправо, - признался Плавский. - Тоже обман чувств.

Добровольский добродушно ухмылялся:

- Надо было по приборам ориентироваться, а не полагаться на свои ощущения. Хорошо, что все кончилось благополучно...

Не добившись решающих результатов в сентябрьских боях, немецко-фашистское командование вынуждено было отказаться от дальнейших попыток взять Ленинград штурмом. Оно решило сломить героическое сопротивление защитников города длительной блокадой, систематическими артиллерийскими обстрелами и бомбардировками с воздуха.

И враг приступил к осуществлению своего варварского замысла. Однако огромные потери, понесенные авиацией при дневных массированных налетах, вынудили гитлеровцев перейти почти исключительно к ночным действиям. Известно, что с 1 октября по 24 ноября немцы совершили тридцать семь бомбардировочных налетов на Ленинград (тридцать два ночью и пять днем, в условиях сплошной облачности).

Ночные налеты обычно совершались в ясные лунные ночи на высоте пять шесть тысяч метров. Бомбардировщики к городу подходили с разных направлений. Интервалы между самолетами по времени доходили до двадцати минут, а налеты растягивались на всю ночь.

Летчики нашего корпуса отчаянно дрались с, неприятельской авиацией, прикрывали город и наземные войска, охраняли ладожский водный путь. И все же следует отдать справедливость зенитной артиллерии 2-го корпуса ПВО - в отражении вражеских налетов она играла значительную роль.

Окруженный Ленинград боролся. Редкий день, когда газеты и радио не сообщали о самоотверженности пехотинцев и артиллеристов, танкистов и партизан, дезорганизующих тылы германской армии. Правда, кольцо блокады не расширялось, но и не становилось уже - оно, как говорят, стабилизировалось.

За успешные боевые действия все летчики 191-го истребительного авиаполка, многие техники и другие специалисты получили правительственные награды, а Иван Грачев и Георгий Новиков (посмертно) были представлены к званию Героя Советского Союза.

- Друзья мои, - сказал нам однажды батальонный комиссар Резницкий, - мы с честью выполнили задачу, поставленную перед нами командованием. Теперь нам приказано передать материальную часть соседям, а личный состав отправить для переучивания на новых самолетах. Подробности вам сообщат позже.

Мы радовались тому, что представляется возможность осваивать новую боевую технику, и вместе с тем не хотелось покидать родной Ленинград, в небе которого мы одержали немало побед над врагом и потеряли многих товарищей. А когда узнали, что комиссар не едет с нами, и вовсе огорчились. Он стал для нас очень близким человеком, и мы не представляли, как будем обходиться без него.

Собрались. Машины, нагруженные полковым имуществом, чемоданами, вещевыми мешками и парашютными сумками, стояли возле КП. Мы прощались с комиссаром. Обходя строй, он пожимал однополчанам руку, каждому говорил теплые слова, обнимал ветеранов части.

И вот прозвучала последняя команда:

- По машинам!

Автоколонна тронулась. А коренастый человек средних лет с густой сединой в волосах стоял, приподняв руку, и не вытирал повлажневших глаз. Он недвижно стоял до тех пор, пока последняя машина не скрылась за лесным поворотом.

В середине колонны, словно робкий костерок, занялась негромкая, раздумчивая и чуточку грустноватая песня. Потом ее подхватили все:

Прощай, любимый город,

Уходим завтра в море...

На Большую землю нам и в самом деле предстояло добираться водным путем через Ладожское озеро: другого пути не было.

Неприветливо, шумливыми седыми волнами и холодным ветром с диким посвистом встретила нас Ладога. Сердито швыряла она на берег куски еще не устоявшегося льда и обломки корабельных надстроек. Бросит и отхлынет, стряхнет со своей могучей груди следы близкой зимы или разыгравшейся беды - и снова идет за добычей.

Шумит, клокочет непокорная Ладога, и под буйный говор

волн мы вспоминаем свои полеты над озером - сопровождение транспортных самолетов с западного берега на восточный и обратно, прикрытие барж и других судов, боевые схватки с "юнкерсами" и"мессершмиттами"...

Уже вечерело, когда к мысу Осиновец причалил небольшой корабль. Закончив погрузку штабного, технического имущества и личных вещей, мы в последний раз сошли на берег.

- Николай, - тихо проговорил Савченков, - давай возьмем по горсти ленинградской земли...

Так поступали наши отцы и деды, покидая родные края. И не было в этом ничего от предрассудков, а была лишь великая любовь к земле своей. Мы расчистили мерзлый грунт и взяли по горсти рассыпчатого суглинка - как память о пережитом и святое напоминание: нет мира тебе и спокойствия, солдат, пока пришельцы с запада терзают Родину твою.

Экипаж радушно принял пассажиров, уступил им свои кубрики, и многие ребята, уставшие и промерзшие на ветру, покинули палубу. В полукилометре от берега канонерская лодка стала на якорь, ожидая, когда погрузят баржу, которую надо было буксировать на восточный берег озера.

С наступлением темноты все, кроме вахтенных и боевого расчета у зенитных установок, уснули. За бортом качались волны. Спалось крепко и сладко, словно в давным-давно позабытой колыбели. Проснулись до рассвета, как привыкли вставать в полку. Озорно гудел северный ветер, забрасывая на палубу гребешки волн. У пулеметов сидели закоченевшие матросы, охранявшие наш сон. Стало как-то не по себе: моряки дежурили, мерзли, а мы нежились в теплых кубриках...

Канонерка все еще стояла на рейде, ожидая баржу. Облака нависли почти до самой воды, только с наступлением рассвета в них появились небольшие прореди. Минут через тридцать мы услышали сигнал боевой тревоги. "Юнкерсы" обнаружили лодку и теперь кружились над ней, выбирая момент для атаки. Ветер, волны и надсадный вой бомбовозов.

- Всем укрыться в кубриках!

По железной палубе загрохотали каблуки. Но вот все смолкло, и в наступившей тишине раздался страшный взрыв. Содрогнулся весь корпус корабля. И сразу же заработали зенитные установки. Каждый их выстрел и даже падение гильз стреляных снарядов отзывались в самых укромных отсеках и нервной дрожью проходили по телу. Летчики редко попадали под бомбежку или штурмовые удары противника, а если когда и попадали, то на земле спокойнее, хладнокровнее переносили их. Все-таки земля есть земля. А тут сидишь, закупоренный в

плавучей посудине, и не знаешь, то ли конец налета, то ли самое начало его.

Где-то рядом упало еще три бомбы, от взрыва которых нас разбросало в разные стороны.

- Нет уж, - прохрипел Герман Мамыкин, - если умирать, то не в этом каземате, а под открытым небом.- И первым кинулся наверх.

Вслед за ним выбрались на палубу почти все летчики. Зенитные пулеметы перестали тарахтеть: над канонеркой шел поединок трех И-16 с четырьмя Ме-109. "Ишачки" успевали не только огрызаться на "мессеры", но и отгонять наседавшие бомбардировщики. Ах, ребята, ребята! Как тяжело им сейчас!

Один из наших летчиков, увлекшись погоней за особенно нахальным "юнкерсом", не заметил, как сзади пристроились два "месса". Бессильные чем-нибудь помочь этому безвестному летчику, мы метались по палубе, ругались и яростно сжимали кулаки: вот-вот губительные трассы свинца срежут беднягу.

- Конец, - простонал кто-то отчаянно и повернулся спиной к борту, чтобы не видеть трагической развязки.

И тут случилось, как нам показалось, чудо, хотя каждый из нас в подобных ситуациях не раз предпринимал такой же маневр. Заметив, что товарищ в беде, пара наших истребителей бросилась наперерез "мессершмиттам". Смельчаки явно опаздывали и потому решили испытать последнее средство - открыть заградительный огонь. "Ду-ду-ду-ду!" - жестко застучали пушки. Их трассирующие очереди были не столько опасны физически, сколько воздействовали на психику гитлеровцев. И те отвернули.

А тот летчик, что гонялся за "юнкерсом", видно, и не думал о смерти. Он стрелял по бомбардировщику до тех пор, пока не сбил его.

- Вот забубенная голова! - выкрикнул Василий Добровольский.

- Ура-а! - славили техники победу над вражеским бомбовозом.

Разогнав самолеты противника, звено И-16 собралось над канлодкой, покачало крыльями: все в порядке, мол, ребята! - и ушло на юго-запад.

Благодарными взглядами проводили мы летчиков, и наш корабль взял курс на Ново-Ладогу. А оттуда - на Волхов.

И вот все уже позади - и северный ветер, и волны Ладоги, и налеты на канлодку, и наши треволнения. Мы тепло распрощались с моряками, и Большая земля встретила нас ароматным ржаным хлебом и горячим супом с консервами, вкус которых мы начали уже забывать. Великое благо - хлеб и суп, но

благо несравнимое - тепло человеческих сердец, душевное участие народа к защитникам города Ленина. Пока мы ожидали поезда, люди задали нам сотни вопросов. Каждый авиатор был желанным рассказчиком: он лично видел все, как оно было и как есть на той стороне широкой Ладоги.

Но вот появился юркий паровозик, деловито впрягся в эшелон и побежал, постукивая колесами на рельсовых стыках, на восток. Прощай, Ладога!

Глава седьмая. На дальних подступах к Москве

В конце ноября мы приехали в Иваново. Город встретил нас холодной погодой. Пока добрались до аэродрома, промерзли до костей.

В классе было почти так же холодно, как на улице. Нечем топить. Тысячи ивановских ткачих корчевали лес, крушили торфяные болота, простужались, надрывались на этой неженской работе, а топлива все равно не хватало. Мы знали об этом и потому не роптали, не сетовали на трудности.

Центр переучивания возглавлял тучный, чуть волочивший ногу полковник Шумов. Он ходил опираясь на толстую суковатую палку, при случае потрясал ею перед провинившимся летчиком и зло кричал на него.

Наш 191-й истребительный полк укомплектовали довольно быстро. Костяк части составляли те полтора десятка летчиков, которые прибыли с Ленинградского фронта.

В звене теперь стало по две пары самолетов, и каждому "старику" дали по три новичка: учи, готовь себе ведомых. Не успели мы прослушать несколько обзорных лекций, как начались практические занятия на материальной части. А там подоспели и полеты.

"Харрикейны", "харрикейны"! - восторгалась молодежь английскими самолетами, которыми вооружались полки, отправляемые на фронт.

Но бывалые летчики помалкивали: полетаем - увидим, что за "ураганы" ("харрикейн" по-русски "ураган").

Машины оказались не приспособленными к эксплуатации в зимнее время. Чтобы запустить двигатель, техники и механики буквально выбивались из сил: утепляли чехлами, подогревали с помощью специальных агрегатов, без конца проворачивали винт. От людей пар идет, а мотор - как мертвый.

В крыльях двенадцать пулеметов. Кажется, куда еще больше! А калибр обычного винтовочного патрона. За сиденьем летчика вместо бронеплиты, какая была на И-16, дюралевая полоска пяти - шестимиллиметровой толщины. Пистолетная пуля пробивала эту защиту насквозь.

Самолет предназначался для эксплуатации на идеально ровных бетонированных площадках. А на наших грунтовых аэродромах с плохо укатанным снежным покровом он клевал носом во время рулежки или пробега: при малейшем сопротивлении на колесо возникал опрокидывающий момент. Винт на "харрикейне" деревянный, чиркнешь по снегу - разлетится в щепки.

- Что делать? - задумались инженеры и летчики. Выручил моторист Гарбуз.

- Я живым противовесом сяду на хвост, а вы рулите, - сказал он командиру экипажа.

Попробовали - получилось. "Харрикейн" не клевал носом. А Гарбуз окоченел.

Среди инструкторов на местном аэродроме оказался и Павел Друзенков, перегонявший самолеты вместе с Василием Нечаевым.

- Машины дрянь, - безнадежно махнул он рукой.

Много неприятностей из-за этих "харрикейнов" натерпелись и мы.

В звене Добровольского был новичок Лукацкий. Посадив парня в переднюю кабину учебно-тренировочного истребителя УТИ-4, Василий пошел на старт, чтобы узнать, кто из инструкторов будет проверять Лукацкого. После этого тому предстоял самостоятельный вылет. Старт был забит машинами, и Добровольский задержался.

Лукацкому, по-видимому, надоело ожидать. Он запустил мотор и решил ускорить дело - подрулить к старту и найти там звеньевого.

По неопытности, а больше всего из-за неосмотрительности (широкий лоб мотора закрывал переднюю полусферу) Лукацкий растерялся и порулил на стоянку самолетов. Шум, крик. Прибежал полковник и задохнулся от негодования.

- Не миновать бы тебе, парень, серьезного взыскания, да обстановка уж больно напряженная. Пожалел тебя Шумов, - сказал майор Радченко.

Прежде всего новые машины освоили коренные летчики полка, и некоторые из них вскоре были назначены в другие части. Ушли от нас Николай Савченков и Александр Савченко, Герман Мамыкин, Владислав Плавский, Федор Иванович Фомин. Все они хорошо воевали, по-ленинградски. Александр Петрович Савченко, будучи капитаном, командиром эскадрильи 127-го истребительного авиаполка, в феврале 1944 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

Совсем осиротел наш 191-й истребительный.

- На чем воевать, на кого опираться в бою? - тревожились

летчики.

Тревога была не напрасной. Громоздкий "харрикейн" по скорости уступал немецким истребителям, а по маневренности, особенно на вертикалях, был совсем никудышной машиной.

- При развороте одно крыло этой каракатицы в небе, другое в земле, невесело шутили мои друзья. - Только и радости, что на борту радиостанция: хоть на помощь позовешь кого-нибудь в воздухе.

- А кого? Посмотришь вокруг - аж в глазах зеленеет от новичков...

Парадокс, но отправку полка на фронт ускорил все тот же Лукацкий. Ему предстояло выполнить последний полет на "харрикейне". Забыв о том, что на хвосте сидит моторист, Лукацкий ухарски вырулил на старт и, не останавливаясь, дал полный газ и пошел на взлет. Все, кто находились на старте, обмерли:

- Моторист...

Летчик уже был в воздухе, и мы каждое мгновение со страхом ожидали: вот-вот окоченевший человек упадет с хвостового оперения машины. И тут надо отдать должное спокойствию руководителя полетов. Не сказав Лукацкому о "живом противовесе", он плавно завел его на посадку, и, как только самолет коснулся земли, моторист упал. Он был в полуобморочном состоянии.

Лукацкий, бледный как полотно, стоял перед командиром звена. Не знаю, чем бы кончилось дело, если бы к ним не подоспел Вадим Лойко, назначенный заместителем командира эскадрильи.

- Василий, спокойнее, - глухо произнес он и сломал мундштук своей неизменной трубки.

Подошел Шумов. На этот раз полковник сдержался, никого не стал отчитывать, только спросил:

- Не пора ли сто девяносто первому на фронт?

Летчики и техники ленинградцы радовались, прослушав радиопередачу "В последний час". В ней сообщалось, что наши войска во главе с генералом армии Мерецковым наголову разбили 12-ю танковую, 18-ю моторизованную и 61-ю пехотную дивизии противника и заняли город Тихвин. Потом было специальное сообщение о трофеях наших войск.

- Ну, братцы, - сказал .Павел Шевелев, - пошли дела. Особенно под Москвой. Пока мы тут клевали носом на "харрикейнах", произошли события мировой важности.

Павел не преувеличивал. Отправляясь с Ленинградского фронта в тыл, мы лишь в общих чертах знали о грандиозном

сражении, развернувшемся на ближайших подступах к столице. Теперь же, от командира полка до моториста, все были точно осведомлены о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы. Имена отличившихся полководцев и военачальников - Рокоссовского, Лелюшенко, Голикова, Кузнецова, Говорова, Болдина, Белова и других - передавались из уст в уста. Их войска освободили Рогачев, Яхрому, Солнечногорск, Истру, Венев, Сталиногорск, Михайлов, Епифань - целое созвездие городов и свыше четырехсот других населенных пунктов.

Удар за ударом обрушивался на немецко-фашистских захватчиков. Снова свободными стали Ливны и Ефремов, Клин и Руза, Алексин и Калинин. А потом опять радостные вести с Ленинградского фронта: войска генерала Федюнинского основательно потрепали противника на войбокаловском направлении.

На фронт мы отправлялись в приподнятом настроении. Наш путь лежал на северо-запад.

- Может быть, снова под Ленинград? - предположил Василий Добровольский, и в глазах его заблестели огоньки надежды.

И все думали так, тем более что промежуточный аэродром был неподалеку от Калинина. Мне эти места были особенно знакомы. Отсюда когда-то вместе с товарищами я уезжал на финскую войну.

Холод погнал нас через весь аэродром в жилой городок. Уютным, приветливым казался он издали. А вот и мой дом. Неужели все осталось нетронутым? Хорошо бы сейчас пододеть шерстяные носки и свитер, оставленные на довоенной квартире.

Спешу, поднимаюсь на второй этаж, где когда-то была моя комната. На двери замок, а сама-дверь взломана топором или ломом. Комната ограблена. Везде следы фашистских варваров...

На другой день прилетела еще одна группа "харрикейнов". Это был полк майора Ф. И. Фомина, бывшего заместителя А. Ф. Радченко. Затем прибыла транспортная машина с обслуживающим составом и техническим имуществом. И сразу же захлопотали техники у "харрикейнов", начали отогревать застывшие на морозе и ветру моторы. Часа два-три спустя аэродром повеселел. Ожили, загудели наши "ураганы". Теперь можно дальше лететь.

- На Торопец! - приказал командир полка.

И мы взлетели. В лучах солнца роились мириады тонких ледяных иголок, образующих морозную дымку. Впереди у перекрестка дорог показался большой населенный пункт, утопающий в белых сугробах. Это был Торопец, отбитый у противника 20 января 1942 года. Мы снизились. Многие дома

разрушены. На улицах - оживленное движение повозок и автомобилей. Кое-где из труб поднимаются прямые столбы дыма. Возле руин теплятся костерки, обогревающие людей, которых война оставила без крова.

Ведущий нашей группы отвернул в сторону лесного массива; мы потянулись за ним и вскоре рядом с опушкой леса увидели белую поляну - Кудинское озеро. У самого берега посверкивала расчищенная ледяная полоска. Это и есть наш аэродром.

Сели. Слева и справа возвышались огромные снежные брустверы. Нашли место для стоянки самолетов. Наученные горьким опытом, не стали студить моторы, все время поддерживали их подогретыми. От частых запусков двигателей с помощью аккумуляторов батареи заметно разрядились. Это угрожало большими неприятностями, но других средств запуска у нас не было.

К вечеру с промежуточной площадки прилетел 195-й истребительный полк Ф. И. Фомина. Все самолеты расположили у обрывистого берега и замаскировали ветками. На ночь решили оставить шесть дежурных летчиков, которые должны были прогревать моторы. Остальные отправились в город, потому что на аэродроме не было помещения для отдыха.

Возвратились к рассвету. Жесточайший мороз пробирался под меховую одежду, студил руки и ноги, обжигал лицо. Из всех наших "харрикейнов" только грачевский подавал признаки жизни. Все другие застыли. Техников по-прежнему не было. И соседи тоже не прибыли.

- Что, застыли ваши каракатицы? - крикнул какой-то солдат, приплясывавший у самодельной зенитной установки.

Это был один из пулеметов "максим", предназначенных для обороны ледяного аэродрома. Мы знали, что существенного противодействия он не может оказать противнику, но все-таки с ним было немного веселее.

- Застыли, браток, - отозвался Василий Добровольский. - А твой ветеран действует?

- Ночью пробовали, тарахтит.

Иван Грачев сидел в кабине и блаженствовал, а мы бегали вокруг своих омертвевших машин, отбивали чечетку. Часов около одиннадцати послышался отдаленный гул.

- Не техники ли наши летят? - предположил Павел Шевелев. - Хорошо бы!

Гул нарастал, и, по мере того как он приближался к озеру, нам становилось все яснее: идет несколько самолетов. Но чьи - свои или чужие? В сердце закралась тревога. Летчики запрокинули голову и до боли в глазах вглядывались в белесое

небо. И вот показались бомбардировщики. Навстречу им взлетел заместитель командира эскадрильи Иван Грачев. Недавно ему присвоили звание Героя Советского Союза, и он был теперь в особенно боевом настроении. Заработал тот самый "максим", что находился возле нашей стоянки.

Иван дважды атаковал "юнкерсов" и, преследуя их, стрелял почти в упор. Однако пули винтовочного калибра не причиняли врагу большого вреда. Грачев гнал противника до тех пор, пока не кончились горючее и патроны.

Двадцать четыре Ю-88 основательно потрепали материальную часть обоих полков, но люди остались невредимы. Оставаться на Кудинском озере было небезопасно; и нам приказали перебраться на аэродром, где дислоцировался истребительный авиационный полк, летавший, как и мы, на английских машинах. Неожиданно встретились с Николаем Савченковым и Владимиром Залевским, служившими в этой части командирами звеньев.

Разговорились. Савченков рассказал, что авиации на Калининском фронте значительно меньше, чем было под Ленинградом, и действует она менее активно, хотя летать ребятам приходится не так уж редко.

- Почему? - спросил я Николая.

- Мне трудно судить об этом, - сказал он. - Сам понимаешь: командир звена - небольшой начальник. Но недавно к нам прилетал представитель штаба ВВС Калининского фронта и в беседе сообщил кое-что интересное.

- Просто объяснил обстановку, - без особого энтузиазма добавил Залевский.

- Ну как "просто", - возразил Савченков. - Рассказал о взаимодействии ВВС Западного, Северо-Западного и нашего фронтов, о соотношении сил в воздухе, об особенностях обстановки. Ведь что получается? Наши войска глубоко вклинились в немецкую оборону. Холм, Великие Луки, Белый, Погорелое Городище - это же около восьмисот километров! А в распоряжении штаба ВВС фронта всего-навсего около сотни самолетов. Вот и думай-гадай, куда их бросить.

- В общем, приходится распылять силы, - подытожил Владимир. - Поэтому высказываются соображения, что необходимо создавать воздушные армии. Армия мощный кулак!

- Ну а как дела в вашем полку, Николай? - спросил Савченков.

Я рассказал о налете немцев на ледовый аэродром.

- Между прочим, их разведчики и сюда летают, - заметил Владимир Залевский. - Так что надо глядеть в оба.

И действительно, вскоре после этого разговора над Старой Торопой появился вражеский разведчик Ю-88. Лойко, меня и Шевелева подняли на перехват. Но с такой скоростью, какую имел "харрикейн", о перехвате или преследовании "юнкерса" нечего было и думать. И мы решили подождать разведчика, который, по правилам немецкой пунктуальности, обязательно должен пройти прежним маршрутом. Расчет оказался правильным. Минут через пятнадцать северо-восточнее района нашего барражирования мы заметили разрывы зенитных снарядов и поспешили туда.

"Юнкерс" возвращался на высоте две тысячи метров. Мы шли с превышением и, внезапно свалившись на него, открыли огонь из тридцати шести пулеметов. Минут десять с разных сторон поливали его огнем, а он продолжал лететь как ни в чем не бывало. Преследование прекратили возле самой линии фронта.

- Это детские пукалки, а не оружие, - доложили мы командиру.

- А ты что скажешь? - спросил Радченко инженера полка по вооружению. Тот развел руками:

- Ничего не поделаешь. Была бы отечественная машина, можно было бы написать рекламацию в конструкторское бюро. А в Англию не пошлешь...

Из штаба мы ушли разочарованные. Я долго ходил вокруг "харрикейна" и думал, как усилить его огневую мощь. Вспомнил свой верткий И-16 с пушками, эрэсами и бронеспинкой. Все ожидал новую машину. Вот и дождался...

Николай Зайчиков готовил самолет к очередному вылету.

- Что не идете в землянку, Николай Федорович? - озабоченно спросил он.

Я рассказал о своих раздумьях и еще раз добрым словом помянул И-16.

- А ведь это идея! - подхватил техник мою мысль. - Кое-что переставить с "ястребка" на "ураган" - и получится великолепный гибрид!

Мы рассмеялись.

- Нет, я вполне серьезно, - снова возвратился Зайчиков к нашему разговору. - Я видел в лесу разбитый И-16. Пойду посмотрю, нельзя ли кое-что снять с него. Но пока никому не говорите об этом...

Вечером Николай принес добротную бронеспинку и две направляющие балки реактивных снарядов. Начали с установки бронеплиты. В ту же ночь мы установили ее, а дюралевый щит, снятый с "харрикейна", выбросили.

- Теперь сзади нас пушкой не пробьешь - радовался Зайчиков. - Завтра займемся эрэсами.

Минуло еще две ночи - и направляющие для реактивных снарядов были установлены. Подвели к ним и электропроводку.

- А где возьмем эрэсы? - спросил я техника.

- Раньше на этом аэродроме, кажется, стояли "чайки" или "ишаки". Посмотрю, не остались ли снаряды в складе, - пообещал Зайчиков.

Реактивные снаряды нашлись. Мы подвесили их. Оставалось опробовать это оружие в бою. Я надеялся, что во время очередного вылета встречу неприятельский самолет, и ожидал боевого задания с нетерпением.

Вот и небо. Барражировал почти до полной выработки горючего, но самолетов противника, к сожалению, не было. Чтобы не возвращаться с эрэсами домой, метров с четырехсот ударил по облачку от зенитного снаряда. Получилась незадача: взрыв произошел ниже цели. Значит, надо регулировать установку. Это было делом нескольких минут. Главного мы добились с Зайчиковым - оружие действовало! Сразу же после посадки Николай отрегулировал установку.

Чаще всего мы летали на разведку войск противника в районах Великих Лук, Крестов, Велижа, Белого и других городов. Прикрывали над полем боя наземные части. Иногда приходилось летать и на штурмовку. Однако главные события развивались не здесь, а восточнее, где шла подготовка к окончательному разгрому ржевско-сычевско-вяземской группировки врага.

Мы думали, что в феврале или в крайнем случае в марте нас направят именно туда - на левый фланг Калининского фронта, где ожидалась активизация боевых действий. Но для продолжения мощного наступления, видимо, не хватало сил и средств, поэтому войска Западного и нашего фронтов проводили лишь отдельные операции, приводившие к частным успехам. А с началом весенней распутицы вообще не было сколь-нибудь значительных боев.

По распоряжению штаба ВВС фронта наш полк должен был передать оставшиеся самолеты в соседнюю часть, а личный состав - снова отправиться в тыл, чтобы получить другие машины. Вскоре соседи прибыли к нам за материальной частью.

Среди других летчиков принимать "харрикейны" пришел и Владимир Залевский.

- Надеюсь, - весело сказал он, - что по-дружески вы дадите мне самые хорошие машины.

- А сколько тебе?

- Четыре.

- За четыре не ручаюсь, - сказал я Владимиру, а мой - лучший самолет в полку.

- Почему?

Я рассказал Залевскому обо всем, что мы сделали с Николаем Зайчиковым.

- Вот спасибо, себе возьму твою машину. Завтра же и облетаю ее.

Владимиру повезло. Едва он взлетел и выполнил несколько пилотажных фигур, как услышал по радио предупреждение: с юго-востока идет разведчик. "Юнкерсы" совершенно игнорировали заморские "ураганы". Ю-88 как шел на высоте пять тысяч метров, так и продолжал идти, не меняя курса и высоты.

Залевский пошел на сближение. Летчики, наблюдавшие с земли за его маневром, ожидали результата атаки. Больше всех, пожалуй, волновался я: ведь Владимир летел на моем самолете. Уже на глаз было видно: пора открывать огонь. Владимир помедлил секунду, а в следующий миг из-под крыльев его истребителя вырвались два смерча. Удар - и "юнкерс", тот самый "юнкерс", что и внимания не обращал на какой-то "харрикейн", развалился на части.

Трудно передать восторг людей, наблюдавших за этим боем. Кричали все, многие подбрасывали шапки:

- Ай да "харитон"!

- Молодец, "харитоша"!

Так английский "ураган", переоборудованный русским техником, перекрестили в "харитон", ласково - "харитоша".

Владимиру Залевскому, вызванному в штаб ВВС Калининского фронта, пришлось рассказать, благодаря чему он легко уничтожил фашистского разведчика.

Ах, что за чудо-городок Кинешма! Леса кругом - тихие, дремучие, отороченные белыми, чуть ноздреватыми снегами. А посреди лесов красавица Волга в ледяном панцире с промоинами. По округе места знаменитые: Нерехта, откуда вышел подьячий Ефим Крякутной, первым на Руси поднявшийся выше колокольни на фурвине, самодельном воздушном шаре, еще в 1731 году; Палех с его потомственными мастерами росписи по дереву; Решма, Южа, Увадь, Лух - все древнерусские названия, идущие, наверное, еще с дотатарских времен.

В один из таких уголков, которых не коснулось военное лихо, и приехали мы с Калининского фронта, чтобы получить новые самолеты, освоить их и опять отправиться на войну. Однако новыми машинами оказались те же "харрикейны". Правда, поговаривали, что оружие на них установлено наше, отечественное. Но вскоре оказалось, что это лишь благие намерения, а стоят на "ураганах" прежние пулеметы-пукалки. И что больше всего поразило нас - начальником нашим снова

оказался полковник Шумов, которого в шутку кто-то назвал "авиакнязем ивановским, кинешминским, тейковским и прочая и прочая...".

- А-а, старые знакомые! - проговорил Шумов. Он усмехнулся и добавил: - Три дня сроку. Самолеты вам знакомы. Получите, облетаете - и с богом, как говаривали прежде. На фронт.

Отведенные дни промелькнули быстро. За это время сменилось командование полка. Вместо А. Ф. Радченко, переведенного в другую часть, командиром стал его заместитель майор Александр Иванович Попрыкин. Комиссара Павлюченко сменил летчик Копылов. Новый политработник сразу всем пришелся по душе - вниманием к людям, заботой о них он чем-то напоминал А. Л. Резницкого.

Настало время отлета. Сначала сказали, что будем садиться где-то возле Москвы, потом аэродром посадки изменился - приземляемся в самой Москве!

- Говорят, "харрикейны" будут перевооружать.

- Наконец-то!

Вот и старт. Летим в столицу с новыми надеждами: авось на этот раз приведется повоевать как следует!

Центральный аэродром был сплошь забит самолетами самых различных типов: "чайками", "мигами", "ильюшиными", "петляковыми". Одни машины садились, другие взлетали, около третьих хлопотали бригады заводских рабочих.

- Завтра получите "харрикейны" с нашими пушками и реактивными установками, - сказали нам.

Мы усомнились: неужели такие темпы? И напрасно. Москвичи сдержали слово.

- Это тебе, Коля, не самоделки. Сила! - Иван Грачев оттопырил большой палец.

- А все-таки "ишачок" был лучше, - возразил Василий Добровольский.

- Как вы сказали? - переспросил незнакомый нам человек, следивший за работой заводских бригад.

- "Ишачок", говорю, лучше этих каракатиц, - повторил Василий. - А вы, извините, кто будете?

- Конструктор Поликарпов, не слышали? - улыбнулся наш собеседник,

- Как же! - Добровольский не смутился. - На ваших самолетах не один десяток "юнкерсов" и "мессов" сбили под Ленинградом.

- Вот как! Что за полк?

- 191-й истребительный.

- Расскажите-ка подробнее, - попросил конструктор.

Мы окружили Н. Н. Поликарпова и долго беседовали с ним,

вспоминали наиболее характерные воздушные бои, рассказывали о выносливости И-16.

- Однажды Кузнецов, - Добровольский кивнул в мою сторону, - привез сто пятьдесят шесть пробоин.

- И ничего? - спросил Поликарпов.

- Жив-здоров. А "ишачок", наверное, и сейчас в строю, товарищу передал, ответил я конструктору. - Кстати, он всю финскую войну прошел. Крепкая машина.

- Спасибо, друзья мои, за похвалу, но главное все-таки люди. Очень, очень рад знакомству с вами.

Конструктора позвали, и он, простившись с нами, ушел на завод. А мы в тот же день улетели под Можайск.

Стояла ранняя весна. Отцвели подснежники, из-подростали показывались зеленые усики травы. Почки на деревьях вот-вот лопнут и превратятся в молоденькую малахитовую листву. В чистом весеннем небе затрепетали первые жаворонки. Песенно, светло и радостно. И не только потому, что на синих крыльях прилетела весна, а главным образом потому, что наши войска продолжали громить немецко-фашистские полчища. Изо дня в день победы радовали советских людей.

Боевая работа началась сразу же после того, как мы перелетели на новый аэродром. Чаще всего ходили на прикрытие наземных войск в районе Вереи. "Харитоны" стали немного тяжелее, зато оружие на них любо-дорого! Поэтому, естественно, каждому из нас хотелось помериться силами с истребителями и бомбардировщиками противника. Однако в течение нескольких дней мы не встретили ни одного вражеского самолета.

- Встретим еще, и не раз, - говорил заместитель комэска Вадим Лойко.

Вскоре полку поставили задачу обеспечивать боевые действия конницы генерала П. А. Белова, которая прорвала оборону противника и врезалась в его тылы. Много хлопот и неприятностей доставляли оккупантам отважные конники, и фашистское командование бросило против кавалеристов значительные силы авиации.

Каждый день по нескольку раз летали мы в район действий корпуса П. А. Белова, и редко какой вылет обходился без воздушного боя с "лапотниками", пытавшимися бомбить кавалерийские части.

Первыми испытали оружие новых истребителей Лойко и командир звена Добровольский. От их меткого огня рухнули, объятые пламенем, два Ю-87. И экипажи вражеских бомбардировщиков сбавили спесь и без истребителей сопровождения уже не рисковали появляться.

- Уважать стали наших "Харитонов", - говорили ребята, довольные тем, что оружие, установленное на английских машинах, действовало весьма эффективно.

Ветераны полка учили искусству воздушного боя молодых летчиков. У Василий Добровольского ведомыми в звене были младший лейтенант Лукацкий и сержант Барышнев. Однажды Василий повел их на боевое задание. "Юнкерсы" под прикрытием "мессеров" рвались к сражавшимся в окружении конникам. Пока командир звена с одним из ведомых разгонял стервятников, два новичка неожиданно оторвались от ведущего. Туда-сюда виражили - нет ребят. В заданный район уже подошла другая группа летчиков, а Лукацкий и Барышнев словно растворились. Так и вернулись домой без них.

- Доложите, как это случилось? - спросил капитан Лойко, проводивший разбор полета.

- Во время первых двух атак противника Лукацкий был в строю, - рассказывал Добровольский. - Потом началась такая суматоха, что мы едва успевали отгонять "юнкерсов" и отбиваться от "мессершмиттов". В это время, видимо, и оторвались.

- Может быть, их сбили? - пытался выяснить Лойко.

- Нет, нас прикрывала третья пара, - в один голос заявили ведущие.

Разбор полета ни к чему не привел, и мы разошлись расстроенные, удрученные. Вечер и ночь, проведенные в чудом сохранившемся домике на крутом берегу Протвы, показались с год. Тихо было, словно кого похоронили. "Не так, не так" - неугомонно постукивали ходики.

А утром в полк пришла телефонограмма: "Посадку произвели пятьдесят километров восточнее Коломны. Самолеты ремонтируются. Жду ваших указаний. Лукацкий".

- Вот стручки! - покачал головой Лойко. - Зеленые стручки...

Им сообщили, что без самолетов нечего делать в полку: "безлошадников" и без того хватало. Спустя несколько дней ребята прилетели.

Заместитель командира полка собрал летчиков и, после того как Лукацкий и Барышнев рассказали о своей ошибке, обратил внимание опытных товарищей на то, чтобы больше уделялось внимания молодежи.

- Надо боевую работу сочетать с учебой, - сказал в заключение комиссар полка Копылов.

Спустя несколько дней старший политрук принес неожиданное для нас сообщение: часть должна перебазироваться в район Старого Оскола, на Юго-Западный фронт. Почему именно туда? Вот уже с 13 апреля утренние и вечерние сообщения

Советского информационного бюро начинались одной и той же фразой: "На фронте ничего существенного не произошло". Не говорилось об активных действиях и на Юго-Западном направлении, объединявшем Брянский, Юго-Западный и Южный фронты. Почему же мы перелетаем?

- Затрудняюсь точно сказать об этом, - отвечая на наши вопросы, откровенно признался Копылов, - но если там концентрируют авиацию, значит, наша армия готовится к серьезным боям с противником. Думаю, на месте будет виднее. Очень прошу вас, друзья, хорошо подготовиться к перелету. Ни машин, ни тем более летчиков нам нельзя терять: они пригодятся там, где, видимо, скоро закипит большое сражение.

К совету старшего политрука, понимавшего толк в летной работе, все отнеслись весьма серьезно: каждый летчик детально изучил маршрут перелета, расположение попутных аэродромов, чтобы в случае необходимости не делать вынужденной посадки на неподготовленной площадке, вместе со своим техником и специалистами других служб тщательно проверил самолет и все его оборудование.

И работа эта не пропала даром: полк перебазировался без происшествий.

Глава восьмая. Юго-Запад в огне

Активных действий на нашем фронте не было, и мы в основном дежурили на земле. Изредка на большой высоте пролетали отдельные разведчики или бомбардировщики противника да какой-нибудь нахалюга на "мессершмитте" крутился над летным полем, вызывая, по-видимому, желающих на воздушный поединок. Однако полковое начальство строго-настрого приказало не демаскироваться без особой надобности, не отвечать на вызовы фашистских истребителей.

- Еще успеем помериться силами, - говорил комиссар Копылов.

Да, тогда никто в полку не знал, что командование Юго-Западного направления готовит наступательную операцию. Планировалось нанести два сходящихся удара (с юго-запада и северо-запада) в общем направлении на Харьков, окружить, и уничтожить там группировку противника и освободить город. Неприятель, как стало известно впоследствии, тоже готовился к наступлению. Прежде всего он стремился ликвидировать барвенковский выступ и разгромить оборонявшие его войска.

О начале наступления нам стало известно не только по усилению активности артиллерии, пехоты и танков в районе Волчанска и юго-восточнее Харькова, но и по нарастанию напряженности боевых действий полка. Несмотря на то что наш

аэродром находился километрах в ста тридцати от Волчанска, группы "харрикейнов" вылетали на прикрытие наземных войск по два и даже по три раза в день. Южнее нас, в долине реки Оскол, базировались другие авиационные части 436-й, 180-й истребительные полки и один полк штурмовиков. "Ильюшины" в сопровождении "харрикейнов" наносили ощутимые удары по гитлеровцам в районе Чугуева и других крупных населенных пунктов.

- Двинулся фронт! - радовались, летчики, узнав о том, что за три дня наши войска потеснили немцев под Волчанском на двадцать пять, а юго-восточнее Харькова- на пятьдесят километров.

В разгар наступления кадровикам почему-то понадобилось перевести от нас Копылова, человека, который не только воодушевлял однополчан на земле, но и показывал пример боевой выдержки, самообладания и бесстрашия в воздухе. Правда, уходил он, как мы слышали, на повышение, однако расставаться с ним было жаль. Кого-то пришлют вместо него? Не всякий коммунист, даже с солидным партийным стажем, может быть хорошим политработником.

- Ничего, друзья, надеюсь, что мы еще не раз встретимся в воздухе, сказал на прощание Копылов. - В общем, вместе будем бить фашистов!

В целях сокращения полетного времени до района боевых действий полку приказали перебазироваться ближе к фронту - на одну из площадок под Новым Осколом. И сразу же начались вылеты на задания.

Мне приказали вести восьмерку самолетов на прикрытие наземных войск, сражавшихся с гитлеровцами западнее Волчанска. В состав группы включили шесть молодых летчиков, в том числе сержанта Барышнева - невысокого белокурого застенчивого юношу.

- Его, на мой взгляд, нельзя сегодня посылать на боевое задание. Человек только что перенес моральное потрясение. Надо повременить дня два-три, пытался я убедить Попрыкина.

Дело в том, что во время посадки на новый аэродром на самолете сержанта подломился левый подкос шасси, и машина опустилась на левое крыло. Деформировалась плоскость, вышел из строя воздушный винт. Специалисты ПАРМа и механики эскадрильи быстро восстановили "харрикейн", но Барышнев очень переживал случившееся.

Сержант не отказывался от боевого задания, не ссылался на плохое самочувствие, хотя трибунал дал ему условный срок наказания. И внешне не было заметно моральной травмы,

полученной им накануне, разве только голубые глаза Барышнева были грустнее обычного...

И вот мы в небе западнее Волчанска. Обстановка здесь резко изменилась. Если два-три дня назад наши войска, взламывая оборону противника, медленно, но упорно продвигались на юго-запад, то теперь наступление приостановилось. Гитлеровцы подтянули свежие силы и бросили их в контрнаступление. Значительно больше стало и вражеской авиации над полем боя. Позже я узнал, что в районе Харькова в ту пору мы имели на триста самолетов меньше, чем немцы.

Заметив четверку "мессершмиттов", шнырявшую в поисках легкой добычи, я предупредил своих ведомых:

- Внимание, справа и ниже нас "худые".

Молодые летчики начали волноваться. Это стало заметно по их самолетам: то один нарушит заранее установленную дистанцию или интервал, то другой.

- Спокойнее! - подбодрил я ребят.

"Мессершмитты" намеревались нанести штурмовой удар по нашим наземным войскам. Как только первая пара остроносых машин приготовилась пикировать на избранную цель, я подал команду:

- Атакуем!

Первая четверка "харрикейнов" устремилась вниз. Длинная пушечная очередь и "мессершмитт", шедший за своим ведущим, задымил, потом вспыхнул и почти отвесно пошел вниз. Представляю себе воодушевление молодых летчиков: на их глазах был сбит враг, значит, нечего бояться фашистских истребителей, надо смелее навязывать им бой, действовать инициативно, решительно!

Второе звено, ведомое одним из наших "стариков", преследовало напарника подожженного нами "мессершмитта". И вдруг один из "харрикейнов" оторвался от группы, словно спешил поскорее расправиться с ненавистным гитлеровцем. "Кто этот смельчак? Почему он так безрассудно действует?" - тревожно подумал я. Но что-нибудь предпринять уже не успела два "месса" хищно набросились на оторвавшегося "харрикейна" и сбили его.

Погибшим оказался сержант Барышнев. Через два дня его привезли и похоронили с почестями.

Вечером 13 мая Совинформбюро сообщило, что на харьковском направлении наши войска перешли в наступление и успешно продвигаются вперед. Затем мы узнали, что в этом районе уничтожено и подбито не менее ста пятидесяти вражеских танков, захвачено много трофеев и пленные. О действиях авиации пока не говорилось ничего. Только в вечерней радиосводке 15 мая

появилось несколько слов: "За три дня боев... сбито сорок самолетов противника".

15 мая немцы потеряли пятьдесят шесть машин, мы - тринадцать. Подробности харьковских боев стали известны всем из сообщения "В последний час" 16 мая.

Позже противник предпринял ряд мощных контратак. Появилось изюм-барвенковское направление. Враг остановил наши войска.

По напряжению, которое испытывал 191-й истребительный авиационный полк и соседние части, мы догадывались, что немцы имеют превосходство в воздухе. Активность вражеской авиации усиливалась. Над опорными пунктами наших наземных войск появились "юнкерсы" в сопровождении истребителей, приходилось с утра до вечера барражировать в районе боевых действий.

Ранним утром шестерка истребителей нашего полка, возглавляемая капитаном Гончаренко, получила задание вылететь для прикрытия с воздуха наземных войск. Солнце еще не поднялось, но горизонт уже был светлый. Пройдя на бреющем у самого края леса, мы взмыли вверх и минут через десять увидели линию фронта. Она обозначалась всплесками орудийных выстрелов и грязными облачками частых разрывов снарядов.

Вражеские зенитки молчали, но опасность подстерегала нас совсем с другой стороны. Четыре "мессершмитта" внезапно вынырнули со стороны восходящего солнца и ринулись в лобовую атаку. Ощетинившись дулами пулеметов, они прошли совсем близко от нас, едва не зацепив крыльями плоскости "харрикейнов".

Что такое? Обычно немцы побаивались ходить в лоб, уклонялись на встречных курсах, а тут сами лезут на рожон, да еще разворачиваются для повторной атаки. Может быть, они отвлекают на себя внимание, чтобы дать возможность другой группе самолетов нанести удар по войскам, которые мы прикрываем?

Я пристально посмотрел по сторонам. Ничего подозрительного. В небе только наши истребители да все те же четыре "мессершмитта". Идем навстречу врагу.

Засверкали огненные вспышки. Снаряды рвались слева от моей машины. Это ударил лидер фашистской группы. Я создал скольжение вправо. Вовремя! Очередь пронеслась совсем близко, снарядом даже повредило законцовку левого крыла.

"Видимо, опытный разбойник, шутки с ним плохи! - подумал я и тотчас на фюзеляже поравнявшегося со мной "мессершмитта" заметил желто-черного зверя, похожего на огромную кошку.

Стремительно развернув машину, я осмотрел воздушное пространство. Четверка "мессеров" быстро уходила вверх, а на смену ей тут же появилось еще три пары. Однако они не пошли на сближение с нами, держались на почтительном расстоянии.

Возвратившись на аэродром, мы обсудили детали минувшего боя. Все были удивлены необычным тактическим приемом немцев.

- Я еще ни разу не видел, чтобы гитлеровцы первыми предпринимали лобовую атаку, - в раздумье сказал Василий Добровольский. - В чем тут дело?

На этот раз ответа мы так и не нашли. Но вскоре убедились, что на нашем участке фронта появился опасный и коварный противник. Из очередного полета Василий Добровольский привел машину с двумя большими пробоинами в лобовой части центроплана. Снаряды "мессершмиттов" разворотили обшивку и перебили управление элероном. Судя по почерку, это была та же самая четверка "мессершмиттов".

- Они атаковали нас нахально, - рассказывал Василий. - И тоже со стороны солнца. Их тактический прием - атака в лоб, как и в прошлый раз. Значит, надо смотреть, ребята, в оба!

Особенно мы волновались за нашу молодежь. Еще не очень опытные летчики, они могли оказаться жертвой фашистских истребителей.

- Будьте внимательны, - предупреждали мы новичков, - следите друг за другом в воздухе, не отрывайтесь от ведущего и своей группы, тщательно продумывайте систему взаимодействия и выручки в бою.

К сожалению, не было возможности особенно опекать их - время было очень горячее.

...Четверка фашистских истребителей вновь появилась около полудня, когда в воздух во второй раз была поднята группа капитана Гончаренко. Рассредоточившись по фронту, "мессеры" устремились нам навстречу, обрушив на советские самолеты огонь всех своих пушек и пулеметов. Против меня и моего ведомого, как и ранним утром, оказалась основная пара немцев. Они применили старый маневр, который теперь уже не был для нас неожиданностью. Кстати, шаблон в воздушном бою - характерная черта гитлеровских, летчиков. А с врагом, действующим по шаблону, бороться, как известно, значительно легче.

Я увеличил скольжение самолета вправо и перенес точку прицеливания с кабины "мессершмитта" на середину его правого крыла. Нажал на гашетку. Оружие фашиста внезапно захлебнулось, умолкло, и "месс" проскользнул слева чуть ниже

меня. На его фюзеляже - огромный желто-черный тигр.

Теперь я понял, почему огонь моего истребителя не причинял немецкому асу никакого вреда. Устремляясь в атаку, он тоже создавал незаметное скольжение вправо, и мои снаряды проходили в стороне от его левого крыла. Я ввел необходимую поправку. Хозяин "тигра" догадался, что его маневр перестал быть секретом. Стало быть, надо держаться осторожнее. И действительно, его повторная атака была совсем вялой. Вернее, немец даже не атаковал, а лишь обозначил маневр и отвернул в сторону еще задолго до того, как вышел на расстояние прицельного огня. Точно так же вели себя и три других вражеских истребителя. Они ориентировались на "тигра", а тот предпочел уклониться от новой встречи.

Вскоре фашистские самолеты ушли вверх и растворились в ослепительно-голубом небе.

После вылета я рассказал товарищам о своих наблюдениях и маневре, который применил против атаковавшего меня "мессершмитта". Оказывается, они тоже разгадали тактику неприятеля. Мы живо обсуждали результаты только что проведенного короткого боя, в то время как механики готовили самолеты к новому вылету.

Разведка донесла о большом скоплении вражеской техники на левом берегу Северного Донца. Штурмовики должны были нанести удар по фашистам, а нам приказали прикрыть "илы" с воздуха.

Ждать пришлось недолго. Летчики уже сидели в кабинах, когда над аэродромом показалось восемь "ильюшиных". Мы попарно взмыли в воздух и быстро пристроились к своим подопечным.

За Волчанском развернулись на юг и пошли вдоль причудливо извивающейся внизу ленты Северного Донца. Под нами проплывали зеленые поля, перелески и довольно крупные лесные массивы. Временами у самой реки попадались деревушки тихие, мирные, как и небо, налитое чистой майской голубизной. Но голубизна эта была обманчивой. Обманчивой была и мирная зелень мелькавшей под крыльями земли. Мы хорошо знали, что каждый метр ее перерыт траншеями, разорван воронками от бомб, исковеркан снарядами и полит кровью.

Вскоре я заметил встречную шестерку штурмовиков. Она возвращалась с боевого задания. А впереди и чуть справа в тугой клубок сцепились наши и фашистские истребители. Ввязываться в бой мы не стали: у нас было свое задание. Впрочем, немцам и так здорово перепало - один из "мессеров", объятый черным дымом, свалился на самом берегу Донца.

Штурмовики, прибавив скорость, еще ближе прижались к земле. Зорко оберегая их, мы шли к намеченной цели. Вскоре впереди по курсу показался лес. "Илы" круто взмыли вверх и, вытянувшись с левым разворотом в цепочку, стали переходить в пикирование. На лесной массив, где укрывалась вражеская техника, посыпались бомбы и реактивные снаряды. Снизу замелькали языки пламени. Это открыли огонь вражеские зенитки.

Бомбовые удары следовали один за другим. Замкнув наклоненный к горизонту круг, штурмовики ходили над лесом конвейером, уничтожая фашистские танки и автомашины.

Наконец ведущий "илов" сделал третий заход, расстрелял весь боекомплект и, отвернув на восток, вышел из атаки. За ним последовали остальные штурмовики. Это был самый ответственный момент, когда от нас, истребителей, требовался максимум внимания. Дело в том, что при выходе из атаки круг, обеспечивающий огневое прикрытие каждого находящегося в нем самолета, разрывается, и обычно последний штурмовик остается незащищенным. "Мессы", как правило, подкарауливают его, и, если нет надежного прикрытия, он становится их добычей.

На этот раз все обошлось благополучно. Замыкающий пристроился к группе, и мы легли на обратный курс. Прошли уже около половины пути, как вдруг с северо-запада появилось несколько быстро увеличивающихся черных точек. Видимо, опоздали фашисты, не смогли своевременно помешать "ильюшиным" отбомбиться. И вот теперь хотят взять реванш. Сильно растянувшись на дистанции, вражеские истребители шли на высоте около двух километров. Я насчитал четыре пары "мессеров". Наша группа успела миновать Волчанск и приближалась к Валуйкам, когда "мессершмитты", не сбавляя скорости, свалились на нас сверху. Но мы уже подготовились к атаке. Охраняя друг друга, штурмовики снова образовали круг, а истребители замкнули второй круг чуть выше их, так, чтобы и самим чувствовать себя увереннее, и в то же время надежнее защищать своих подопечных.

Разделившись на пары, фашисты атаковали нас одновременно с разных сторон. Поливая огнем истребители, они пытались проскочить вниз, к "ильюшиным", но мы сдерживали их натиск. Взаимная поддержка всегда выручает в бою, поэтому экипажи работали очень слаженно.

Бой становился все ожесточеннее. Видимо, немцы не отказались от своего намерения расплатиться с нами за удачно проведенную штурмовку - атака следовала за атакой.

Наконец двум гитлеровцам удалось прорваться сквозь наше

кольцо и приблизиться к "илам". Вот-вот полоснут вражеские очереди. Тогда пара "харрикейнов" рванулась внутрь круга. Испугавшись их стремительного броска, "мессершмитты" отказались от своего намерения и потянули вверх. "Харрикейн" гораздо тяжелее "мессера". Двигатель слабее, аэродинамика хуже. Поэтому тянуться вверх за неприятелем было невозможно, и вслед ему только засверкали огненные трассы.

Очередная атака на штурмовиков была отбита, но она не дешево обошлась нам...

В то время когда два "месса" прорвались внутрь круга, другая пара ударила по незащищенному "харрикейну" с внешней стороны, сверху. Машина Андрея Аравина резко опустила нос и, вращаясь вокруг продольной оси, стремительно пошла к земле...

Воодушевленные удачей, фашисты снова рванулись в атаку. На этот раз двое из них бросились на самолет Павла Храпкова. У немецких летчиков было три преимущества: во-первых, капитан не видел их, так как шел впереди, во-вторых, их было двое против одного и, в-третьих, они нападали сверху. Однако гитлеровцам не удалось осуществить свой замысел: я вовремя заметил их. Реакция была почти мгновенной. Резко рванул машину вправо и вверх. Мощная очередь заградительного огня отрезвила противника, и "мессы" поспешно отвалили в сторону.

Следует сказать при этом, что мой маневр таил в себе некоторую опасность. Спасая Храпкова, я набрал большую высоту, чем была у моих товарищей, вследствие чего между мною и впереди идущим истребителем образовался разрыв. Противник не замедлил воспользоваться этим.

Пронизав строй штурмовиков, снизу вверх, в хвост машине капитана Храпкова с левым доворотом выходил еще один "мессер".

Я круто перевел самолет в пикирование и за счет запаса высоты и мощности двигателя стал быстро приближаться к вражескому истребителю. Необходимо опередить фашиста! Косые лучи солнца на мгновение осветили часть фюзеляжа "мессершмитта", и я увидел на нем желтого с черными полосами и раскрытой пастью огромного тигра. Так вот это кто - старый знакомый!..

Фашистский ас уже торжествовал победу, не замечая стремительно приближающейся к нему машины. Увидел меня он слишком поздно - когда оказался в моем прицеле. Немецкий летчик попытался вывести самолет в горизонтальное положение, переведя мотор на полные обороты. Но теперь это не имело решающего значения: с короткой дистанции я послал длинную пушечную очередь.

Снаряды достигли цели - вспороли обшивку крыльев "тигра" по обе стороны кабины.."Мессершмитт" потерял скорость и стал медленно оседать. Затем, опустив нос, вошел в крутую спираль.

Потеряв "тигра", фашисты ослабили атаки, а вскоре и вовсе отошли от нашей группы на северо-запад.

Штурмовики благополучно возвратились на свою базу.

На следующий день двенадцать неприятельских истребителей блокировали наш аэродром. По всей видимости, они решили взять реванш за вчерашнюю штурмовку.

Неожиданно вынырнув из-за леса, фашисты с бреющего полета начали расстреливать неповоротливые "харрикейны", которые пытались взлететь.

На помощь поднялась четверка "харрикейнов" из полка майора А. Б. Панова, базировавшегося неподалеку от нас. Силы были явно неравны. Советские летчики вступили в схватку с восьмеркой "мессеров", но отвлечь на себя все самолеты противника не смогли. Четыре фашистских истребителя продолжали висеть над аэродромом.

Между тем на юго-западе на высоте полутора-двух тысяч метров появились две девятки вражеских бомбардировщиков. Звено за звеном Ю-88 шли вдоль линии железной дороги в сторону станции.

Связанные неравным боем с "мессерами", летчики Алексея Борисовича Панова все-таки нашли возможность атаковать "юнкерсы". Один из "харрикейнов" пристроился к хвосту бомбовоза, но вынырнувший снизу "мессер" пропорол его короткой пулеметной очередью. Прикрывавший товарища летчик не дал фашисту уйти - снял его метко сработавшими пушками. Оба самолета, беспорядочно кувыркаясь, пошли к земле. Вскоре почти одновременно от них отделились черные точки, а над ними вспыхнули белые купола парашютов.

Дым от горящих на станции эшелонов поднимался кверху, затем ветром его сносило на аэродром. В этом дыму в полукилометре от стоянок опускались в лес два парашютиста. С земли невозможно было определить, какой из них наш, какой немец. Командир полка, встретив первого попавшегося ему на глаза летчика Ивана Бунакова, приказал:

- Бери людей и немедленно в лес. Немца надо взять живым! - Он указал рукой на опускающегося парашютиста.

Бунаков и человек десять механиков, добровольно пожелавших участвовать в деле, поспешили к месту приземлеиия парашютиста. Вскоре метрах в пятидесяти они заметили на верхушке дерева белый парашют и рослого летчика, освобождающегося от лямок. Рассредоточив людей полукольцом,

Иван Бунаков рукой подал знак: ложись!

Внимательно наблюдая за парашютистом, ребята поползли. Когда оставалось метров тридцать, Бунаков с пистолетом в руке вскочил, бросился вперед. За ним последовали остальные. Парашютист оторопел от неожиданности. С удивлением следил он, как вокруг него смыкается кольцо людей, вооруженных винтовками и пистолетами.

Приблизившись метров на пятнадцать, Бунаков крикнул:

- Хенде хох! - и направил пистолет в грудь летчика.

- Ты что, Иван, с ума сошел, что ли? - послышался спокойный голос "пленника".

Бунаков опешил. Приглядевшись, он узнал своего друга из соседнего полка, Володю Елисеева. Растерялся настолько, что не знал, как быть дальше.

- Разве это ты? - еле выдавил он из себя, продолжая держать пистолет наготове.

- Как видишь, - спокойно ответил летчик.

- А где же немец?

- Не знаю, не видел, - сказал Елисеев.

Группа вместе с "пленником" направилась на аэродром. Однополчане от души посмеялись над Иваном и его помощниками.

Короток досуг летчиков. Но и уставшие после многократных вылетов за день, мы жадно прислушивались к голосу радио и газетным сообщениям. Еще 18 мая вместе с однополчанами я слушал сводку Совинформбюро: на харьковском направлении наши войска вели наступательные бои и, отбивая контратаки противника, продвигались вперед. А в направлении Изюм, Барвенково вели упорные бои с перешедшими в контрнаступление гитлеровцами.

Через десять дней харьковского направления не стало, а на изюм-барвенковском наши войска отражали ожесточенные атаки танков и пехоты противника. Потом перестали говорить об Изюме и Барвенково, а харьковское направление снова стало упоминаться в сводках числа с 10 июня.

- Что-то неладное там, - угрюмо заметил Вадим Лойко, показывая трубкой в сторону Харькова. - Началось хорошо, а чем кончится - трудно сказать.

У всех на душе было тревожно. Кое-кто поговаривал, что не сегодня-завтра полк снимется с аэродрома и перелетит глубже в тыл, на северо-восток. Однако приказа о подготовке к передислокации не было, и мы по-прежнему ходили на боевые задания.

Драться с противником с каждым днем становилось все

тяжелее: фашистская авиация намного превосходила нас численно. Потери тоже давали о себе знать - в полку становилось все меньше самолетов.

Однажды вечером начальник штаба П. И. Солдатенков сообщил летчикам нерадостную весть:

- Получен приказ оставить аэродром. Новое место базирования - Тростянка, километров с полсотни отсюда. Готовьтесь, друзья, к перелету: немецкие танки прорвали линию обороны наших войск и двигаются по шоссе на северо-восток.

- Сюда? - спросил Лукацкий.

Солдатенков молча кивнул: сюда. Потом жестко добавил:

- Только без паники!

Ночь прошла неспокойно. Мы часто выходили из землянок и прислушивались к каждому долетавшему до нас издалека звуку. Иногда доносилось урчание моторов, редкие выстрелы. Мы опасались, как бы к нашему аэродрому не вышли фашистские танки и не передавили последние самолеты,

С рассветом стали готовиться к перебазированию. В первую очередь на новый аэродром отправили основную группу технического состава. Оставили только тех, кто был необходим для обеспечения вылета и завершения ремонта неисправных машин.

Постепенно аэродром пустел. "Харрикейны" уходили на сопровождение штурмовиков и после выполнения боевого задания производили посадку в Тростянке.

Стрельба, еще недавно доносившаяся издалека, становилась все явственнее. Оставшиеся летчики нервничали, поглядывали то на часы, то на сереющее небо. Почему до сих пор нет сигнала на вылет? Уже совсем рядом грохочут выстрелы и отчетливо слышится лязг танковых гусениц...

Командир эскадрильи капитан Гончаренко подозвал техника, стоявшего неподалеку от его машины:

- Сбегайте на командный пункт полка и узнайте, скоро ли вылет.

Минут через десять техник вернулся и доложил:

- Из штаба дивизии поступил приказ сжечь неисправные самолеты, нелетный состав отправить на машине в Тростянку, а вам подняться в воздух. Штабные документы уже подготовлены к перевозке.

Итак, ожидать больше нечего, приказ получен. Мы запустили моторы "харрикейнов" и спустя несколько минут покинули опустевший аэродром, на котором ярким пламенем горели облитые бензином неисправные машины.

Я глянул на извивающуюся под крылом дорогу. Она

проходила километрах в пяти от нашего аэродрома. По ней, поднимая пыль, двигалась немецкая танковая колонна.

Минуя лесок, стальные коробки приблизились к железной дороге. И вдруг навстречу им засверкали острые язычки пламени. Это наши артиллеристы. Бесстрашные ребята пытаются остановить бронированную колонну.

В пыльном облаке зачадило несколько высоких костров. Вражеские танки приостановились. Затем колонна стала растекаться вширь, охватывая лесок, из которого метко били советские пушки. Нелегко им сейчас, нашим артиллеристам. Надо бы помочь храбрецам! Не раздумывая, я бросил свой "харрикейн" на вражескую автомобильную колонну, двигавшуюся за танками, и ударил по ней реактивными снарядами. За мной последовали остальные. Две автомашины вспыхнули как спички. Через борта на дорогу посыпались маленькие серые фигурки солдат. Дав по ним длинную очередь, развернулся группой для второго захода.

"Харрикейны" сновали над грузовиками и танками до тех пор, пока не израсходовали весь боекомплект. Мы понимали, конечно, что истребители мало причинят урона танкам, зато гитлеровцы недосчитаются нескольких автомашин с солдатами.

Больше летчики ничем не могли помочь артиллеристам. "Харрикейны" еще раз пронеслись над фашистской колонной, почти касаясь фюзеляжами пригнувшихся в кузовах солдат, набрали за железной дорогой высоту и взяли курс на Тростянку.

К исходу дня на этом аэродроме собрались остатки четырех полков. К вечеру сюда прибыл командир дивизии полковник Иван Дмитриевич Подгорный. Это был высокий, стройный, очень энергичный человек с живыми внимательными глазами и спокойными, уверенными движениями. Прямо на стоянке он собрал летчиков 191-го полка и объявил мне благодарность за вчерашний удачно проведенный бой. Оказывается, сбитый мною "мессершмитт", на фюзеляже которого был намалеван полосатый зверь, принадлежал немецкому асу, удостоенному многих высших наград Германии.

- Сам летчик погиб при попытке выброситься с парашютом,- сказал Иван Дмитриевич, тепло пожимая мне руку, - а вот награды его я привез. Посмотрите, если интересуетесь.

Вот так и закончилась волновавшая нас загадка с "тигром" и его ведомыми. Недолго пришлось летать хваленому фашистскому асу в советском небе. Не помогли ему ни награды, ни устрашающий желто-черный зверь...

Полковник между тем начал рассказывать летчикам о событиях минувших дней.

- Положение, товарищи, серьезное, - говорил он, глядя в вечереющее небо, по которому проплывали на восток неприятельские бомбардировщики. - Враг наступает. Неизвестно, где и когда его удастся остановить. На этом аэродроме вы временно. Завтра или послезавтра перелетите на другой, оттуда и будете работать. А теперь... - комдив ласково улыбнулся, разглядывая серые, усталые лица летчиков, - а теперь - отдыхать.

Воспользовавшись случаем, я поинтересовался, известно ли что-нибудь комдиву о сбитом в бою Андрее Аравине.

Подгорный задумался.

- Аравин, Аравин... Погодите, - сказал наконец Иван Дмитриевич. - Не знаю, о нем ли шла речь, но недавно мне доложили, что какая-то наземная часть подобрала раненого летчика. Сами понимаете, - извиняющимся тоном добавил он, что-либо уточнить в подобной обстановке очень трудно. Но я постараюсь, обязательно выясню судьбу вашего друга.

Полковник сочувственно пожал мне руку и, повернувшись, скрылся в темноте.

...Жилья поблизости не оказалось, поэтому мы расположились на отдых прямо под крылом самолета, на жесткой и еще холодноватой влажной земле: я и Добровольский по краям, Шевелев в середине. Накрыться было нечем. Мы вертелись, ежеминутно просыпались и бранили себя за нерасторопность: можно же было захватить с собой куртку или какое-нибудь, пусть даже самое плохонькое, одеяло. Между тем в ложбинки опустился туман, белые пряди его, прижимаясь к земле, протянулись через все летное поле. Теперь и вовсе сон был не в сон.

Мы даже обрадовались, когда услышали сигнал подъема. Холод сковал наши тела, и мы долго бегали, чтобы разогреться.

- Ну и ночка! - тихо ругался Добровольский.

Еще до восхода солнца наша шестерка во главе с Вадимом Лойко получила на КП задание вылететь на прикрытие наземных войск, сдерживающих наступление противника в районе Нового Оскола. А четверка Гончаренко должна была выйти одновременно с нами на сопровождение штурмовиков.

Некоторое время мы летели вместе вдоль железной дороги. Показалась станция Новый Оскол. Там повсюду были разбросаны обгоревшие товарные вагоны и цистерны. Несколько паровозов, еще дымя, валялось под откосом.

Мы заметили шестерку "мессеров". Она шла прямо на нас. Это была уже известная нам тактика - отвлечь внимание, чтобы дать возможность своим бомбардировщикам прорваться к линии советской обороны.

Сначала мы сошлись в лобовую, потом, когда еще не успели

отбить первой атаки, два "месса", кружившие в стороне, атаковали сверху пару Вадима Лойко. Их атаку вовремя заметил Василий Добровольский и тотчас поспешил на выручку к товарищу. Пристроившись одному из немцев в хвост, он погнал его вниз с такой стремительностью, что тот врезался на полной скорости в землю. А сам Василий едва успел выхватить свой самолет, немного зацепив верхушки деревьев. Он привез на аэродром полный радиатор листвы, но все же его "харрикейн" был целехонек. А машина Лойко, изрешеченная пулями, оказалась в очень плохом состоянии. Техники покачали головой: вряд ли удастся поставить ее в строй. Что делать? Других самолетов не было. Из группы, выходившей на сопровождение штурмовиков в район Валуек, тоже не вернулось два истребителя. Их встретил на малой высоте сильный огонь неприятельских зениток. Один из летчиков выпрыгнул с парашютом из горящей машины и приземлился на своей территории, другой сел в поле, но его "харрикейн" взорвался.

Боевых машин оставалось совсем мало, поэтому все исправные самолеты собирали в одну группу и вылетали на задание по очереди.

А враг тем временем упорно рвался к Дону, шел на восток, не ввязываясь в бои за отдельные населенные пункты и обходя очаги сопротивления советских войск.

Нашему полку снова приказали перебазироваться. На этот раз в Коротояк. Я вел группу, вылетевшую в последний раз на прикрытие отходивших к Дону наземных частей. Возвратимся с боевого задания, заправимся и покинем этот аэродром. Всюду, на сколько хватало глаз, шли по полям и дорогам люди; поднимая густую пыль, двигалась техника.

Я попытался связаться по радио с войсками, но установленный позывной наземной радиостанции не отвечал. Невдалеке от нас прошмыгнула шестерка "мессершмиттов". Возможно, она не заметила нас, может быть, спешила на другое задание и решила не ввязываться в бой.

Мы пробыли положенное время в заданном районе и решили возвращаться - уже вечерело. Со снижением, на большой скорости, самолеты пара за парой пошли в сторону аэродрома. Пройдя над его центром, группа взмыла вверх и начала вытягиваться по кругу в цепочку для посадки.

Я уже выпустил шасси, как вдруг заметил выползавшие из леса прямо на взлетную полосу подозрительные зеленые прямоугольники.

- Не садиться! - передал я по радио следующим за мной истребителям. Убрать шасси!

Сомнений быть не могло: на аэродром вышли немецкие танки. "Харрикейны" прошли над ними на небольшой высоте и снова взмыли вверх. Итак, аэродром пуст.

Наших здесь нет. Видимо, успели сняться. А как быть нам? Выход только один - лететь до запасного. Это не очень далеко, но хватит ли горючего?..

Мы набрали высоту и легли на курс. К нашему счастью, горизонт был чист ни одного "мессера". В Коротояк наша группа пришла, когда совсем уже стемнело. Аэродром был расположен в красивой излучине Дона, километрах в пяти от небольшой деревушки. Ночью на грузовиках прибыли техники и механики, а также несколько "безлошадных" летчиков.

С утра установили между полками очередность боевого дежурства. Вылеты следовали один за другим. Ходили прикрывать наземные войска и на разведку. Одну из четверок водил к западу от Острогожска Василий Добровольский. В этот вылет погиб Лукацкий. Добровольский рассказал мне подробности его гибели.

Самолеты шли на небольшой высоте. Внимание летчиков было приковано к дороге, по которой двигались на восток люди и техника.

- "Мессеры!" - услышал Василий предупреждение одного из ведомых.

Вражеские истребители шли с юго-запада. Группа Добровольского начала разворачиваться, чтобы принять бой. Лукацкий шел замыкающим. Услышав предупреждение об опасности, он растерялся и рванул машину слишком резко. Самолет сорвался в штопор. Лукацкий не справился с управлением и врезался в кусты неподалеку от шоссе. Обидная, бессмысленная утрата.

Воздушные бои стали вспыхивать все чаще. Активность противника в воздухе усиливалась. С утра до вечера небо сотрясалось от прерывистого гула тяжелых бомбардировщиков, начиненных смертоносным грузом. Мы атаковали врага, заставляли его сбрасывать бомбы в степь, но силы были слишком неравны. За последние трое суток нам удалось сбить всего лишь пять бомбардировщиков противника. Наши потери - три самолета и один летчик.

К концу недели в 191-м полку остался один-единственный "харрикейн", да и тот вскоре сгорел в воздушном бою. В группе с летчиками других полков на нем вылетел капитан Гончаренко. Немцы бомбили переправу через Дон в районе Коротояка. В трудном бою над рекой Гончаренко атаковали два "мессершмитта" и подбили его.

Так мы остались без единого самолета, и нам приказали переправиться на левый берег Дона.

Оставшиеся самолеты всех частей, что стояли в Коротояке, были переданы в 436-й истребительный авиационный полк, которым командовал, как я уже говорил, майор Панов. Туда же перевели часть летчиков, в том числе и наших - Василия Добровольского и Павла Шевелева. Трудно было расставаться с ними, ведь мы прошли вместе с первого дня войны. Когда-то встретимся снова? И встретимся ли вообще?

Мы обнялись, и Добровольский с Шевелевым ушли.

Во второй половине дня началась переправа. Еще утром на восточный берег Дона была отправлена передовая группа в составе восьми человек. В ее задачу входило обеспечить транспортом личный состав полка.

Из прутьев и камыша мы сплели небольшие плотики и сложили на них штабные ящики с документами и оружие. Плотики взялись сопровождать до противоположного берега лучшие наши пловцы. После они должны были вернуться на правый берег, чтобы помочь товарищам, которые не умели плавать или плавали совсем плохо.

Проводив первую группу, мы стали ждать. Время тянулось медленно. До нас доносились выстрелы, грохот разрывов, треск установленных на главной переправе пулеметов. Уж не случилось ли с бойцами что-нибудь на левом берегу?!

Но скоро мы увидели передвигающиеся в воде темные точки. Течение было сильное, и пловцов снесло далеко в сторону. Мы побежали вниз, помогли им выбраться на берег, набросили на озябшие плечи куртки.

Минут через пятнадцать начали перебираться через Дон всем составом. К тем, кто не умел плавать, прикрепили по два-три хороших пловца. Остальные, привязав одежду к голове, осторожно спустились в воду.

Выбравшись на противоположный берег, облегченно вздохнули. Нам казалось, что теперь уже все позади. Сборы были назначены в небольшой рощице, подступившей почти к самой реке чуть ниже переправы. Мы оделись и стали ждать дальнейших распоряжений. Машин еще не было.

В этот момент снова послышалось гудение фашистских бомбардировщиков. Оно становилось все сильнее и явственнее и вдруг разом захлебнулось в страшных взрывах, донесшихся со стороны переправы. Взрывы следовали один за другим, упруго подбрасывая под нами землю. Потом грохот прекратился, и мы решили, что все кончилось. Однако мы ошиблись.

- Воздух! - снова крикнул кто-то.

Я вскинул голову и увидел в вечернем небе низко проползающие над рощицей желтобрюхие "юнкерсы". От бомбовозов отделились черные комочки и со страшным свистом устремились к земле. Все кинулись в стороны. Земля встала подо мною дыбом, и сразу же вслед за этим раздался оглушительный взрыв. Потом земля снова встала дыбом. И снова грохот.

Наконец "юнкерсы" улетели. Стали считать людей. К счастью, пострадавших среди нас не оказалось.

Часов в девять вечера в рощице появились грузовики. Ночью мы уже были в Лисках. Противник варварски бомбил этот крупный железнодорожный узел. Над городом висело зарево нескончаемого пожара. Оно то затихало, то разгоралось вновь, вскидывая в небо высокие снопы искр. Осветительные бомбы озаряли все вокруг мертвенно-белым светом. Едва затухала одна свеча, как вспыхивала новая, за нею еще и еще...

Это была жуткая картина. Мы привстали со своих мест и смотрели на белую степь, на облитый багровым пламенем город. Смотрели стиснув зубы. И каждый думал, что мы еще вернемся на эту землю и будем вгонять в нее фашистскую нечисть. Вернемся, обязательно вернемся!

Утром, двигаясь к юго-востоку, на Павловск, наши машины обгоняли вереницу повозок. Вдруг кто-то из однополчан обрадованно крикнул:

- Андрюша! Аравин!

Иван Бунаков забарабанил по крыше кабины, и, едва машина остановилась, он выпрыгнул на дорогу через борт. Вокруг стояла пыль и ничего нельзя было разглядеть. А когда пыль рассеялась, мы увидели повозку, возле которой хлопотал Бунаков. На ней лежал длинный, худой, обросший щетиной человек с приподнятой на плетенку перебинтованной ногой.

Мы тут же соскочили с машины и окружили повозку. Трудно было узнать в этом изможденном человеке нашего веселого друга. Только светящиеся радостью глаза говорили, что это Андрей.

- Ну, теперь мы его не отдадим! - твердо сказал Бунаков.

Ребята бережно перенесли Аравина в кузов машины. Собрали всю, сколько было, солому и устроили ему мягкое ложе.

- Теперь ты с нами, - продолжал хлопотать Бунаков возле Андрея.

Мы поблагодарили пехотинцев за то, что они не оставили раненого летчика в беде, и двинулись дальше.

Андрей был очень слаб и почти не мог говорить. На очередной остановке его осмотрел наш полковой доктор, военврач 3 ранга Сопов.

- Ранение серьезное, - сказал он нам. - Хуже всего то, что рана не обработана. - Помолчав, добавил: - Перебито сухожилие правой пятки.

Аравин смотрел на Сопова с надеждой.

- Вас нужно госпитализировать, - сказал военврач.- Это ненадолго, но крайне необходимо.

...На третий день под вечер мы остановились в небольшом местечке недалеко от станицы Ново-Анненская. Оставив нас на ночлег, Сопов взял автомашину и отправился разыскивать госпиталь.

Нам раздали по нескольку брикетов пшенной каши и предложили коротать ночь кто как может. Вадим Лойко, Виктор Юштин, адъютант 2-й эскадрильи, младший политрук Николай Абазин и я устроились в копне сена, лежавшей напротив белой мазанки. Беспокоить хозяев постеснялись.

В станице отдыхали два дня, затем двинулись в Иваново. Перед отъездом пришел приказ командировать еще трех летчиков в 436-й полк. Мы завидовали товарищам: они будут воевать в междуречье, бить врага, нацелившегося на Сталинград! А нас направляют в тыл...

Часть Алексея Борисовича Панова воевала под Сталинградом и спустя некоторое время была тоже отправлена на отдых и переформирована.

Впоследствии в этот полк откомандировали и остальных летчиков. Меня назначили заместителем командира 1-й эскадрильи, которой командовал старший лейтенант Николай Матвеевич Головков.

Глава девятая. У истоков Волги

В октябре 1942 года 436-й истребительный авиационный полк вооружили самолетами "киттихаук" и доукомплектовали

молодежью, только что окончившей ускоренный курс летной школы. Времени для переучивания и освоения новой материальной части было очень мало - уже в конце ноября полку предстояло сражаться с фашистами в условиях суровой зимы на Северо-Западном фронте.

Совершенно естественно, что ребята, пополнившие нашу часть, тянулись к бывалым летчикам, прошедшим большую школу боевых действий и имеющим на своем счету по нескольку сбитых неприятельских самолетов.

Однажды во время учебных полетов на аэродроме в Иваново ко мне подошел молодой человек невысокого роста и отрекомендовался:

- Лейтенант Михаил Галдобин.

Поздоровавшись, я спросил, что привело его ко мне. Он замялся и начал издалека:

- Видите ли, после окончания училища я был оставлен в нем инструктором. Мне хотелось на фронт, но меня не отпускали. И вот месяца два назад представился удобный случай. Мне поручили перегнать самолет в Иваново, в запасной авиаполк. Вы же знаете, отсюда боевые части уходят на фронт...

Михаил Галдобин посмотрел на меня большими доверчивыми глазами.

- Я хотел, - продолжал он, - сразу понравиться руководителю полетов и приложил все свое мастерство, чтобы лучше выполнить посадку. Авось обратят внимание, думал я. Но моей посадки никто даже не заметил. Напротив, руководитель полетов отругал меня за то, что я несколько дольше обычного задержался на посадочной полосе. Он заводил на посадку молодого летчика, у которого забрызгало маслом переднее стекло фонаря, и я мешал ему...

- Значит, на фронт так и не попали? - спросил я лейтенанта.

Он покачал головой.

Галдобин мне понравился - было в нем что-то располагающее. Искренность, что ли.

- Значит, все-таки устроились в Иваново?

- Да. Работаю инструктором. Но я бы хотел на фронт, а меня и отсюда не отпускают. Возьмите меня к себе, - попросил Михаил, краснея всем лицом. Обещаю, обижаться на меня не будете...

- Хорошо, предположим, что я согласен. А начальство отпустит?

- Нет, конечно, - ответил лейтенант. - Но ведь есть приказ, согласно которому все летчики-инструкторы запасных полков должны пройти двух, трехмесячную стажировку на фронте.

Он ждал.

- Договорились, - сказал я. - Поговорю с командиром полка.

Галдобин с горячей признательностью пожал мне руку.

Алексей Борисович Панов, получивший на фронте очередное воинское звание, был здесь же, на летном поле. Я увидел его издалека. Он стоял, широко расставив ноги в аккуратно начищенных сапогах, и разговаривал с незнакомым мне человеком. Я потоптался в сторонке, не решаясь помешать их беседе, но потом все-таки подошел. Подполковник кивнул мне.

- Знакомьтесь, - и назвал фамилию лейтенанта.

Оказывается, летчик обратился к нему с той же просьбой, с какой ко мне обращался Галдобин. Панов ответил:

- Я поговорю с командиром соседнего полка. Может быть, у него найдется вакантное место.

Летчик поблагодарил подполковника и ушел. Теперь очередь дошла до меня. Я рассказал Панову о своей недавней беседе с Мишей Галдобиным и о том, что был бы не против, если бы этот паренек прижился в нашем полку.

- Просишь, значит, за него? - в упор спросил Панов.

- Прошу.

- А не подведет? Многие хотят на фронт.

- Думаю, не подведет.

- Хорошо, верю в твое поручительство. Похлопочу за Галдобина.

Вскоре Михаила перевели в наш полк.

Как-то после беседы, которую проводил с молодыми летчиками командир эскадрильи Головков, я остановил уже собравшегося уходить Галдобина и предложил ему летать со мной в паре.

Галдобин был поражен, он даже сначала не нашелся, что ответить на мое предложение.

- Поработать придется, - заметил я. - Завтра же начнем тренировочные полеты.

- Спасибо! Я... очень благодарен вам. Постараюсь приложить все усилия...

С утра мы были в воздухе. Сначала летали в паре на групповую слетанность, потом переключились на воздушный бой. Пилотировал Миша свою машину хорошо, четко выполнял все фигуры сложного пилотажа.

Хуже обстояло дело с ведением одиночного воздушного боя. Еще из училища у него укоренились, как и у большинства курсантов, некоторые условности, обеспечивающие безопасность полета. В обстановке воздушного боя эти условности становились помехой.

Я сразу же обратил на это внимание своего нового ведомого.

Михаил был сообразительным парнем и все схватывал на лету. С каждым учебным полетом ошибок у него становилось меньше. И если они появлялись, я неизменно спешил воспользоваться ими и "атаковать" Галдобина, чтобы наглядно показать, как важно все учитывать, быть осмотрительным.

Пожалуй, самым трудным правилом было то, что ведомый ни при каких обстоятельствах не имеет права отрываться от своего ведущего. Он твой щит и меч.

Надо прямо сказать, тренировочные полеты были трудными. Летчики вылезали из кабины, как из парной. Но все горели желанием как можно скорее попасть на фронт.

И вот настал день отлета на фронтовой аэродром. Полк поднялся в воздух.

Мы следовали эскадрильскими группами на удалении два-три километра друг от друга. В районе Бологое, Выползово попали в сильный снегопад, о котором от метеослужбы не было никакого предупреждения. Подполковник Панов быстро сориентировался в этой обстановке и отдал по радио приказ выйти за облака. Молодые летчики справились с посадкой в сложных метеорологических условиях.

* * *

В пункт N в ноябре 1942 года слетелись почти все полки 239-й истребительной авиационной дивизии, сформированной на базе 6-й ударной авиагруппы. Кроме того, там базировались отдельные части воздушнодесантных войск. Такая концентрация людей и техники на одном аэродроме представляла большую опасность в случае внезапного налета авиации противника. Поэтому было принято решение немедленно рассредоточить полки по полевым аэродромам.

Вернувшись из штабной землянки, подполковник Панов сказал, что нам выделена площадка недалеко от озера Селигер, у самых истоков великой русской реки Волги. Аэродром небольшой, всего тысяча метров вырубленной в сосновом лесу просеки. Посадку производить на нем трудно, поэтому сначала следует слетать на разведку.

- Полетят со мной Кузнецов, Шевелев и Добровольский, - распорядился Алексей Борисович.

Взлетели попарно. Понеслись над самыми верхушками деревьев, не набирая высоты, чтобы не дать обнаружить себя противнику. Линия фронта, как объяснил нам Панов, всего в пятнадцати километрах от нового аэродрома.

Полет длился минут десять. Всюду, на сколько хватало глаз, под нами простирался лес. Сосны, покрытые белыми шапками снега, сверкали на солнце, искрились и переливались всеми

цветами радуги. Тут и там среди деревьев попадались белые поляны. У одной из них Панов заложил крутой вираж. Мы последовали за ним. Во время второго виража нам удалось обнаружить подготовленную стоянку для самолетов.

Так вот он, наш новый аэродром - ничем не примечательная полянка, такая же, как и десятки других, разбросанных по всему лесу вокруг волшебного Селигера. Отличная маскировка. И все-таки осторожность никогда не помешает. Пока первая наша пара шла на посадку, вторая прикрывала ее. Бывает ведь и так: не успеешь ахнуть, как из-за облаков свалится на тебя пара "мессеров".

Осмотрев вместе с нами аэродром, Алексей Борисович Панов тут же определил места стоянок для каждой эскадрильи.

- А вот там базируется другая часть, - подполковник указал рукой на противоположную сторону аэродрома.

- В тесноте, да не в обиде, - заметил Добровольский.

Мы направились к штабной землянке. Навстречу нам вышел высокий широкоплечий мужчина в черном реглане. Широко улыбаясь, он шагнул навстречу Панову с протянутой рукой.

- А, соседи! Майор Зимин Георгий Васильевич, - отрекомендовался он. Командир четыреста восемьдесят пятого истребительного полка.

- Очень приятно. Панов, - ответил наш командир.

- О вас-то я уже слышал, - все так же улыбаясь, сказал Зимин. - А как вам нравится наш "пятачок"?

- Хорошо замаскирован, - похвалил Панов. - Но опасаюсь, как бы наши соколы сами себе крылья не пообломали.

Зимин засмеялся:

- Пройдут стажировку - привыкнут. Затем он пожал руку каждому из нас и предложил осмотреть командный пункт.

- А мы как раз туда и направлялись, - сказал Алексей Борисович.

Зимин первым спустился по крутой деревянной лесенке в землянку, мы последовали за ним. Блиндаж был глубокий и перекрыт тремя слоями бревен. Поверх бревен - еще метра полтора земли. Внутри блиндаж был также выложен сосновыми бревнами, на которых поблескивали капельки янтарной смолы. Свежо пахло землей и лесом.

Мы сели на расставленные вдоль стен аккуратно выструганные широкие скамейки, и майор Зимин коротко обрисовал нам обстановку на этом участке фронта. Из его рассказа мы узнали, что аэродромов и авиации здесь у противника сравнительно немного. Но истребители у него сильные, имеют отличную подготовку в ведении одиночного

воздушного боя.

- Есть одна интересная деталь, - сказал Зимин, внимательно разглядывая нас. - И вы должны об этом хорошо помнить. Большинство фашистских летчиков, базирующихся на окрестные аэродромы, - из противовоздушной обороны Берлина. Они пока стажируются и применяют довольно своеобразную тактику. От открытого боя уклоняются, норовят подкараулить подбитый или одиночный самолет, возвращающийся на базу. .Подстерегают они нас и у самого аэродрома, когда горючее на исходе, да и боеприпасов, как правило, больше нет... Вот и попробуй от них отбейся.

- Как шакалы, - метко определил Паша Шевелев.

- Вот именно! - подхватил Зимин. - Должен сказать, первое время мы их как-то недооценивали. А когда потеряли несколько машин, поняли, что допустили непростительную ошибку. Так что вы сразу учтите наш горький опыт. - Он помолчал и спустя некоторое время добавил: - И еще учтите. Вокруг нас сплошные топкие болота, непроходимая трясина, не замерзающая даже в самые суровые зимы. Сверху посмотреть - все нормально: лесок да кустарник. А под кустарником - беда. Если самолет подбит, садиться негде, на парашюте спускаться тоже некуда - затянет в трясину...

- Ну, а вы какую тактику противопоставили противнику? - поинтересовался Панов. - Что-нибудь придумали?

- Кое-что есть, - сказал Зимин. - Но об этом после. Поговорим обстоятельнее.

- Итак, завтра рано утром мы перебазируемся сюда мелкими группами. А ваши летчики параллельно с выполнением своей боевой задачи обеспечат нам безопасную посадку. Договорились? - подвел итог краткой беседы Панов.

- Посадку мы вам обеспечим, только скорее прилетайте, - сказал майор.

Мы вышли из землянки, с удовольствием вдыхая свежий морозный воздух. Снег приятно похрустывал под ногами. Зимин остановился на опушке и показал рукой на юго-запад:

- Во-он деревенька, видите? Это километра три отсюда. Там и будете квартироваться. А мои орлы разместились чуть в стороне, за тем леском. Рядом будем жить, в гости приходите.

Мы тепло распрощались с майором и отправились к своим самолетам.

Уже вечерело. Солнце коснулось вершин деревьев, протянув через всю взлетную полосу длинные серые тени. Мороз крепчал и пробирался под меховую подстежку реглана. Поеживаясь, мы прибавили шагу. Алексей Борисович шел впереди. Иногда он

останавливался и чутко прислушивался к доносившимся издалека звукам. Там, на западе, грохотала наша и неприятельская артиллерия, обозначая пролегшую по болотам линию фронта.

Мы беспокоились за моторы своих машин - на таком морозе они могли и замерзнуть. А если замерзнут, сразу их не запустишь, нужно будет просить помощи у соседей.

Каково же было наше удивление, когда мы, выйдя на опушку как раз в том месте, где оставили самолеты, увидели у своих машин заботливо хлопочущих механиков. Они укутали двигатели теплыми чехлами и теперь терпеливо поджидали хозяев. Значит, Зимин распорядился, подумал о нас. Славные, славные ребята!

Алексей Борисович поблагодарил неутомимых механиков за заботу, пожал им руки.

Через несколько минут мы взлетели. Алексей Борисович предупредил нас, что сделает над аэродромом несколько кругов, чтобы мы хорошенько запомнили ориентиры. Это было очень важно, так как на следующий день нам предстояло вести сюда свои группы самостоятельно. Малейшая ошибка, даже самое незначительное отклонение от курса могли привести к беде. Противник почти под боком, а что значит оказаться днем над его территорией, под огнем зенитной артиллерии, каждый прекрасно понимал. Поэтому мы с предельным вниманием всматривались в проносящийся под крыльями пейзаж, сопоставляли различные приметы. Завтра вот так же будут изучать новый аэродром и остальные наши летчики.

В Выползово мы вернулись, когда солнце уже скрылось за горизонтом, оставив над вершинами леса ярко-красную полосу. Не успели мы выйти из кабин и снять парашюты, как оказались в окружении однополчан. Все говорили наперебой, всем хотелось поскорее узнать о результатах нашего вылета.

- Ну что? Ну как? - слышалось со всех сторон. - Понравился вам аэродром?

Беспокойство товарищей было легко объяснимо. Все понимали, что Северо-Западный фронт довольно стабильный, что работать с нового аэродрома придется долго, а значит, и располагаться там надо не на день и не на два, а надолго.

Дело в том, что, захватив Новгород и Старую Руссу, немцы еще в сорок первом году попытались двинуться дальше на Москву вдоль линии железной дороги, но были остановлены в районе Демянска. Все попытки прорвать нашу оборону оказались безуспешными. Тогда, вытянув свои войска в виде груши с самым узким местом в районе станции Пола, что несколько юго-восточнее Старой Руссы, немцы перешли к обороне. Они тщательно укрепили отдельные окруженные непроходимыми болотами

возвышенности и превратили их в сильные узлы сопротивления. Все попытки войск Северо-Западного фронта ликвидировать демянскую группировку противника закончились неудачей. Тем не менее своими активными действиями они смогли прочно сковать в этом районе 16-ю немецкую армию и подоспевшие ей на помощь значительные силы 18-й армии. Для обеспечения бесперебойного снабжения укрепившейся на демянском плацдарме фашистской группировки необходимо было большое количество транспортной авиации, которую снимали в ущерб интересам главных сил, действовавших на южном крыле фронта.

Чтобы подробно разъяснить сложившуюся на нашем участке фронта обстановку и ввести летчиков в круг поставленных перед ними конкретных задач, командование приказало провести по группам специальные занятия. Мы подробно информировали людей о расстановке сил, рассказали о своей беседе с майором Зиминым. Много внимания уделили особенностям и отличительным приметам нашего нового аэродрома. Рассказали, как заходить на посадку, как уберечь себя от охотящихся за одиночными самолетами фашистских истребителей.

Вопросов было много. Молодые летчики придумывали свои ситуации и спрашивали, как поступить в том или ином случае. Мы горячо спорили, когда дверь в казарму отворилась и вошел командир с незнакомым полковником. Комэски доложили Панову о готовности к перелету.

Алексей Борисович прошел к столу и, склонившись над картой, проверил, хорошо ли знают отдельные летчики маршрут, а также действия в различной обстановке. Ответами он, видимо, остался доволен, потому что сразу как-то помягчал и сказал, что утро вечера мудренее, что не нужно переутомляться перед вылетом, а лучше всего сейчас же отправляться спать.

Перед уходом полковник спросил Николая Думана, сидевшего в самом дальнем углу:

- Скажите, пожалуйста, чем вы поинтересуетесь сразу же после приземления на новом аэродроме?

Коля немного подумал и спокойно ответил:

- Прежде всего спрошу, где находится летная столовая.

Взрыв смеха потряс комнату. Смеялись все.

- Почему непременно столовая?

- Так учили. - Думан посмотрел на полковника и добавил: - В столовой командир собирает весь летный состав.

После этого пояснения смех понемногу стих. Полковник задал еще несколько вопросов. Он хотел, чтобы летчики сразу же после приземления занялись маскировкой своих самолетов.

На этом наша беседа закончилась, и все разошлись в

приподнятом настроении.

Утром нас накормили раньше всех. Мы стояли перед столовой и курили, ожидая, когда подадут автомашины. Автомашины должны были отвезти нас на аэродром, находившийся в трех-четырех километрах от поселка. Техники и механики уехали туда еще затемно и теперь прогревали двигатели. Мы слышали доносившийся с аэродрома рокот моторов.

Мороз крепчал, больно хватал за нос и щеки. Мы с нетерпением поглядывали на дорогу. Машин все не было. В этот момент дверь столовой широко распахнулась, и на пороге показались Алексей Борисович Панов, командир дивизии полковник Георгий Александрович Иванов и его заместитель по политчасти старший батальонный комиссар Андрей Андреевич Шумейко.

Командир дивизии интересовался настроением летчиков, их думами. Его внимательные, в легком прищуре глаза излучали тепло. Во всей фигуре не было ничего начальственного, официального. Приблизившись к Шевелеву, он вдруг задержался, как-то по-особенному встряхнул ему руку и громко сказал:

- Рад, очень рад приветствовать богатырей ленинградского неба!

Лицо летчика залил яркий румянец, и это не ускользнуло от внимательного взгляда комдива. Он еще раз встряхнул руку Шевелева и перешел к Добровольскому, а затем ко мне и Лойко.

Познакомившись со всеми, полковник пожелал нам успешного перелета и пообещал скоро встретиться снова.

- Там и поговорим обо всем подробнее, - сказал он и вместе с Шумейко направился в штаб.

Мы не заметили, как во время нашего знакомства с командиром дивизии к столовой подошли автомашины.

- А теперь - по местам! - скомандовал Панов.

Мы подбежали к машинам и, весело переговариваясь, начали садиться. Вскоре грузовики тронулись и уже через несколько минут углубились по извилистой дороге в лес, подступивший со всех сторон к аэродрому. В лесу было не по-военному тихо, на широких еловых лапах толстым слоем лежал нетронутый снег.

В машине покачивало. Мне вспомнился Ленинград в блокадную стужу, первые бои, жена на перроне, крепко держащая за руку испуганного и растерявшегося сына Женьку. Как ей теперь там, в Сибири? Как работается, о чем думается?.. Все мы знали, что нашим в тылу приходится ничуть не легче, чем на фронте. Женщины встали к станкам, по двенадцать часов в сутки работают в насквозь промерзших цехах. В Сибири морозы не то,

что здесь. А то, что она пишет "хорошо", - все это просто потому, что не хочет меня расстраивать. Где там хорошо, если без валенок, в такой-то морозище!..

Но радовало меня, что она не одна, что приютили ее добрые сердечные люди, что чувствует она себя у них не чужой - своей. Все мы теперь одна семья, одним горем живем, одними мыслями. Вот и отец прислал весточку из Ленинграда - стоит великий город на Неве, стоит неколебимо.

Я прикоснулся к пакетику с горсткой родной земли, взятой на берегу Ладоги (она всегда со мной, эта святыня), и подумал: "Стоит Ленинград и будет стоять вечно!"

Постепенно мысли вернулись к настоящему. Гул моторов, доносившийся с аэродрома, напоминал о перелете, о людях, которые, поднявшись чуть свет, заботливо готовили для нас боевые машины. Среди них - и мой механик Володя Мусатов, верный товарищ, отличный работник, на которого я могу твердо положиться,

А вот и аэродром. Взлетно-посадочная полоса тщательно очищена от снега и укатана до зеркального блеска. Метрах в двухстах от границы аэродрома видна огромная буква "Т", выложенная на снегу из черных полотнищ. Буква эта указывает направление взлета и посадки самолетов.

Машина затормозила против средней стоянки, и к нам тотчас же подошел инженер полка Филимонов.

- Самолеты к перелету готовы, - доложил он выпрыгнувшему из кабины командиру полка. Потом добавил: - Ночью был сильный мороз, около тридцати. Но механики со своей задачей справились.

- Передайте им от моего имени большое спасибо, - сказал Панов. Затем повернулся к нам: - Ну, товарищи, действовать согласно плану. Начало перелета через тридцать минут.

Я подошел к своему истребителю. Володя Мусатов доложил, что на машине все в порядке. Когда-то мне тоже приходилось обслуживать самолет, и я знаю, что если механик говорит: "Все в порядке", значит, так оно и есть.

Остановившись у правой плоскости, я осторожно коснулся зеленой металлической обшивки. Что ж, машина эта не так уж и плоха. Оружие у нее сильное, маневренные качества хороши. Единственное, в чем она уступает истребителям противника, - это в скорости. Стало быть, скорость нужно компенсировать умением и смекалкой. Многое зависит от машины, но еще больше от человека, вдохнувшего в нее тепло своего сердца.

Задержавшись у люка на левой стороне фюзеляжа, открывающего доступ к радиооборудованию, я неожиданно

подумал о том, что люк этот может оказаться полезным, если придется садиться в тылу врага и спасать боевого товарища. На войне бывает всякое. И я вспомнил случай, происшедший в сороковом году во время военных действий в Карелии.

Выполнив задание по прикрытию наших войск, группа "чаек" 68-го истребительного полка углубилась на территорию противника и приступила к штурмовке его оборонительных сооружений. Все шло отлично до того момента, когда по приказу ведущего группы летчики стали выходить из атаки. Вражеские зенитки открыли бешеный огонь. Один из наших самолетов был подбит и сел посередине покрытого льдом небольшого озера. Летчики видели, как со стороны берега к самолету побежали вражеские солдаты. Как спасти товарища?

Командир эскадрильи капитан Петров, покачав крыльями своим ведомым, пошел на снижение. Летчики видели, как он выпустил лыжи и, вздымая высокие облака снежной пыли, остановился недалеко от выкарабкавшегося из подбитого самолета раненого летчика. Наши истребители с грохотом проносились над самыми головами высыпавших на лед финнов. Пулеметы заставили их залечь, дали Петрову возможность добежать до раненого и дотащить его на себе к своему самолету. Но куда пристроить раненого летчика? В кабине места на двоих нет. И все же Петров нашел выход. Он бережно усадил товарища на самолетную лыжу и крепко привязал ремнем к стойке шасси.

Финны открыли по самолету беспорядочный огонь. Петров одним махом прыгнул в кабину и поднялся в воздух над самыми головами вражеских солдат. А товарищи тем временем подожгли пулеметными очередями оставшийся на озере самолет.

Летчик был спасен. Вскоре после этого капитану Петрову присвоили звание Героя Советского Союза.

Если бы такой случай произошел сейчас, раненого летчика можно было бы поместить в люк для радиооборудования. Конечно, не каюта-люкс, но вполне терпимо.

Вообще, не мешало бы кое-что предусмотреть для нас на "черный день". Например, лыжи. Обыкновенные лыжи, на которых летчик мог бы передвигаться по глубокому снегу в случае вынужденной посадки.

В дивизии помнили трагическую гибель комиссара Пасечника. Его машина была подбита над территорией, занятой неприятелем. Не дотянув до линии фронта, летчик посадил самолет на заснеженной поляне. Фашисты кинулись к нему. Пасечник выпрыгнул из кабины, но уйти по глубокому снегу не удалось. Враги схватили комиссара, подвергли зверским пыткам, а потом утопили в проруби, привязав на шею бронеспинку от его

же самолета.

А совсем недавно в расположении наших частей сел фашистский истребитель. Бойцы хотели взять гитлеровца в плен, но тот вытащил из самолета лыжи и ушел в лес...

Лыжи нужны, обязательно нужны -и непременно в каждом самолете, вылетающем на задание.

Внезапно ход моих мыслей оборвал знакомый простуженный голос инженера эскадрильи:

- Трудно.

Я вздрогнул от неожиданности, повернулся к нему и спросил:

- Что трудно?

- Я о механиках говорю, - продолжал инженер. - Механикам, говорю, трудно. Всю ночь они проторчали в кабинах, прогревая двигатели, а теперь еще полсотни километров трястись в такой мороз на открытых машинах. А там, пока мы приедем, у вас снова моторы замерзнут - вот и прогревай их опять... Жалко людей.

Я не мог не согласиться с ним. Но не оставлять лее механиков в Выползове!

- Ты вот что сделай, - посоветовал я. - Ребят закутай потеплее в самолетные чехлы. А моторы прогреть нам помогут механики из того полка, что стоит на новом аэродроме с нами по соседству.

- А ведь это идея, - обрадовался инженер. Ну, счастливо!

Я пожал ему руку и сел в кабину. Через минуту-другую подбежал запыхавшийся механик соседнего самолета и доложил, что ведомый к полету готов. Дело в том, что связь по радио на время перелета была запрещена в целях маскировки.

Я кивнул и, ожидая сигнала, стал думать о Михаиле Галдобине. Он теперь мой напарник, будем вместе летать на боевые задания...

В начале войны основной тактической единицей было звено, состоявшее из трех самолетов. Впереди, ведущим, шел командир, а по бокам, с небольшим уступом назад, шли два его ведомых. Такой боевой порядок получил название "клин". Если же ведомые в зависимости от обстановки занимали свое место уступом справа или слева от командира, то такой порядок назывался "пеленг".

В 1942 году произошли изменения. Основной тактической единицей стала пара. Впереди шел командир, а сзади (справа или слева) в стороне и на удалении пятидесяти - ста метров и с принижением на десять - пятнадцать метров шел ведомый.

Боевой порядок пары оказался более удобным и маневренным. Успех боя зависел от уровня подготовки летчиков и от того, как они понимают друг друга. Как правило, пары подбирались по желанию, ведущим назначался более опытный воздушный боец.

Я сам выбрал ведомого, подготовил его, многое рассказал из опыта бывалых однополчан. Теперь предстояло испытать Михаила в боевой обстановке...

Вот и сигнал на вылет. Поднялись как обычно. До Селигера дошли без происшествий. И приземлились тоже хорошо.

- Бот вам результат предварительной работы,- с похвалой отозвался командир полка. - Серьезно подготовились- обеспечили нормальный перелет.

Когда механики из соседнего полка зачехлили моторы и тщательно укрыли машины еловыми лапами, мы отправились в деревню, которая насчитывала несколько изб, вытянувшихся вдоль единственной улочки. В одной из пятистенок была летная столовая, куда начальник штаба полка И. В. Бойченко пригласил нас на совещание.

Сняв шлемофоны, мы уселись на лавках. За столом разместились Панов и Бойченко, сухощавый высокий майор с лукавым прищуром маленьких глаз. Алексей Борисович сказал несколько слов о перелете и предоставил слово начальнику штаба.

Бойченко развернул на столе большую карту и тщательно расправил на ней подвернувшиеся уголки. Затем взял синий карандаш и, называя все, даже самые мелкие, населенные пункты, уточнил линию фронта. Мы занесли ее на наши карты. Бойченко коротко охарактеризовал обстановку, проанализировал по документам сильные и слабые стороны неприятеля. В его речи не было бахвальства, он знал, что для правильной ориентировки необходима объективность, и был объективен буквально во всем.

После его доклада мы отчетливо представили общую обстановку.

Потом снова поднялся командир.

- Нам приказано прикрывать наши наземные части от ударов авиации противника, - сказал он. - На первый взгляд, задача обычная. Но мне хочется предостеречь некоторых товарищей, особенно молодых летчиков, от видимой легкости выполнения предстоящей задачи. Успех будет зависеть в первую очередь от организованности и высокой дисциплины, от слаженности действий, войскового товарищества и взаимной выручки.

После совещания все расходились в приподнятом настроении. На крыльце столовой нас уже ожидали квартирьеры, в сопровождении которых мы отправились по избам. Там для нас были приготовлены места для ночлега: мягкие матрацы из соломы, подушки, одеяла и самое главное - жарко натопленные печи. Приятно раздеться с мороза, скинуть тяжелые комбинезоны, потянуться ладонями к весело потрескивающему огоньку.

Однако блаженство наше было недолгим. Не успели как следует отогреться, как из штаба полка появился посыльный. Вызывают командиров эскадрилий и летчиков, кроме молодых. Мы быстро оделись и минут через десять снова были в той самой пятистенной избе с маленькими окнами, в которой размещалась наша столовая.

Панов, Горшков и Бойченко никуда не уходили. Они все так же сидели за длинным дощатым столом и о чем-то беседовали. Увидев нас, Алексей Борисович предложил садиться.

- Есть разговор, - сказал он.

Мы выслушали командира. Суть разговора сводилась к следующему: как действовать в новых условиях?

- Подумайте хорошенько. Не торопитесь, - посоветовал Панов. - Нам очень важно знать ваше мнение. Вы не впервые поднимаетесь в воздух. У многих из вас на счету не по одному фашистскому стервятнику...

Сначала все заговорили разом, потом стали высказываться по очереди. Предлагали в основном начинать боевые действия крупными силами.

- Бомбардировщики должны немедленно нанести мощный удар по аэродромам противника!

- Можно бросить на них штурмовиков и истребителей.

Павел Шевелев молча сидел в конце стола и что-то рисовал на клочке бумаги. Когда все выговорились, он сказал, обращаясь в основном к Панову:

- Собственно, задача, поставленная перед нами, достаточно ясна. Что же касается порядка ее выполнения, то я предлагаю сначала посылать на задания опытных летчиков, а молодежь втягивать в боевую работу постепенно.

Алексей Борисович одобрительно кивнул ему:

- Мое решение совпадает с вашим, и я очень рад, что выражаю не только свою точку зрения. Об ударах бомбардировщиков и штурмовиков по аэродромам противника сказано верно, да не для нас. Здесь ни бомбардировщиков, ни штурмовиков, и взять их негде. Они нужнее в другом месте. Так что задачу будем выполнять своими силами. Сегодня же и сделаем первый вылет - ознакомимся с районом действий. Полетим восьмеркой в сопровождении пары опытных летчиков из соседнего полка - они здесь уже не первый день, есть чему поучиться у них. Решим так: первую группу поведу я, а вторую, - командир внимательно окинул нас взглядом, - а вторую поведет товарищ Шевелев.

Алексей Борисович говорил спокойно, слегка прихлопывая по столу ладонью правой руки. Левая рука сжимала остро

отточенный карандаш.

- Вторая группа следует за первой на удалении зрительной связи с превышением на тысячу метров, - продолжал Панов. - Облачность в районе боевых действий восемь - десять баллов, нижняя ее кромка - две с половиной тысячи метров, верхняя - до трех. А теперь в машину, и на аэродром.

Он встал.

Откровенно говоря, мы не ожидали такого резкого поворота событий. Но приказ есть приказ.

Впереди шла пара майора Зимина и летчика Ивана Лихобабина. Постепенно набрав высоту, мы вытянулись севернее линии железной дороги Старая Русса Вышний Волочек. Дорога эта, словно меч, разрубила землю нашу на две части: по одну сторону советские войска, по другую - чужие.

Связавшись по радио с передовым КП 6-й воздушной армии, мы стали внимательно следить за противником, запоминать характерные ориентиры.

Враг, казалось, совсем не замечал наших истребителей или не обращал на нас внимания. Лес стоял настороженный и тихий. Молчали зенитки. Ни одного фашистского самолета не промелькнуло на горизонте. Может быть, мы ошиблись, и линия фронта уже откатилась далеко на запад?

Хорошо, если бы это было так, но мы-то знали, что враг именно здесь, что местами он уцепился за полотно железной дороги и продолжает яростно сопротивляться.

У станции Пола первая четверка истребителей несколько отклонилась на юг. Идя во второй группе, я увидел со стороны, как чуть ниже и сзади наших самолетов замелькали ослепительно яркие огоньки. Вокруг них образовывались белые клубочки, которые быстро разрастались, сливаясь в пушистое зловещее облако. Проследив за выстрелами, довольно точно определил, откуда бьют зенитки. Они притаились в логу у самой станции. Но атаковать их мы не могли, так как ведущий уже сообщил по радио о том, что разворачивается на обратный курс.

Только успели развернуться и занять свои места в боевом порядке, как вдруг в наушниках раздался предостерегающий голос:

- Внимание, противник!

Впереди по курсу в вечерней дымке, застлавшей полнеба, появились четыре фашистских самолета. Они шли, широко рассредоточившись по фронту и высоте.

- Приготовиться к атаке! - предупредил далекий голос командира полка.

Я старался не выпускать из виду быстро приближающегося

противника. Не пройдет и минуты, как мы столкнемся с ним на встречных курсах.

На долю секунды я отвлекся от лобового стекла и осмотрел тумблеры включения оружия и прицела. Все в порядке. Тем временем правая рука скользнула вверх по ручке и привычным движением сняла предохранитель с кнопки управления огнем. Только теперь я успокоился и мог все внимание сосредоточить на противнике и на полусфере, оставшейся позади моего самолета.

Каждый атакующий выбрал себе цель. Я даже попытался представить лицо идущего навстречу фашистского летчика. Он весь слился со своей машиной, на лбу - капельки пота, губы поджаты, глаза прищурены, пальцы нервно ощупывают кнопку ведения огня.

"Быстрее, быстрее", - шептал я сам себе, стараясь подогнать машину. Но самолет и без того шел на предельной скорости. Еще несколько секунд - и враг ощерится кинжалами огня. Еще несколько секунд...

В головокружительный вихрь атаки ворвался спокойный голос Панова:

- Я - "Ноль один". "Двадцать пятому" - вверх.

Рванув ручку управления на себя, я вскоре оказался со своим ведомым высоко над облаками. В чем дело? Почему не состоялась атака? И тут пришла догадка: четыре "мессера" ни за что бы не приняли бой с нашей десяткой. Значит, на подходе подкрепление. И сейчас самое важное - не прозевать противника, не дать ему возможности застигнуть врасплох наших товарищей.

Четкий голос в эфире насторожил нас еще больше:

- Я "Орел", я "Орел". С юга подходят шесть истребителей, будьте внимательны.

Это командующий 6-й воздушной армией Федор Петрович Полынин. Наблюдая с земли, он предостерегает нас.

- Я "Орел", я "Орел", - продолжает звучать отеческий встревоженный голос командира.

Группа Панова развернулась для атаки. Дистанция немногим более километра. Дальнейшего сближения на лобовых фашисты обычно не выдерживали, отворачивали в сторону или уходили вверх. Однако на этот раз немцы упрямо шли в лобовую. Расстояние быстро сокращалось. Еще сто метров... Казалось, что руки, ноги, все тело срослось с разгоряченной стремительной машиной, что слышишь, как свистит за фонарем обжигающий зимний ветер. В эфире - тишина. Зловеще молчат наушники. И там, под облаками, и здесь, вверху, все мы сейчас заняты только одним: достойно выдержать натиск противника.

Враг не выдержал. Преждевременно заговорили его пушки,

огненно-зеленые шнуры протянулись к нашим истребителям. Но огонь был не опасен - дистанция все же великовата.

А наши молчат, сближаются. Крылья самолета противника как бы растут. По всей вероятности, они уже заполнили внутреннее кольцо прицела командира полка и вот-вот изнутри коснутся светящегося внешнего ободка.

Пора! Огненные снопы огня от самолета Панова протянулись навстречу гитлеровцу. Фашистский летчик не выдержал дуэли. Вот он дрогнул и стал уходить отворотом вправо вверх, открыв серое брюхо с черными крестами на желтых крыльях. И тут же его лизнула по ядовитому брюху огненная струя советского истребителя. Это майор Зимин выбрал удобный момент и угостил свинцом незваного гостя. "Мессершмитт" задымил и стал беспорядочно падать, загрязнив вечернее небо густыми маслянистыми клубами дыма.

Отразив первую атаку, четверка Панова развернулась и бросилась в лобовую против подходивших шести "худых".

Бой разгорался на разных высотах. Фашисты рассчитывали на внезапный удар шестеркой сзади, но их замысел был своевременно разгадан командиром. Стремительная атака пары Шевелева сверху из нашей группы, только что закончившей первую схватку, была для врага совершенно неожиданной.

Два стервятника кинулись вверх, чтобы на время скрыться за облаками, а затем нанести внезапный удар. Но это им не удалось: я и мой ведомый немедленно атаковали их и снова загнали под нижнюю кромку облачности. При этом один из них вывалился из облаков и оказался буквально в нескольких десятках метров впереди самолета Алексея Борисовича. Панов не упустил такого удобного момента и полоснул по нему длинной очередью. "Мессершмитт" вспыхнул как свеча и потянул в сторону погрузившегося в сумерки леса. В месте его падения рванулся высокий столб пламени.

Оставшиеся неприятельские летчики поспешили уйти восвояси.

В наушниках послышался позывной командующего воздушной армией и его веселый голос:

- Я "Орел", я "Орел"! Поздравляю вас, товарищи, с победой. Спасибо, соколы!

Первый наш вылет с нового аэродрома оказался удачным. Настроение у всех было приподнятое.

На посадку мы заходили почти в полной темноте. Вот где пригодились ориентиры, с которыми нас заранее познакомил Алексей Борисович! Полоса короткая и узкая - достаточно чуть-чуть зазеваться, чтобы врезаться в лес. Но все обошлось

благополучно.

Едва мы зарулили на стоянки, как со всех сторон к нам бросились механики. Среди них и Владимир Мусатов. Он не скрывал радости:

- С благополучным возвращением, товарищ командир!

- Спасибо, Володя, - сказал я, выпрыгивая из кабины на плоскость. В ногах непомерная тяжесть, а ведь еще пять минут назад не чувствовал никакой усталости.

Я отошел в сторонку, где собрались летчики, участвовавшие в вылете. Одни с наслаждением потягивали толстые самокрутки, другие с жаром делились впечатлениями недавнего боя - жестикулируя, показывали друг другу, как атаковали противника.

Потом все, не сговариваясь, двинулись к самолету командира. Панов только что вылез из кабины.

- Вот что, товарищи, - сказал он. - Здесь о бое говорить не будем. Разбор проведем в столовой. - И зашагал к штабной землянке.

Павел Шевелев выразительно приподнял бровь:

- Значит, по машинам?

Алексей Борисович не заставил себя долго ждать. Он заходил в землянку, чтобы доложить по телефону командиру дивизии о выполнении задания.

- Все в сборе?

- Все.

- Трогай, - сказал он шоферу.

На землю уже опустилась ночь. Едва машина тронулась, как самолеты, лес, аэродром - все потонуло в сплошном темно-синем мраке. Только перед кабиной поблескивала ровная полоса голубоватого снега.

Прищурившись, я посмотрел вверх - сквозь густую синь слабо прорезывались редкие звезды. Странное дело, если смотреть на звезды и на минуту отвлечься от того, что ты в машине, трясущейся по фронтовому проселку, что рядом с тобой друзья, только что вернувшиеся из трудного боя, и представить себе, что ты один, совсем один, то можно подумать, будто ничего этого и не было - ни войны, ни огня, ни падающих в горьком дыму самолетов. Все это дурной сон, а ты, как в детстве, лежишь в кошевке под теплым дедовским тулупом, слушаешь мерное поскрипывание полозьев на сухом снегу и думаешь о том, что будет, а не о том, что было, потому что ничего еще не было, и все впереди - и завод имени Калинина, и первая любовь, и авиационно-техническое училище, и война на Карельском перешейке, и Кача, и, наконец, бои, смерть, огонь, до боли сжатые челюсти. Было и не было. И все можно начать сначала... А если

все сначала, то и началось бы все снова с этого темно-синего неба и с этих звезд, которые давно уже манили к себе упрямого мальчугана.

- Приехали, - громко сказал кто-то у самого моего уха.

Я вздрогнул. Наша машина была у столовой. Возле крыльца толпились молодые летчики, среди которых я сразу заметил и своего ведомого Михаила Галдобина. Он тотчас же подскочил ко мне и крепко пожал руку.

- Говорят, двух сбили? Здорово! - выпалил он одним духом.

- Сбили, Миша, - подтвердил я.

Посередине столовой в виде буквы "Т" стояли широкие столы, накрытые белыми скатертями. Расставлены высокие миски с квашеной капустой и тарелки с нарезанным хлебом. Около тарелки каждого - стакан, до половины наполненный водкой: норма. Горело несколько керосиновых ламп с металлическими абажурами, подвешенных под самым потолком.

До ужина предстоял разбор боевого вылета, потому мы ждали, что скажет Алексей Борисович. А Панов, не торопясь, прошел на свое место, снял меховую куртку и шлемофон и просто сказал:

- Садитесь.

Мы сели - каждый на заранее отведенное ему место, но к еде не притрагивались. Командир что-то сказал сидевшему рядом с ним начальнику штаба. Бойченко согласно кивнул, и тогда Панов снова обратился к нам.

- Вижу, измучились, теряетесь в догадках, - начал он. - А ответ прост, и каждый из вас его уже знает. Сегодняшний вылет должен многому нас научить, хотя бой, проведенный нами над линией фронта, и прошел благополучно, даже, может быть, очень хорошо.

Алексей Борисович провел ладонью по вспотевшему лбу, откашлялся.

- Но давайте посмотрим на бой со стороны, - продолжал он, - и попробуем проанализировать и представить себе, насколько четко и слаженно мы действовали, насколько ясно представили себе возможные варианты встречи с противником. Ведь мы недопустимо поздно заметили вторую группу фашистских истребителей. Нас предупредили о ее приближении. Если бы эта группа подошла несколько раньше, до того, как мы завершили атаку первой, нам бы пришлось, прямо надо сказать, туговато... Будем откровенны, враг подготовил для нас ловушку, и мы чуть не попали в нее. Попал в нее сам враг, но ведь могло быть и иначе. Если мы не учтем наших ошибок и будем слишком самонадеянны, нельзя гарантировать столь же легких побед. Не

забывайте, скоро мы поднимем в воздух нашу молодежь, а враг, потерпев неудачу в первом бою, попытается взять реванш в последующих...

Командир помолчал и обвел нас пытливым взглядом.

- Действуйте с максимальной осторожностью, - сказал он. - Главное - будьте осмотрительны от взлета до посадки. Победит тот, кто первым увидит противника. Необходимо полностью исключить его внезапные атаки в бою и нападение на маршруте... Помните, проигрывает тот, кто переоценивает собственные силы. Но проигрывает не он один - все мы связаны друг с другом. Проявляя неосмотрительность, мы подводим также и своих товарищей. Итак, завтра первый вылет выполним в том же составе. Молодежь будем включать несколько позже, когда обстановка станет менее напряженной.

Командир с улыбкой посмотрел в сторону притихших молодых летчиков. Все для них было в новинку - и деревенская столовая с празднично накрытыми столами, и суровая, но благожелательная речь Панова.

- А теперь ужинать, - закончил командир и поднял стакан.

Остальные также подняли стаканы и чокнулись со своими соседями. Наскоро закусив капустой, летчики принялись за душистую горячую гречневую кашу с мясными консервами. Все проголодались и ели с аппетитом.

Потом мы разошлись по избам, отведенным для ночлега. Шевелев, Добровольский и я оказались вместе.

В избе было жарко натоплено, на полу лежала свежая, приятно пахнущая хлебом солома. У стен виднелись старательно набитые соломой тюфячные наволочки, покрытые белыми простынями. Уютно устроившись, мы погрузились в глубокий сон.

На фронте особенно ценишь такие минуты. Сказать, чтобы мы хоть когда-нибудь спали долго, нельзя, но случалось, что и за полчаса стряхнешь с себя усталость, и хоть тут же снова в бой.

Это был наш первый ночлег у истоков Волги.

Дежурный разбудил нас, когда было еще совсем темно. Алексей Борисович был уже на ногах и ждал нас. Командира полка отличало одно очень ценное качество. Он безошибочно мог чувствовать настроение другого человека, умел понимать людей, верил в них. И летчики нашего полка платили ему безграничной любовью и доверием.

Это, безусловно, способствовало тому, что полк наш был очень спаянный, дружный. Все знали, что Алексей Борисович зря не накажет, но и промаха не спустит.

Посылая кого-нибудь на задание, он трезво взвешивал все

возможности летчика, представлял, как тот поведет себя в той или другой обстановке. Только после этого делал выбор. Словом, Алексей Борисович всегда понимал, что перед ним живые люди со своими характерами и наклонностями, которые необходимо учитывать. В этом был секрет его успеха. Особенно трогательно и заботливо он относился к молодежи. Терпеливо учил ее, наставлял и оберегал.

Знание людей, умение трезво оценивать обстановку, большой летный опыт и организаторские способности позволяли ему умело руководить полком.

Едва рассвело, наша восьмерка поднялась в небо. Перестроившись в боевой порядок и постепенно набирая высоту, взяли курс к линии фронта, где ночью слышался гул канонады. Нам предстояло прикрывать наземные части, идущие на прорыв вражеской обороны.

Первые минуты полета прошли сравнительно спокойно, но спустя некоторое время в небе появились самолеты противника. Мы помнили наставления Алексея Борисовича Панова и были предельно осторожны. Однако немцы не вступали в бой, ходили отдельными парами на довольно большом от нас расстоянии. Иногда мы совсем теряли их из виду и начинали волноваться, но они снова появлялись и снова сторонились нашей восьмерки.

Тактика фашистских летчиков была ясна - они пытались обстрелять замыкающий группу самолет. "А уж если кто-нибудь отстанет - набросятся как шакалы. Надо бы их проучить", - подумал я.

Случай не замедлил представиться. В следующий же вылет мы сбили немецкого охотника до легкой наживы. Он, как всегда, подкарауливал отстающие на маршруте самолеты, но на этот раз сам был сбит и врезался в землю неподалеку от нашего аэродрома.

Внимательно проанализировав обстановку, Алексей Борисович Панов решил, что пора выпустить в воздух и наших молодых летчиков. Когда он объявил о своем решении, радости ребят не было границ. За ужином только и говорили, что о предстоящем вылете и о том, как было бы хорошо сразу же столкнуться с неприятелем, помериться с ним силами и, конечно, вернуться на аэродром победителями. Все это так, но все ли выдержат трудное боевое крещение, не дрогнут ли в схватке?

Помню один из вылетов с молодыми летчиками вскоре после того, как их выпустили в воздух. Мы шли на прикрытие наших наземных частей. День был ясный, солнечный. Чистый горизонт не предвещал никакой опасности. Барражируя над линией фронта, мы вдруг заметили бомбардировщиков противника в

сопровождении шести истребителей.

Нельзя было допустить, чтобы они сбросили бомбы на наши войска. Ведущий группы Павел Шевелев принял решение немедленно атаковать противника. Ведя огонь, мы врезались в его боевые порядки. Вскоре один из вражеских бомбардировщиков, лениво перевернувшись через крыло, клюнул носом и быстро пошел к земле.

Сержант Коля Думан забыл об осмотрительности и как завороженный следил за падающим фашистским стервятником. Но в бою такое промедление может стоить жизни. Хорошо, что его ведущий Василий Добровольский вовремя оглянулся: в хвосте самолета Николая уже шел неприятельский истребитель.

Реакция Добровольского была мгновенной. Он рванул свою машину вправо и тут же открыл огонь по фашисту. Тот бросился вниз, оставив самолет Думана.

Сержант не сразу догадался, почему "киттихаук" ведущего оказался с ним почти на встречных курсах. И только тогда, когда совсем близко от себя увидел уходящий вниз истребитель противника, понял все.

Бой был жарким. Добровольский бросал свою машину вправо и влево, вверх и вниз, отбивая яростные атаки врага. Думан теперь неотступно следовал за ним, внимательно следил за каждым его движением.

Фашистские бомбардировщики повернули обратно, но число истребителей противника увеличивалось. Мы уже приготовились уходить домой, когда подоспело подкрепление. Немецкие летчики не решились вступить в схватку и поспешно удалились.

На аэродроме Шевелев в сердцах сказал Думану:

- Сколько раз мы обращали внимание на поведение ведомого в бою. Ведущий идет в атаку, твердо зная, что за ним неотступно следует его напарник. А что получилось у нас? - Он строго посмотрел на сержанта.

Николай стоял, низко опустив голову. Он и сам понимал, что допустил непростительный промах, и очень переживал. Каждое сражение - это школа боевого опыта. Вот почему Алексей Борисович так много внимания уделял разборам проведенных боев.

- Одних благих пожеланий мало, - говорил он. - Надо овладевать мастерством. Без него нет настоящего летчика.

Молодежь с жадностью ловила каждое слово командира полка.

Ребята, кажется, уже поняли, что война это не парад, не только радость побед, но порой и горечь поражений, что это пот и кровь, гибель друзей...

Кумиром молодых летчиков был Володя Апухтин. Стройный, подтянутый, всегда чисто выбритый и аккуратно одетый, он был образцом дисциплинированности и собранности.

В любых условиях Володя умел найти время, чтобы последить за своей внешностью. Даже в самые трудные дни, до предела заполненные боевыми вылетами, когда другие летчики, вернувшись с задания, словно подкошенные валились с ног и тут же засыпали, Апухтин не изменял своей доброй традиции. Прежде чем лечь, тщательно осматривал обмундирование, пришивал к гимнастерке белоснежный подворотничок, брился и до зеркального блеска начищал сапоги. Гимнастерку складывал на табуретке или просто на полу карманами кверху, смачивал водой загнутые клапаны и прижимал их своими записными книжками. Искусно гладил брюки, аккуратно раскладывая их под своим матрацем.

"И когда только он успевает?" - удивлялись другие летчики. А Володя, улыбаясь, говорил, что дело не во времени, - надо просто, чтобы это вошло в привычку.

Глава десятая. Пора возмужания

Однажды под вечер на аэродром прилетел двухместный связной самолет По-2. В ту пору его называли "воздушным тихоходом". Самолет остановился на самом краю взлетной полосы.

Из него вышел офицер в унтах, летной куртке и меховом шлеме. Как потом выяснилось, это был капитан Кузнецов, разведывательный самолет которого летчикам нашего полка предстояло сопровождать в глубокий тыл противника.

Командир полка вызвал к себе восемь летчиков во главе с Вадимом Лойко. Он представил им капитана Кузнецова и сказал:

- Завтра вам предстоит выполнить весьма ответственное задание. Необходимо обеспечить нашему разведчику полет в глубокий тыл противника. Высота - пять тысяч метров, горючее - на пределе... В бой с противником по возможности не ввязываться, главное - обеспечить разведку. Маршрут, радиообмен и другие подробности полета уточните с товарищем Кузнецовым, - добавил Алексей Борисович. - Встреча с разведчиком состоится завтра на рассвете недалеко от нашего аэродрома...

Кузнецов приветливо улыбнулся и подсел поближе к карте.

- Вот здесь, - указал он карандашом, - предполагается большое скопление танков противника. Этот район сильно прикрыт зенитным огнем и авиацией. Я полагаю, целесообразнее пройти туда с севера, а на обратном пути, идя с запада на восток, произвести разведку и фотографирование. Еще у меня к вам

большая просьба, - продолжал Кузнецов. - Старайтесь, пожалуйста, не отставать от меня.

Летчики недоумевающе переглянулись. Всем было известно, что имеющиеся на вооружении нашей авиации бомбардировщики и самолеты-разведчики развивали скорость намного меньшую, чем истребители,

- С какой же скоростью вы собираетесь идти? - спросил Вадим Лойко.

- Пятьсот - шестьсот километров, если вы осилите, - ответил Кузнецов.

Лойко изумленно посмотрел на него:

- Что за самолет у вас?

- Новый бомбардировщик. Разведывательный вариант.

После постановки и уяснения задачи восхищенные летчики обступили капитана и стали наперебой расспрашивать его о летных качествах новой машины.

Договорились держать скорость четыреста километров, чтобы у истребителей оставался резерв для маневра.

- Машина действительно удивительная, - сказал Кузнецов. - Завтра вы сами убедитесь в этом.

Вечером, когда очередная группа самолетов нашего полка возвращалась с боевого задания, нам пришлось поволноваться. Молодой летчик Игорь Федорчук никак не мог посадить машину. На ней был поврежден руль высоты. Когда Игорь все-таки с большим трудом приземлился, на фюзеляже и хвостовом оперении его истребителя мы увидели несколько больших пробоин. Инженер полка Алексей Иванович Филимонов сокрушенно качал головой. Предстоял серьезный ремонт. Но все были рады, что Игорь жив и на своем аэродроме.

С течением времени Игорь Александрович Федорчук вошел в строй и стал отличным воздушным бойцом. В начале февраля 1944 года, когда он уже был лейтенантом и командиром звена в нашем полку, ему присвоили звание Героя Советского Союза...

Ребята, которые должны были сопровождать наш разведчик, прибыли на аэродром раньше обычного. Я должен был подготовить резервную группу и тоже прибыл вместе с Вадимом Лойко. Вот что впоследствии он рассказал мне об этом вылете.

Летчикам предстояло набрать высоту три тысячи метров и через десять минут после взлета встретить экипаж Кузнецова над озером, недалеко от аэродрома.

Группа взлетала парами, а в воздухе заняла боевой порядок двумя четверками. Чтобы не демаскировать полет, передачи по радио были запрещены. Но вдруг в наушниках раздался тревожный голос с земли:

- Я - "Ноль один", я - "Ноль один". Противник штурмует аэродром.

Этот налет был результатом недавнего визита "рамы". Фашистский самолет-разведчик всегда был недобрым предзнаменованием.

Положение группы было выгодным. До встречи с капитаном Кузнецовым еще оставалось несколько минут, и Лойко подал команду:

- Атакуем!

Фашисты и не подозревали о советских истребителях. Они чувствовали себя в полной безопасности. Едва только первая вражеская пара перешла в набор высоты, как Добровольский очередью прошил крайний левый самолет.

Между тем Николай Думан развил слишком большую скорость и обогнал не только своего ведущего, но и объятый пламенем истребитель врага. Зато другой оказался в его прицеле. Сержант нажал гашетку, затем круто рванул ручку и выхватил свой самолет перед самой машиной гитлеровца.

Удачно провели бой и Вадим Лойко со своим ведомым. Они настигли немецкую пару в тот момент, когда она выходила из пикирования. В менее выгодном положении оказались Апухтин и Федорчук. Выбранные ими для атаки неприятельские самолеты уже заметили советских истребителей и начали быстро уходить из-под огня. Их, наверное, можно было еще настичь, но Лойко стал быстро собирать всю группу для выполнения основного задания, так как время уже истекало и вот-вот мог появиться наш разведчик. На земле горели два из шести фашистских самолетов, пытавшихся бомбить аэродром. Кроме того, две машины были подбиты.

- Молодцы, товарищи. Спасибо за помощь! - услышали летчики голос Алексея Борисовича Панова. - Выполняйте основную задачу.

Разведчик сделал над озером большой круг, во время которого истребители заняли свои места в общем порядке боевой группы. Беспокоила мысль о горючем.

Ведь они идут в глубокий тыл. Хватит ли на обратный маршрут?

Хорошо, что Кузнецов шел все время с набором высоты. На высоте меньше расходуется топлива, а это сейчас важнее всего. Скоро стало трудно дышать: высотомер показывал четыре тысячи метров, а кислородного оборудования на самолетах не было.

Линию фронта группа пересекла на высоте пять тысяч метров. Дышать становилось все труднее. Кислородное голодание не только изнуряло физически, но и угнетающе действовало на

психику.

Миновали древний Новгород, справа остался Псков. Затем повернули на юго-запад и летели в таком направлении довольно долго. Наконец разведчик покачал крыльями, дав понять, что начинается самый ответственный отрезок пути, и развернулся на восток. Внизу замелькали черные полосы леса, железнодорожный мост, какие-то постройки, потом показалась забитая составами станция Дно объект нашей разведки. Лидер стал быстро увеличивать скорость и с небольшим снижением пошел вдоль линии железной дороги. Истребители не отставали от него, повторяя почти в точности все его маневры.

Заметив советские самолеты, вражеские зенитчики открыли ожесточенный огонь. Но они явно запоздали, белые хлопья разрывов остались далеко позади.

Станция Дно скрылась за лесным массивом. Группа стремительно уходила на восток - к линии фронта. Незначительное снижение по высоте давало летчикам возможность идти на максимальной скорости. Первая четверка надежно обеспечивала непосредственное прикрытие разведчика. Она следовала с обеих его сторон попарно. Вторая четверка представляла собой ударную группу. Шла она тоже попарно, широко рассредоточившись по фронту. Это облегчало наблюдение за воздушным пространством и наземной обстановкой.

На аэродромах в районе Старой Руссы было сосредоточено большое количество фашистских истребителей. Немцы могли узнать о приближении советских самолетов и подготовиться к встрече с ними. Вот почему разведчик направился несколько севернее города. Истребители следовали за ним.

Стрелки бензомеров продолжали двигаться влево - к красной риске, указывающей, что горючего в баках остается не более чем на пятнадцать минут.

Внезапно в наушниках раздалось предупреждение:

- Слева внизу самолеты противника!

Фашисты шли над озером Ильмень. Их силуэты четко вырисовывались на ровном заснеженном льду. Они только взлетели и еще не успели набрать высоту, но уже по резкости маневра можно было безошибочно определить, что это истребители.

Значит, разведчик обнаружен. Придется вести бой.

В эфире снова стало тихо. Летчики внимательно следили за противником, в то же время старались не отстать от самолета Кузнецова. До линии фронта оставалось немногим более тридцати километров.

И вот опять легкое потрескивание в наушниках и тот же голос:

- Противник сзади.

Сильно растянутый в глубину боевой порядок "мессершмиттов" свидетельствовал о том, что они выжимали из своих моторов всю мощность, стремясь во что бы то ни стало нагнать нашего разведчика. Пока "мессы" , не представляли для него существенной опасности, но новое предостережение по радио заставило Лойко подумать о том, как лучше прикрыть экипаж капитана. Пара истребителей уже появилась сверху сзади. Они изготовились для атаки. За ними, чуть ниже, на удалении трех - пяти километров в разомкнутом по фронту боевом порядке следовала еще одна четверка.

Однако у советских летчиков было одно немаловажное преимущество: они наблюдали за приближающимся противником со стороны солнца, а тот шел против солнца, которое слепило его и мешало наблюдать и маневрировать.

Время вдруг словно замедлило свой бег. Оно почти остановилось. Врагу было важно не упустить нашего разведчика, нашим истребителям - не допустить к нему "мессов".

Уже несколько раз фашисты порывались в атаку. Но каждый раз обе пары ударной группы советских истребителей начинали разворот во внутреннюю сторону. Идя навстречу друг другу, они образовывали огромные клещи, которые отсекали атакующего противника. Затем они занимали прежний боевой порядок, надежно охраняя разведчика. Группа непосредственного прикрытия продолжала внимательно наблюдать за юлящими неподалеку "мессершмитхами".

Сильный удар перевернул машину Вадима Лойко. Поблизости от нее разорвался крупнокалиберный зенитный снаряд. Вслед за первым разрывом последовали второй и третий. Снаряды рвались вокруг самолетов, оставляя в небе черно-белые шапки дыма. Это была долгожданная линия фронта.

Самолеты противника тут же повернули назад. Очевидно, они взаимодействовали со своей артиллерией и теперь предоставляли зону боя в ее распоряжение.

Немцы не жалели снарядов. В такой переплет зенитного огня летчики попали впервые. Запах порохового дыма проникал в кабину. Шапки разрывов образовали облачность. Но, к счастью, зенитный огонь не причинил вреда ни одному нашему самолету...

На нашем аэродроме царило радостное оживление после удачно проведенного боя группой Лойко. Немецкие летчики, спасая свою жизнь, выбросились с парашютами.

Не прошло и двадцати минут, как оба они были пойманы,

обезоружены и доставлены на командный пункт полка. Эту операцию возглавил начальник особого отдела Беник Саркисян, невысокого роста симпатичный офицер с маленькими черными усиками.

У землянки собрались свободные от дежурства летчики и обслуживающий персонал.

- Пленных запереть в землянке и выставить караул, - приказал начальник штаба.

Алексей Борисович Панов тревожно поглядывал то на часы, то на небо. Мы понимали его тревогу. Группа Лойко должна была вернуться с минуты на минуту в самолетах уже кончался бензин.

Но вот к Панову подбежал улыбающийся радист и что-то сказал ему. На лице командира появилась радостная улыбка. Значит, возвращаются, и без потерь.

Вскоре на западе послышался быстро приближающийся шум моторов. Все находящиеся на аэродроме разом взглянули на небо. Восьмерка Лойко появилась неожиданно над самой кромкой леса. Самолеты быстро растянулись на кругу и один за другим произвели посадку.

- Молодцы! Вернулись в полном составе, - сказал Алексей Борисович.

Разведчик сделал традиционный круг, в знак благодарности покачал крыльями и со снижением ушел в сторону своего аэродрома.

Несколько секунд люди молчали, потом все разом, словно очнувшись, бросились к остановившимся самолетам. Восьмерку Лойко приветствовали восторженными криками. Механики на руках завели машины на место стоянки.

Ребята были дважды именинниками - отлично выполнили задание по сопровождению нашего разведчика и успешно провели бой над аэродромом.

Весть о блестяще проведенном бое быстро облетела весь фронт. Первым об этом узнал командир дивизии Георгий Александрович Иванов, затем и командарм.

Лойко с группой еще был в воздухе, когда на аэродром стали прибывать на связных и боевых самолетах представители вышестоящих штабов. По радио сообщили, что вылетел и скоро прибудет командующий 6-й воздушной армией Ф. П. Полынин.

В целях безопасности Панов решил поднять в воздух четверку лучших летчиков. Задача перед ними стояла одна: зорко стеречь небо от возможного налета фашистских самолетов.

Прилетел командарм. Это был еще сравнительно молодой генерал, высокий, стройный, атлетического сложения, с выбивающимися из-под шлема черными как смоль кудрями. Он

был одет в кожаный реглан с меховым воротником, на ногах высокие серые унты.

Алексей Борисович подошел к командарму с докладом. Полынин улыбнулся и, сняв перчатку, протянул командиру полка руку:

- Здравствуйте, товарищ Панов. Вижу, вы отлично повоевали. Молодцы. Прямо молодцы!

Он говорил негромко и слегка на "о".

В армии о Федоре Петровиче Полынине ходили буквально легенды. Люди, даже не знавшие командарма лично, относились к нему с исключительным уважением, а те, кому хоть раз довелось с ним повстречаться - от командиров дивизий до рядовых механиков, - вспоминали об этом с радостью и отзывались о командарме с большой теплотой. Был он человеком душевным и заботливым, но требовательным, отличали его и выдающиеся организаторские способности. О его безграничной смелости было известно задолго до начала войны. Федор Петрович Полынин сражался еще в небе Испании. У него был богатый жизненный опыт и большие знания.

Все свободные от боевого дежурства летчики высыпали из землянок, чтобы посмотреть на этого замечательного человека, голос которого они так часто слышали по радио во время боевых вылетов.

Все мы не раз за удачно проведенный бой удостаивались похвалы командарма, а когда сбивали самолет противника, нам привозили небольшую продуктовую посылку. Дорого было, конечно, не столько ее содержимое, сколько внимание и забота, которыми нас окружали командарм, его заместители и политотдел армии. Любой, даже самый молодой, летчик, отличившийся в бою, немедленно становился известен в своей дивизии, а то и по всему фронту. О нем писали в армейских газетах, рассказывали в подразделениях пропагандисты и агитаторы...

Что же касается посылок, то, хотя они и были адресованы конкретному человеку, отличившемуся в бою, распечатывали их сообща - обычно за ужином - и делили между всеми. Как правило, сладости из посылок доставались мне. Все в полку знали, что я не курю. Сначала это делалось в шутку, а потом все как-то к этому привыкли.

Поздоровавшись с командиром полка, генерал Полынин сказал:

- Ну, а теперь ведите, показывайте ваши трофеи.

Все направились к опушке леса. В этот момент раздался выстрел. В небо взвилась зеленая ракета. Описав в воздухе дугу,

она скрылась за верхушками деревьев.

Командарм остановился и посмотрел на часы.

Заработали моторы, и через несколько секунд в небо поднялись две дежурные пары истребителей. Они должны были сменить патрулировавшую над аэродромом первую группу. Летчики работали исключительно слаженно и четко.

Ф. П. Полынин снова посмотрел на часы.

- Предусмотрительно, - заметил он, ни к кому не обращаясь.

У землянки, где размещалась столовая, стояла группа однополчан. Командарм поздоровался со всеми и уже собрался войти в помещение, как вдруг на юго-западе послышался гул моторов.

- Немцы, - сказал кто-то.

С каждой секундой гул нарастал и становился все отчетливее. И вот патрулирующая четверка, которая по времени уже должна была идти на посадку, пара за парой почти отвесно устремилась вниз и скрылась за деревьями. Скоро из-за леса раздались длинные пулеметные очереди и послышались сильные взрывы, потрясшие мерзлую землю.

Потом стало тихо, совсем тихо. Слышался лишь рокот только что взлетевшей для прикрытия аэродрома четверки. Она быстро набирала высоту.

Между тем четверка, которой командовал старший лейтенант Николай Головков, почти бесшумно произвела посадку и зарулила на стоянку рядом с самолетом командарма. Начальник штаба полка Бойченко подбежал к первому зарулившему самолету и вскочил на крыло. Из кабины выбрался небольшого роста, коренастый летчик. Он попытался доложить, приложив руку к шлемофону, но Бойченко потащил его к землянке, возле которой в окружении командиров стоял улыбающийся генерал Полынин. Головков не сразу сообразил, куда его ведут. Не доходя нескольких шагов до землянки, Иван Васильевич отошел в сторону и подтолкнул Николая вперед.

Головков увидел перед собой командира дивизии, растерялся и, снова приложив руку к шлемофону, стал докладывать о только что проведенном бое, но Иванов прервал его. Жестами и взглядом он показывал ему, что докладывать следует старшему по званию. Только теперь Головков увидел командующего. Это окончательно сбило его с толку, и он стоял, не в силах произнести ни слова.

Федор Петрович сам выручил его.

- Полынин, - представился он, протягивая летчику руку, и тут же добавил: Успокойтесь, дорогой, и расскажите все по порядку...

Придя в себя, Николай подробно рассказал о своем дежурстве,

- До самого последнего момента все шло нормально,- сказал он. - А перед окончанием смены мы заметили на юго-западе четыре самолета, которые шли со снижением в сторону аэродрома. Решили, что это свои возвращаются с задания. Лишь когда самолеты совсем приблизились, мы поняли, что это немцы, и атаковали их сверху. Во время атаки фашисты развернулись влево, сбросили бомбы и стали уходить на запад. Преследовать врага не было возможности: у нас кончалось горючее. После этого я повел группу на посадку, - закончил Головков и уставился в землю. Казалось, он чувствовал себя в чем-то виноватым.

Командующий, хорошо понимая состояние летчика, обнял его и крепко расцеловал.

- Спасибо за отличное выполнение задания!

В землянке, куда мы спустились вслед за командующим, уже шел допрос пленных. Они пространно отвечали на все вопросы.

Удалось выяснить, что группу, пытавшуюся штурмовать аэродром, возглавлял опытный немецкий летчик, воевавший во Франции, Италии и Чехословакии и имевший на своем счету не один десяток побед в воздухе.

Мы внимательно наблюдали за выражением лица фашистского аса. Казалось, он все еще никак не мог смириться с тем, что произошло. Ведь какой-нибудь час назад он не допускал и мысли, что его могут сбить над советской территорией и что он окажется в плену. Его глаза обшаривали землянку, стараясь найти хоть что-нибудь, подтверждающее, что все это только сон, страшный, кошмарный сон...

И вдруг немец заговорил. Его длинную фразу перевели. Он просил разрешения взглянуть на летчика, который его сбил.

- Что ж, просьбу можно удовлетворить, - сказал командующий.

Вскоре в землянке появилась группа летчиков во главе с Вадимом Лойко. Они сошли по ступенькам вниз и остановились у входа, ничего не видя после яркого дневного света. Немцы при их появлении вскочили и вытянулись по стойке "смирно".

- Кто из вас товарищ Думан? - спросил офицер, который вел допрос пленных. - Выйдите, пожалуйста, вперед.

Коля стоял позади всех. Он не сразу понял, почему вдруг все повернулись в его сторону.

Летчики расступились, сержант вышел вперед и встал рядом с Вадимом Лойко. Пленные недоверчиво разглядывали его. Небольшого росточка, щуплый юноша, почти мальчик, в летном комбинезоне. Шлемофон сжат в левой руке. Непричесанные русые волосы топорщатся в разные стороны.

- Товарищ Думан, сбитый вами немецкий летчик хочет вас

видеть, - обратился офицер к Николаю, а затем к немцу: - Советский летчик перед вами.

После минутного замешательства немец бросился к Думану и протянул ему огромную волосатую руку. Он что-то лопотал, видимо, поздравляя Думана с победой, но Коля резко убрал свою руку за спину и, отступая на шаг назад, произнес баском:

- Пошел ты к чертовой матери!

Все громко рассмеялись.

Вечером на поляне перед КП полка выступил генерал Ф. П. Полынин. Он поблагодарил летчиков за отличную работу, поздравил их с успехом.

- Если все будут драться так же, как ваши товарищи,- сказал он, - врагу не долго хозяйничать на нашей земле. Сегодняшний день - это очередной к желанной победе. От всей души желаю вам еще больших успехов во славу нашей любимой Родины.

Командарм пожал руку командиру дивизии и командиру полка, тепло распрощался с летчиками и улетел.

Все были возбуждены событиями минувшего дня. Поэтому наш ужин затянулся дольше обычного. В столовой было шумно и весело. Говорили все разом, подшучивали над Колей Думаном. Обычно неразговорчивый, Думан тоже шутил, охотно поддерживал остроты ребят и возбужденно ерошил свои непокорные волосы.

Алексей Борисович внимательно слушал летчиков, потом, когда все немного успокоились, поднялся со своего места во главе стола и сказал:

- Это хорошо, что мы успешно бьем фашистских стервятников. Но главное, товарищи, не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутом. Важно, чтобы первые наши серьезные победы не вскружили нам голову. Вот и все, что я хотел сказать. - Он посмотрел на часы: - Время позднее, пора спать. Завтра день, может, выдастся еще жарче, чем сегодня.

Утром следующего дня в полк прилетели старший батальонный комиссар А. А. Шумейко и корреспондент одной из центральных газет. Обычно Андрей Андреевич посещал боевые части вместе с комдивом. Это была на редкость дружная, сработанная пара душевных, отзывчивых людей. На этот раз Шумейко прибыл к нам позже полковника Иванова - задержал корреспондент.

- Ну вот, - сказал Андрей Андреевич своему спутнику, - знакомьтесь с людьми, собирайте нужный вам материал. Я буду на КП, поговорю с командиром и комиссаром.

Газетчик оказался расторопным человеком. Он переходил от одного самолета к другому, беседовал с участниками событий

вчерашнего дня. Летчики охотно делились своими впечатлениями, но фотографироваться отказывались, ссылаясь на занятость. Корреспондент вынужден был обратиться за помощью к Шумейко, которого застал за беседой с майором Пановым.

- Что же это, Алексей Борисович, ваши люди игнорируют прессу? - шутливо спросил Шумейко.

- Скромничают, - улыбнулся Панов. - Газетчики не обходят вниманием авиаторов, довольно часто бывают у нас.

- Увлекаться популярностью, конечно, не следует,- заметил старший батальонный комиссар, - но и ложная скромность ни к чему. Так что, Алексей Борисович, придется вам лично поговорить с летчиками: для газеты нужны их фотографии.

- Хорошо, Андрей Андреевич, - пообещал Панов и тут же передал распоряжение в эскадрилью.

Корреспондент поблагодарил Шумейко и Панова. К вечеру он сделал несколько десятков кадров и, довольный, отбыл из полка.

Вскоре материалы о воздушном бое над аэродромом были опубликованы во фронтовой и центральной печати, переданы по радио.

* * *

Боевое напряжение с каждым днем увеличивалось. Это объяснялось тем, что мы летали не только на прикрытие наземных войск, но и сопровождали "илы", поддерживавшие наступление наземных войск, наносили штурмовые удары по живой силе и технике врага.

После каждого вылета возвращались, как правило, без боекомплекта. Штатные полковые оружейники не успевали как следует осматривать и чистить оружие: времени хватало лишь на подготовку и зарядку боекомплекта. В помощь оружейникам командование периодически подключало механиков и техников. Однако специалисты по эксплуатации самолетов были и без того слишком загружены, поэтому служба вооружения по-прежнему испытывала большие затруднения,

И вот однажды из штаба дивизии раздался звонок:

- Встречайте пополнение. Приедут девушки-оружейницы. На первых порах им следует помочь - у них еще нет практических навыков.

Надо прямо сказать, мы не очень надеялись на то, что девчата смогут оказать серьезную помощь нашим оружейникам.

В середине дня в крытой грузовой машине на аэродром прибыло пополнение. Стояла морозная, холодная погода, и приехавшие, хотя и были тепло одеты, основательно продрогли в пути.

- Здравствуйте, девушки! - поздоровался начальник штаба. - С

прибытием.

Владимир Мусатов и еще два-три человека помогли девчатам занести вещи в жарко натопленную землянку, приготовили чай. Спустя некоторое время пришел полковой врач.

- Не нужна ли кому медицинская помощь? - спросил он.

Все молчали.

- Тогда вот что, - сказал военврач, - снимите-ка валенки, проверю, не обморожены ли ноги.

Оказалось, что кое-кто неумело навернул портянки и морозом прихватило пальцы.

- Ничего серьезного, - успокоил врач молодых оружейниц. - А портянки надо навертывать вот так, - и он показал, как это делается.

Вскоре для девушек приготовили отдельное общежитие. Начальник штаба майор Бойченко познакомил их с боевыми традициями полка. Старшие техники эскадрилий провели с оружейницами несколько практических занятий, рассказали, что и как надо делать на машине перед вылетом и после выполнения полетного задания.

Помнится, вместе с другими девушками в полк прибыла и Саша Перова статная, белокурая, голубоглазая. Ее зачислили в экипаж Владимира Апухтина. И сам командир, и механик его самолета Михаил Ковалев приветливо встретили девушку.

Саша оказалась понятливой, трудолюбивой помощницей. Она быстро научилась снимать оружие для чистки, заряжать боекомплект и даже устранять отдельные неполадки.

Трудно было оружейницам работать зимой. Снимать пулеметы, чистить их, заряжать приходилось без перчаток, голыми руками. Но девушки не сетовали на трудности. Они знали, что женщинам, которые трудятся в тылу, тоже приходится нелегко.

Полковые политработники, партийные и комсомольские активисты регулярно проводили с оружейницами беседы, пропагандировали их успехи в стенной печати, вовлекали девчат в общественную жизнь - помогали им всем, чем могли.

Постепенно девушки втянулись в работу, полюбили новую для них профессию, стали надежными помощницами механиков и техников.

А вылеты, надо сказать, следовали один за другим. Особенно волновались девчата, как и все мы, за еще не обстрелянных летчиков.

Ветераны полка за последние дни сбили до десятка вражеских самолетов. Василий Добровольский, Павел Шевелев, Вадим Лойко и другие "старики" пользовались среди молодежи

заслуженным уважением. Я уже не говорю о командире части майоре А. Б. Панове. Его авторитет был непререкаем.

Однажды Алексей Борисович вызвал Вадима Лойко на КП и приказал подготовить группу летчиков для вылета на прикрытие наших наземных войск.

- С вами полетит лейтенант Журавский, - сказал командир. - Парень рвется в бой, но умения у него еще недостаточно. Постарайтесь предостеречь его от излишней горячности.

Предупреждение было не лишним. Мы знали, что Дима Журавский недавно пережил большое моральное потрясение - при трагических обстоятельствах была тяжело ранена его жена, работавшая в соседнем полку. Все однополчане сочувственно относились к лейтенанту, беспокоились о том, как бы он не допустил опрометчивости во время встречи с воздушным противником.

- Счастливо, Дима! - тепло напутствовали его девчата, когда он сел в кабину самолета и приготовился к взлету.

Наша группа поднялась в небо и взяла курс к заданному району. У линии фронта мы встретили противника, намного превосходившего нас по численности. "Не дрогнет ли Журавский?" - подумал я. Напротив, Дмитрий смело бросил свою машину на одного из "мессеров", сопровождавших фашистские бомбардировщики.

Я бил по "юнкерсу" прицельно, и Дима помог мне тем, что пресек попытки гитлеровца атаковать мой самолет сзади. Правда, лейтенант не полностью использовал свое преимущество над врагом: открыл огонь с большой дистанции. Но это уже вопрос мастерства. Главное то, что он не растерялся.

Мы одержали победу над врагом и без потерь возвратились на свой аэродром. Чтобы поднять настроение Дмитрия и поддержать, мы решили записать уничтоженный бомбардировщик на его боевой счет. Молодые летчики, техники, механики и особенно девчата, с нетерпением ожидавшие нашего возвращения, тепло поздравили Дмитрия с первым успехом.

На разборе этого вылета Вадим Лойко, ведущий группы, наряду с другими ребятами отметил и лейтенанта Журавского.

- Надеюсь, - заметил, однако, Лойко, - что впредь Дмитрий будет бить по врагу с более короткой дистанции, и тогда эффективность огня повысится.

Лейтенант учел добрый совет и вскоре в одном из боев снова отличился уничтожил "раму" (так на фронте называли немецкий самолет-разведчик). Имя Дмитрия Журавского появилось на страницах фронтовой газеты. Это воодушевило молодого летчика, помогло ему занять место в рядах лучших воздушных бойцов.

Беседуя как-то с корреспондентом "Правды" и фронтовой газеты "За Родину" Александром Исбахом, командир полка сказал, что наша печать помогает сплачивать коллектив авиаторов, является действенным средством воспитания людей, вносит достойный вклад в общее дело борьбы с врагом.

- Крепкий, хороший народ у вас, Алексей Борисович, - ответил ему Исбах. О таких людях нельзя не писать, они - труженики войны.

Александр Исбах был частым гостем в нашем полку, и летчики относились к нему с большим уважением и доверием, охотно рассказывали о своих боевых и житейских делах. И в нашей части, и в 485-м авиаполку его считали своим человеком. Ребята жалели, что нет двухместного истребителя, на котором можно было бы поднять корреспондента в небо.

- Удивительно, - говорил Исбах, обращаясь к командиру полка, - несмотря на постоянную напряженную боевую работу, ваши парни и девчата находят время и для отдыха.

Особенно нравилась ему полковая художественная самодеятельность. Импровизированные концерты, в которых принимали участие наши музыканты, певцы, танцоры и декламаторы.

- Война войной, а человек остается человеком, - улыбаясь, отвечал Панов. У нас, как видите, большинство молодежи. Самому старому, мне, - двадцать восемь.

- Комсомольский возраст, Алексей Борисович. Поэтому, наверное, жизнь бьет ключом и там, - Исбах показал на небо, - и здесь, на земле.

После беседы Александр Исбах и прибывшие с ним фотокорреспонденты ушли на стоянку самолетов, чтобы сделать несколько снимков для газеты. Они уже почти закончили свою работу, когда в штаб полка сообщили, что вражеская авиация штурмует наши наземные войска западнее Осташкова.

Командир принял решение поднять в воздух шесть истребителей во главе с Вадимом Лойко. Погода стояла плохая, никто не думал, что может быть вылет, и самолеты, едва оторвавшись от земли, сразу скрылись из виду.

Слева шел Василий Добровольский со своим ведомым Николаем Думаном, справа - Владимир Апухтин и его напарник.

Летели низко, буквально над кустами. Спустя несколько минут увидели характерный узкий длинный полуостров, вклинившийся в заснеженную ровную гладь озера Селигер. Это был город Осташков. По льду в северо-западном направлении тянулись колонны лыжников в белых халатах. Увидев краснозвездные самолеты, они приветливо замахали руками.

Облачность местами поднималась до двухсот метров. Лойко развернул группу в направлении следования лыжников.

Колонна выходила на берег и начала втягиваться в сосновый лес. До линии фронта оставалось совсем немного. Лойко начал правый разворот, и группа перестроила боевой порядок в колонну пар. Во время разворота одна за другой впереди промелькнули неясные точки.

- Внимание! Самолеты противника, - предупредил летчиков ведущий.

Чтобы не цеплять облака, Лойко уменьшил высоту до ста восьмидесяти - ста пятидесяти метров. Две пары самолетов противника, как на полигоне, заходили для штурмовки лесной дороги, по которой двигались наши войска.

Четверка истребителей устремилась на врага, а Владимир Апухтин и его ведомый остались на прежней высоте, чтобы обеспечить ее выход из атаки. Молниеносный удар - и один из немецких самолетов, не выходя из пикирования, ткнулся в лес, подняв облако дыма и снежной пыли. В этот момент еще пара гитлеровцев, внезапно выскочив из облаков, ударила по самолету Апухтина и скрылась в сумеречной мгле. Машина Владимира загорелась. Раненый лейтенант на предельно малой высоте перевалился через борт кабины и выдернул кольцо парашюта. Ведомый доложил по радио о случившемся, и все наши летчики поспешили на помощь Володе. Но в этих условиях его не так просто было найти.

Разгоняя фашистов, наши летчики в поисках самолета Апухтина носились почти на бреющем. Вскоре они обнаружили на значительном удалении друг от друга два огромных ярких костра. Из-за низкой облачности и надвигающихся сумерек трудно было определить, какая из горевших машин - наша.

Взяв направление на север, группа пошла к линии фронта и встретила довольно плотную завесу зенитного огня. Один из снарядов угодил в машину ведущего, и она постепенно начала терять высоту. Добровольский запросил Лойко по радио, но тот не ответил. Тогда Василий почти вплотную подошел к самолету Вадима. На фюзеляже и левой плоскости зияли рваные дыры. Было ясно, что летчику стоило больших усилий удерживать машину в равновесии. Добровольский еще несколько раз запросил ведущего, но ответа не последовало. Вадим сидел в кабине, немного наклонившись вперед и сосредоточив все внимание на выборе места для посадки.

Машина плюхнулась в зарослях молодого сосняка, вырубив просеку метров до восьмидесяти. Вот-вот мог произойти взрыв, но, к счастью, этого не случилось.

Домой возвратились вчетвером, когда уже почти совсем стемнело. Добровольский доложил командиру полка о случившемся. Алексей Борисович тут же отдал распоряжение сформировать поисковую команду. Через полчаса группа из двенадцати человек на грузовом автомобиле отправилась в путь.

Потянулись часы тревожного ожидания. Через сутки поступила телефонограмма: "Лойко жив. Поиски Апухтина продолжаются", А несколько позже пришло сообщение, что Владимира нет в живых.

Его гибель тяжело переживали все однополчане. Девушки-оружейницы впервые так близко столкнулись со смертью. Они ходили как в воду опущенные. Но и нам, уже закаленным в боях мужчинам, было нелегко. Казалось бы, война должна сделать людей черствее, приучить их к мысли о смерти, о страданиях. Но каждое новое горе, новая потеря оставляли кровавый рубец в сердце. Особенно переживала Саша Перова: Владимир Апухтин был командиром ее экипажа и большим другом.

На могиле боевого товарища мы поклялись жестоко отомстить врагу.

* * *

Когда я и мои товарищи закончили летную школу, нам казалось, что период учебы уже позади. Причина этому - юношеская восторженность, вызванная обретением крыльев, стремлением к самостоятельности. На самом деле мы еще многого не знали, и нам пришлось постигать тонкости летного дела на практике, учиться искусству побеждать в воздушном бою.

Постепенно, элемент за элементом мы отрабатывали технику пилотирования, стрельбы по наземным и воздушным целям, овладевали умением ориентироваться в простых и сложных метеорологических условиях, учились осмотрительности. Но для того чтобы успешно воевать с опытным, сильным и коварным врагом, этого тоже оказалось недостаточно.

Война - не только суровый экзамен, но и величайшая школа мужества и зрелости. Изо дня в день необходимо было совершенствовать тактическое мастерство, добиваться разнообразия форм и методов борьбы с противником. Требовалось новаторство, граничащее с дерзостью, рациональная мысль, неустанные поиски. Наши руководящие авиационные кадры, воспитанные Коммунистической партией, в самый короткий срок сумели обобщить опыт боев и сделать его достоянием советских летчиков-фронтовиков.

Мы научились вести воздушные бои с фашистскими асами, прошедшими кровавую практику во многих странах Западной Европы, сопровождать бомбардировщики и штурмовики к линии

фронта и во вражеские тылы. Более того, истребители успешно выполняли функции разведчиков и даже штурмовиков. А теперь перед нами стояла еще более сложная задача - овладеть искусством бомбометания. Чтобы увеличить силу ударов по наземным войскам противника, решили подвешивать бомбы под крылья истребителей.

На наш аэродром прибыл инспектор из центра. Собрав летчиков, он рассказал о новом задании и доказал его обоснованность точными математическими расчетами.

- Теперь давайте проверим эффективность бомбометания на практике.

Выделили машину, подвесили две стокилограммовые фугасные бомбы. На противоположном конце аэродрома, километрах в двух от КП, обозначили круг метров сто в диаметре с двумя перпендикулярными линиями. Центр перекрестия являлся точкой прицеливания. Собравшиеся у командного пункта однополчане внимательно следили за взлетом и маневром самолета. Летчик, набрав высоту полторы тысячи метров и сделав два круга, плавно перевел машину в пикирование примерно под углом сорок пять градусов. На высоте метров шестьсот от самолета отделились две черные точки, а истребитель тем временем взмыл вверх и с правым разворотом ушел в сторону. Через несколько секунд раздался сильный взрыв, в воздух огромным черным столбом поднялись куски мерзлой земли и кустарник.

Бомбы легли в круг на удалении от центра тридцать и пятьдесят метров. Результат был отрадным. Повторное бомбометание также подтвердило теоретические расчеты инспектора.

- Представляете, товарищи, насколько возрастет боевая мощь истребителей? сказал в заключение представитель центра.

Мы прекрасно понимали, что дело это нужное. Правда, в условиях непрерывных воздушных боев зачастую с превосходящими силами противника бомбометание с истребителей не всегда было осуществимо: бомбы ухудшали маневренные возможности самолета. И все же использование наших легкокрылых машин в новом качестве открывало дополнительную возможность борьбы с врагом. И впоследствии многие летчики успешно применяли бомбы для штурмовки врага.

Глава одиннадцатая. Двадцать шестая звезда

Шел декабрь 1942 года - восемнадцатый месяц ожесточенной борьбы Красной Армии и всего народа с немецко-фашистскими полчищами. В районе Сталинграда, Среднего Дона и на Центральном фронте наши войска вели наступательные бои.

Радовали нас и частные успехи стрелковых, танковых и артиллерийских подразделений на других направлениях, а также боевые действия партизан.

Газеты сообщали о героических подвигах советских воинов, дравшихся с врагом в районах Ржева и Великих Лук. Летчики 436-го истребительного авиаполка умножали свой боевой счет. Четыре вражеских самолета сбил Дмитрий Журавский. Как и многие другие молодые летчики, он стал смелым, решительным бойцом. Его полюбили товарищи и начал уважать противник.

Мне особенно запомнился солнечный морозный день - 26 декабря. С рассвета и до позднего вечера не прекращались воздушные бои. У противника появились новые тупоносые самолеты. Большой активности над территорией, занятой советскими войсками, они не проявляли, ходили парами в стороне, высматривали добычу.

Появление тупоносых насторожило наших летчиков, заставило быть предельно внимательными: никто не знал, на что они способны. Командир полка А. Б. Панов предупредил летчиков:

- На рожон не лезьте, а если какой подвернется, не упускайте момент. Самое главное - не проглядите внезапной атаки тупоносых, в оба следите за каждым их маневром. Надо присмотреться к этим самолетам, изучить их тактику.

Короткий день уже клонился к вечеру, когда я в третий раз во главе шестерки истребителей вылетел на сопровождение "ильюшиных". Павлу Шевелеву и еще трем летчикам было приказано обеспечить успешную работу нашей группы следить за тупоносыми и в случае необходимости оказать нам помощь.

Восемь штурмовиков четверками шли на высоте около километра. Три пары истребителей, образуя "этажерку" до полутора километров вверх, зорко просматривали воздушное пространство. А выше нас со своими ведомыми Володей Латышевым, Степаном Новичковым и Колей Думаном летел Павел Шевелев. Кстати говоря, 4 февраля 1944 года старшим лейтенантам С. М. Новичкову и В. А. Латышеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

На подходе к линии фронта нам сообщили с КП армии, что в районе цели находятся две группы вражеских истребителей.

До заданного района оставалось километров шесть, когда я увидел две пары "мессершмиттов". Расчет вражеских летчиков на внезапную атаку не оправдался. Василий Добровольский и я отогнали их от "илов".

Вот и передний край. Разрывы мин и снарядов. Черные столбы земли и дыма. На высоте около тысячи метров над

небольшим лесом, где, по данным нашей разведки, были сосредоточены резервы противника, штурмовики образовали круг, сбросили бомбы и один за другим устремились вниз, чтобы атаковать противника всеми видами оружия. Из пикирования выходили почти над самой землей, образуя огромный обруч, наклоненный к горизонту под углом тридцать - сорок градусов. Затем набирали высоту и снова ныряли, обрушивая ливень раскаленного свинца на головы фашистов. В лесу возник большой пожар. Судя по огромному столбу черного дыма, медленно поднимавшемуся к небу, горел склад горюче-смазочных материалов. Мощный удар наших штурмовиков пришелся как раз по цели.

С опушки леса начала стрелять малокалиберная автоматическая зенитка. Один из "илов", немного довернув вправо, направил вниз огненную струю. Зенитка замолчала, и "летающие танки" продолжали крушить врага.

Солнце подходило к горизонту. Сквозь дым пожаров и разрывы снарядов наблюдать за воздухом стало трудно. И тем не менее ни один из "илов" не выпал из нашего поля зрения. Ведь в любой момент истребители должны были прийти им на помощь.

В эфире послышался чей-то голос:

- "Мессеры"!

Мы давно ждали их и, признаться, удивлялись, почему они не появляются. Сначала в дыму промелькнула пара "худых", затем вторая. Заметив, что "ильюшины" работают под прикрытием шестерки истребителей, "мессершмитты" не осмелились пойти в атаку.

- Последний заход, - послышалась команда ведущего.

Выход штурмовиков из атаки очень ответственный момент для сопровождающих. Находясь в кругу, "илы" надежно прикрывают друг друга. На выходе же они вытягиваются в цепочку. Особой опасности при этом подвергаются замыкающие и отставшие самолеты. Тут-то и нужен истребительный заслон.

"Ильюшины" закончили боевые действия и вытянулись в цепочку. Две машины из моей группы пошли впереди колонны, четыре - сзади. Последний "ил" начал заметно отставать. Покачиваясь с крыла на крыло, он едва тянул. Двигатель машины, видимо, был поврежден и работал с перебоями. Из патрубков периодически выбрасывались хлопья черного дыма. На запрос по радио экипаж почему-то не отвечал.

Я и мой ведомый подошли почти вплотную к штурмовику. И как раз вовремя: два "месса" бросились на него в атаку. Наш огонь заставил гитлеровцев отвернуть в сторону.

В наушниках послышался голос:

- "Мессершмитты" атакуют штурмовиков!

Затем еще одно предупреждение:

- Истребители противника!

Ведущий "ильюшиных" подал команду "В круг" и заложил левый вираж уже над своей территорией.

За ним последовали все ведомые. Они еще не замкнули круг, как сверху появилась четверка тупоносых. "Где же Павел?" - с тревогой подумал я.

Пара тупоносых, выбрав цель, медленно перевернулась через крыло и пошла в стремительное пикирование.

Казалось, "ильюшиным" грозила неминуемая беда. И вдруг с молниеносной быстротой тупоносых атаковали два советских истребителя. Огненная струя лизнула самолет ведомого. Вздрогнув, он закачался и пошел почти вертикально вниз - щевелевский почерк. Молодец, Павел!

А "мессершмитты" тем временем продолжали атаки штурмовиков, не давая им замкнуть круг. Двигатель моей машины работал на полную мощность, скорость максимальная, но мне казалось, что самолет очень медленно приближается к противнику, который вот-вот откроет огонь по одному из отставших "илов". Заметив опасность, летчик "ильюшина" резко заложил левый вираж, чтобы срезать маршрут, быстрее догнать впереди идущий самолет и замкнуть круг. За ним сразу же развернулся и "мессер", приготовившийся к стрельбе. Но тут фашист оказался в моем прицеле. Длинная трассирующая очередь по кабине - и "месс" рухнул вниз.

Кольцо штурмовиков замкнулось на высоте триста метров, но немецкие летчики, раздосадованные неудачами, продолжали кидаться на них со всех сторон. Однако это уже не представляло большой опасности для "илов". Вскоре, убедившись в бесплодности своих действий, вражеские истребители оставили арену боя. Подбитый штурмовик, дотянув до переднего края, приземлился на нашей территории. Остальные на бреющем полете в .сопровождении двух групп истребителей уже в наступивших сумерках вернулись на свой аэродром.

Я доложил Алексею Борисовичу, что задание выполнено и при этом сбито два самолета противника, один из которых - тупоносый.

- Где он упал? - спросил командир с нетерпением.

Павел и я показали на карте место падения, и майор немедленно сообщил об этом в штаб дивизии.

Положив трубку, командир полка встал и, улыбаясь, обнял Павла и меня.

- Вы представляете, какое дело сделали? Молодцы, ребята!

Механик моей машины Володя Мусатов нарисовал на фюзеляже двадцать шестую звезду.

Вечером в столовой было празднично. Новые скатерти отливали голубоватой белизной. Большие керосиновые лампы с пузатыми стеклами горели ярким пламенем. На столах вместо повседневной квашеной капусты были соленые помидоры и огурцы, нарезанное тонкими ломтиками сало и другие закуски. И графины, конечно, были. Но самое необычное, чему я удивился,- на бревенчатой стене висел лист картона с моей фотографией, вырезанной из газеты.

Еще ничего не понимая толком, я смущенно оглядывался на своих товарищей и командиров, среди которых были Панов, его заместитель по политчасти Горшков, комдив и Шумейко. "Уж если кого чествовать, - думал я, - так это Павла Шевелева. Он сегодня сбил новый фашистский самолет".

Пока мы усаживались за столы, принесли огромный торт с шоколадными цифрами "26 - 26" и датой "26.12.42".

- В твою честь, Николай, - шепнул мне Саша Масальский, адъютант командира полка. - Тебе сегодня двадцать шесть лет? В день своего рождения ты сбил двадцать шестой самолет противника. Отличное совпадение, не правда ли?

Ко мне подошел командир дивизии полковник Г. А. Иванов и, пристально глядя прищуренными, улыбающимися глазами, тепло поздравил.

По-отечески сердечно поздравил меня и Андрей Андреевич. Затем командир полка произнес тост. От волнения подкатился ком к горлу. Ребята дружно хлопали в ладоши, а я сидел и ничего не мог сказать моим боевым друзьям...

Ужин затянулся дольше обычного. Говорили об удачном бое Павла Шевелева с тупоносым истребителем противника, о Вадиме Лойко, Василии Добровольском и других опытных летчиках, о молодежи, которая прочно вошла в боевой строй.

После ужина долго не мог заснуть. Вспоминал душевные слова друзей, мысленно перечитывал поздравительное письмо Анны. Жила она теперь с сыном в далекой деревушке Пименовке, что километрах в тридцати западнее Кургана, работала в колхозе. Писала, что ни в чем не нуждается, живет хорошо. Так ли это? Трудно горожанке привыкнуть к заботам сельских тружеников, особенно в такое тяжелое время.

"В последний час" передавали о большом наступлении советских войск в районе Среднего Дона и юго-западнее Сталинграда. Скорее бы и здесь, на нашем участке фронта, повернуть врага вспять и гнать его, громить до полной победы.

Утром получили задание - основными силами прикрывать

наземные войска от ударов авиации противника; часть самолетов выделялась для сопровождения штурмовиков и вылета на разведку.

Наиболее сложное и трудное задание - сопровождение штурмовиков, так как истребители в этом случае связаны маневром и скоростью. "Илы", эти неутомимые воздушные труженики, обычно действуют на малых высотах. Они хорошо защищены от пуль и осколков снарядов. Истребители, сопровождая их, тоже вынуждены снижаться и уменьшать скорость. В этих условиях не защищенные броней машины легко поражаются не только осколками снарядов, но и пулями.

Следует сказать, что мы никогда не думали, какое задание легче. Летели туда, где требовалась помощь истребителей. Сегодня на разведку аэродромов противника уже второй раз ушли Василий Добровольский и его ведомый сержант Алексей Бородачев.

Очень разными по характеру были эти ребята. Василий - добродушный, жизнерадостный, Алексей - малоразговорчивый, застенчивый паренек. Несмотря на это, они были исключительно дружной, сработанной летной парой, понимали друг друга с полуслова, а в воздухе - по малейшему движению или маневру.

Время, отведенное для разведки; заканчивалось, и Алексей Борисович Панов все чаще посматривал то на часы, то на карту с нанесенной красным и синим цветом линией фронта. Командир нервничал. И не только потому, что надо было докладывать в штаб дивизии о результатах разведки. Он беспокоился о судьбе летчиков. Во вражеском тылу не исключена встреча с истребителями противника, объекты, представляющие интерес для разведки, как правило, бывают прикрыты сильным зенитным огнем. Успех разведывательного полета во многом зависит от опыта, умения и смекалки летчика. Однако при выполнении боевого задания всякое может случиться...

- На сколько у них осталось горючего? - спросил Панов одного из офицеров штаба.

- До полной выработки баков - минут пятнадцать, - ответил тот.

В воздух поднялась очередная группа истребителей и пошла на задание. Несколько самолетов возвратились с задания и теперь по одному заходили на посадку. С вышки, оборудованной на вековой сосне неподалеку от КП, наблюдатель доложил, что километрах в восемнадцати юго-западнее аэродрома идет бой.

- Масальский! - крикнул Алексей Борисович своему адъютанту и кивнул в сторону наблюдателя: - Уточни сам. - Штабному офицеру приказал: - Запросите по радио

Добровольского и предупредите, что в район боя высылаю четверку истребителей.

Саша Масальский сбросил куртку и в несколько мгновений вскарабкался на сосну. Взяв бинокль у наблюдателя, опытным глазом сразу определил: два советских истребителя на высоте около тысячи метров ведут бой с четверкой "мессеров". По всей вероятности, это были Василий Добровольский и Алексей Бородачев. На запросы по радио они почему-то не отвечали.

Все, кто не был занят боевой работой, поспешили на летное поле, откуда можно было наблюдать за поединком наших друзей с вражескими самолетами. Над аэродромом повисла тишина, только издали до нас доносился надрывный вой работающих двигателей, в который время от времени врывалась отчетливая дробь пулеметно-пушечных очередей. По классической технике пилотирования и четкой согласованности действий мы догадывались, что бой ведут Добровольский и Бородачев. Вскоре это предположение подтвердилось. Василий с присущим ему спокойствием доложил по радио:

- Задание выполнили! За нами увязалась четверка "мессеров". Ведем бой на подступах к аэродрому. Горючее на исходе.

Как хотелось помочь ребятам! Но что можно было сделать, находясь на земле? Только сочувствовать и страстно желать победы над неприятелем. Правда, мы крепко надеялись на четверку истребителей, которую послал командир полка на помощь разведчикам. Но она только начинала взлет парами.

Бой с каждой атакой приближался к аэродрому. Василий и Алексей, умело применяя маневр, называемый "ножницами", отбивали натиск фашистских истребителей и зорко обороняли друг друга.

А противник тем временем широко рассредоточился по фронту и начал одновременную атаку наших самолетов. Добровольский, заложив левый крен, развернулся в сторону своего ведомого против атакующей его пары "мессеров". Бородачев на фоне солнца временно потерял из виду вторую пару немецких истребителей и несколько запоздал с маневром - начал разворот, когда враг уже был в непосредственной близости от ведущего.

Все, кто наблюдали за боем с земли, с замиранием сердца следили за нашими истребителями.

- Эх, не успела наша четверка помочь ребятам, - с горечью вырвалось у кого-то из однополчан.

Огненная струя, как вспышка молнии, полоснула по фюзеляжу и левой плоскости ведущего самолета. А через несколько мгновений донесся звук длинной пушечной очереди,

напоминающий сильные и частые удары в большой барабан. Машина Василия вздрогнула, на какое-то мгновение замерла, затем медленно с левым разворотом, опустив нос и вращаясь вокруг продольной оси, пошла к земле.

Мы ждали, что Добровольский вот-вот выбросится с парашютом. Но его самолет, в последний раз сверкнув на солнце крыльями, скрылся за лесом. Над местом падения поднялся огромный столб клубящегося дыма. Потом послышался взрыв. Летчики, техники, все авиационные специалисты сняли шлемофоны и ушанки...

В небе остался Бородачев и четыре фашистских истребителя. Трудно сказать, чем бы кончился этот неравный бой, не подоспей к Алексею четверка наших самолетов. Заметив ее, гитлеровцы повернули на запад, а Алексей - в сторону своего аэродрома. По радио сержант доложил:

- Высота восемьсот, двигатель остановился, обеспечьте посадку.

Другие летчики, прибывшие с задания и тоже заходившие на посадку, ушли на второй круг. Едва перетянув верхушки деревьев, Бородачев мастерски приземлился. Выйдя из кабины, он доложил командиру полка:

- Боевое задание выполнено. На двух аэродромах обнаружено до пятидесяти самолетов, из них около двадцати бомбардировщиков Ю-88. Южнее Старой Руссы на высоте две тысячи метров нас атаковала пара "мессершмиттов". Потом с аэродрома взлетели еще несколько истребителей. Мы оттянули бой на восток. После очередной лобовой атаки ушли вниз и на фоне леса оторвались от противника. Около Демянска снова набрали высоту, пересекли линию фронта на большой скорости со снижением. И тут заметили, что сзади и ниже нас над самым лесом идут две пары "мессеров". Завязался бой. Остальное вы видели, - Бородачев опустил голову.

Алексей Борисович тяжело вздохнул.

Через полчаса на грузовой машине, крытой брезентом, группа специалистов отправилась к месту падения самолета. К удивлению участников поиска, никаких следов Василия Добровольского не было поблизости от обломков его самолета. Что с ним?

Спустя некоторое время Василий сам пришел в полк. Радости нашей не было конца. Оказывается, он выпрыгнул с парашютом над самым лесом и благодаря густым кронам деревьев остался жив.

- В рубашке родился, - улыбался летчик Громов, прибывший к нам в полк. Со мной подобное произошло на севере.

И лейтенант рассказал любопытную историю.

В одном ожесточенном бою его подбили. Горящий самолет вошел в штопор, лейтенант хотел выброситься с парашютом, но на беду заклинило фонарь кабины. Пришлось вырвать его вместе с замками и куском борта.

С большим трудом приподнявшись на сиденье, Громов дернул кольцо, и парашют вытащил его из кабины. Однако шелковый купол не успел как следует наполниться, и во время приземления Георгий сильно ударился. Хорошо, что высокие деревья и глубокий снег самортизировали удар. Взорвавшийся километрах в трех-четырех самолет разрушил у бывшего переднего края безымянную могилу, каких на фронте было немало.

Поисковая команда подобрала, как все были уверены, останки Громова и возвратилась в часть. Вскоре траурная процессия однополчан вслед за машиной, на которой возлежали венки и был установлен портрет Георгия, двинулась на кладбище.

А тем временем сквозь заросли леса, сильно прихрамывая на правую ногу, медленно пробирался человек. Он шел на северо-восток, ориентируясь по солнцу, по уходящим на запад и возвращающимся домой самолетам. Коричневая меховая куртка, брюки и унты были изодраны в клочья. Человек хотел есть, но зимний лес ничего не мог ему предложить. Человек хотел спать, но он боялся прилечь, потому что мог не проснуться в такой лютый мороз. И волки кругом - голодные, злые.

Тихо, безлюдно в лесу. Только шуршит под унтами слежавшийся снег. В висках стучит, кружится голова. Каждый новый шаг дается все труднее.

И вдруг справа впереди лес как будто поредел. В темной сплошной стене показался просвет. Проваливаясь по пояс в сугробы, человек заторопился. Но силы оставили его, и он упал вниз лицом. Немного передохнув, приподнял голову, чтобы осмотреться. Что это, галлюцинация? На поляне виднелось несколько полузанесенных снегом домиков. Над крышей одного из них поднимался еле заметный дымок.

- Люди... - глухо вырвалось из простуженной груди.

Больная нога распухла и стала тяжелой, будто налилась свинцом. Огромным усилием воли летчик заставил себя подняться, но тут же снова упал, подкошенный острой болью. Тогда человек пополз, оставляя за собой глубокий след.

Наконец он добрался до крайней избы. Постучать или открыть дверь он уже был не в силах. Плохо помнит, как оказался в избе. Старая женщина испуганно рассматривала оборванного, небритого человека с исцарапанными до крови руками. Это был

Громов.

Женщина наклонилась над ним:

- Сынок, что с тобой? Откуда ты?

- Свой... Тут рядом аэродром...

По-матерински погладила по голове, отогрела, накормила, напоила. Уснуть Георгию не давала больная нога. Он с трудом добрался к окну и случайно увидел похоронную процессию.

"Кого?" -сжалось в тревоге сердце. Громов кое-как выбрался на улицу. По дороге за автомобилем шли скорбные однополчане. На машине в траурной рамке Георгий увидел свой портрет...

- Ребята! - крикнул он страшным голосом. - Я живой! Живой!..

Передние ряды остановились и на какой-то миг замерли. Видя замешательство друзей, летчик снова повторил:

- Ребята! Это я, Георгий!

Он попытался сделать шаг вперед, но тут же упал на руки подбежавших товарищей...

Глава двенадцатая. От Белого до Черного

Давно уже мы не встречали Новый год в таком приподнятом настроении. Советское информационное бюро передало сообщение об итогах шестинедельного наступления наших войск в районе Сталинграда.

- Вы только подумайте, друзья, - говорил полковой инженер А. И. Филимонов, - всего за полтора месяца захвачено пятьсот сорок два вражеских самолета и тысяча двести сорок девять уничтожено. Это же по двенадцать машин в день!

Цифра была действительно внушительной. Мы выпили за победу, за родных и друзей, за воинскую удачу. Все были радостно возбуждены.

Первый день нового года принес известие об освобождении войсками Центрального фронта города Великие Луки, в район которого когда-то неоднократно вылетали на боевое задание и летчики нашего полка. Заместитель командира полка по политической части батальонный комиссар Алексей Федорович Горшков рассказал нам о том, что на всех фронтах - от Белого моря до Черного наши войска громят врага. Началось наступление Красной Армии на Дону и Северном Кавказе; усилилась боевая активность советских частей западнее Ржева, юго-западнее и северо-западнее Великих Лук; Ленинградский и Волховский фронты объединили усилия, направленные на прорыв блокады города Ленина.

Мы завидовали авиаторам 13-й и 14-й воздушных армий и Краснознаменного Балтийского флота, на которых было возложено авиационное обеспечение прорыва. Они подавляли

артиллерийские и минометные батареи противника, разрушали его опорные пункты, уничтожали вражеские самолеты на земле и в воздухе.

Массовый героизм советских воинов, дравшихся с врагом за освобождение города Ленина, широко пропагандировался. Отличились и многие авиаторы. Незабываемый подвиг совершил летчик старший лейтенант И. С. Пантелеев. При выполнении боевого задания его крылатая машина была подбита огнем фашистской батареи. На горящем самолете летчик-герой атаковал вражеские орудия и разбил их. В критическую минуту он нашел в себе мужество направить пылающий самолет в гущу автомашин неприятельской колонны.

- Он повторил подвиг капитана Гастелло, - со сдержанным волнением произнес сержант Бородачев.

Вскоре в полку состоялся торжественный митинг. И не только в полку митинги прошли во всех частях Красной Армии, по всей стране. Теперь всем стало ясно, что наступает переломный момент в борьбе на подступах к Ленинграду и что инициативу военных действий здесь берут в свои руки советские войска.

Летчики и техники, все авиационные специалисты с чувством глубокого удовлетворения восприняли Указы Президиума Верховного Совета СССР об утверждении нового образца Красного знамени для воинских частей Красной Армии, о введении новых знаков различия - погон, а также об учреждении медалей за оборону городов Ленинград, Одесса, Севастополь и Сталинград.

В эти дни, дни всеобщего патриотического подъема, многие молодые однополчане подавали заявления с просьбой принять их в комсомол, а те, кто уже прошел эту замечательную школу и прошел боевое испытание, просили принять их в партию. Коммунисты оказали доверие и сержанту Алексею Павловичу Бородачеву. Получая партийный билет, он поклялся:

- Буду бить фашистов, не щадя своей жизни!

Заместитель командира дивизии по политчасти А. А. Шумейко, офицеры, сержанты и рядовые тепло поздравили Алексея, пожелали ему больших ратных успехов.

Став коммунистом, А. П. Бородачев почувствовал прилив новых сил, отлично выполнял все боевые задания командования, не раз выходил победителем в воздушных схватках с врагом. Его примеру следовали другие сержанты.

Авиация противника на нашем участке фронта стала все больше активизироваться. Те тупоносые истребители, один из которых был недавно нами сбит, назывались "Фокке-Вульф-190". В противоположность "мессершмиттам", которые лишь в исключительных случаях предпринимали лобовые атаки, эти

самолеты чаще шли на такой маневр. Дело в том, что мотор водяного охлаждения на "мессере" был сильно уязвим и имел недостаточную площадь поперечного сечения, чтобы надежно защитить летчика. ФВ-190 имел звездообразный мотор воздушного охлаждения с большой площадью поперечного сечения и надежно прикрывал кабину летчика от огня противника с передней полусферы.

Однажды шестерка истребителей Павла Шевелева получила задание сопровождать восемь штурмовиков для нанесения удара по артиллерийским позициям противника в район южнее станции Пола, что между реками Ловать и Полометь. Не доходя пятнадцать - двадцать километров до цели, наши летчики встретили смешанную группу "мессеров" и "фоккеров". Истребители противника намеревались частью сил отсечь ребят Шевелева от "илов", связать их боем, а остальными силами расправиться со штурмовиками. Яростные атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Наши летчики успевали только отбиваться, так как вступить с ними в активный бой значило оставить "ильюшиных" и не выполнить основную задачу.

С большим трудом, сквозь сильный заслон вражеских истребителей и зенитного огня, летчики пробились к цели. Бомбы удалось сбросить с первого захода, а со штурмовкой не ладилось. Непрерывно наседая, навязывая подчас лобовые атаки даже штурмовикам, у которых мощная броня и пушечное вооружение впереди, тупоносые сковывали действия "илов".

Нахальное поведение "фоккеров" вынудило ведущего группы штурмовиков применить контрмеры. Когда во время ввода "ила" в пикирование один из "фоккеров" кинулся на него в лобовую, командир экипажа спокойно приподнял машину вверх и ударил по атакующему из всех огневых точек с дистанции метров триста - четыреста. Тупоносый развалился в воздухе на части, а лидирующий "ильюшин" снова вошел в пикирование и начал ожесточенно поливать огнем артиллерийские установки противника.

Однако этот урок не остановил немцев. Имея численное превосходство, они продолжали наседать. Штурмовики, сделав два захода, повернули на север, чтобы идти на свою территорию. Фашистские воздушные пираты неистовствовали. Это были, пожалуй, самые тяжелые условия, в которые попадали истребители нашего полка. Развернувшись, ФВ-190 снова пошли в лобовую на истребителей, а "мессеры" тем временем готовились к атаке штурмовиков сзади.

Против Шевелева оказался первый, видимо ведущий, "фокке-вульф" и открыл огонь с дистанции метров восемьсот. Павел

подпустил его поближе и нажал на гашетку. Огненная дуэль продолжалась до дистанции сто пятьдесят метров. Наконец противник, чтобы избежать столкновения, выхватил машину вверх. Преследовать его не было возможности - штурмовикам грозила опасность.

Отбив атаку тупоносых, наши летчики обрушили огонь на "мессеров", подкравшихся к "илам" сзади.

Во время резкого разворота ведомый Шевелева младший лейтенант Забелин отстал и теперь пытался догнать Павла. Тем временем тупоносые, быстро развернувшись, уже неслись сверху на штурмовиков. Необходимо бросить машину вверх, чтобы преградить им путь. Но что такое? Самолет как бы не слушается Шевелева. Двигатель не тянет, хотя воздушный винт вращается. Скорость падает. Маслом фонарь забрызгало. Павел попытался развернуть машину против "фоккеров", увеличить скорость, но в этот момент раздался какой-то треск, и летчик почувствовал сильный ожог в правом бедре. Над головой промелькнули черные кресты на желтых плоскостях "мессера". Машина стала неуправляемой.

Ведомый Шевелева открыл огонь по неприятелю, но дистанция оказалась слишком большой. Павел выбросился с парашютом. Чтобы не допустить нападения воздушных пиратов, Забелин кружил над своим ведущим, и все же два "мессершмитта" ринулись на парашютиста, соблазнившись легкой добычей. Сражаясь с ними, Забелин доложил по радио обстановку. Тотчас же на помощь ему подоспела пара истребителей во главе с лейтенантом Владимиром Елисеевым. Командир группы приземлился. Ребята облегченно вздохнули - они выполнили свой долг. Недаром же говорится:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить - большая заслуга,
Но друга спасти - это высшая честь.

Что же произошло с Павлом Федоровичем Шевелевым? Вот что мы узнали позже.

Во время боя наших ребят с немецкими летчиками купол шевелевского парашюта все же оказался пробитым. Скорость снижения увеличилась. Но высота была уже небольшая, и Павел думал только об одном - приготовить оружие и в случае необходимости встретить врага на земле как положено.

Достал пистолет, взвел курок и, окинув взглядом площадку, на которую парашютировал, заметил людей в белых халатах. "Свои или фашисты?" - тревожно подумал он и тут же ударился о землю.

Очнулся от боли во всем теле. Его куда-то волокли. Не открывая глаз, чтобы не подавать признаков жизни, он прислушался. Незнакомая речь. Первая мысль - о пистолете. Его не оказалось в руке - либо отобрали, либо выронил сам. Теперь единственная надежда на финский нож. Незаметным движением нащупал его в кармане комбинезона. "Живым не сдамся, и если сам погибну, то и гитлеровцам не поздоровится", - решил Шевелев.

Время от времени сквозь сильный звон в голове прорывались глухие взрывы. Значит, рядом линия фронта. Конвоиры, вероятно, устали тащить Павла на куске брезента и остановились передохнуть. Из-под прищуренных век летчик увидел двоих. Попыхивая самокрутками, они сидели возле него и о чем-то говорили. Затем один из них достал из-за голенища большой охотничий нож и разжал стиснутые зубы Павла. Другой, отцепив от пояса флягу, влил в рот немного спирту. Все обожгло внутри, но Павел не обмолвился ни словом. Кто эти люди? Если жизнь Павла нужна им, чтобы допросить его и попытаться склонить к измене Родине, то не стоит ожидать дальнейших событий - в самый раз браться за финку. Ну а если это не враги?

Один из незнакомцев откинул капюшон и поправил шапку. Шевелев заметил на ней звездочку. "Свои!" - радостно заколотилось сердце. И тут же сомнение: "А почему они говорят не по-русски?"

Конвоиры заметили на лице Павла слабый румянец от глотка спирта и заулыбались, начали задавать ему вопросы. Но летчик не мог разобрать ни одного слова. И тогда они снова потащили его на брезенте.

Спустя некоторое время Шевелев оказался в землянке. К нему подошел бородатый человек в меховом жилете поверх гимнастерки.

- Здравствуйте, дорогой наш гость! - сказал он на чистом русском языке. Вы у товарищей, не волнуйтесь. Мы видели воздушный бой. Отлично деретесь, молодец! А немецкая артиллерия молчит. Видимо, крепко ударили по ней.

Только теперь Павел убедился, что находится у своих. Собравшись с силами, спросил:

- Кто же вы будете? Бородач, улыбаясь, ответил:

- Мы ваши друзья. Здесь латышский корпус. Меня зовут Янисом. Спасибо за помощь, товарищ летчик. - И бородач протянул летчику свою крепкую руку.

- Это вам спасибо, - поблагодарил он латышского друга.

По просьбе Шевелева тот рассказал, что произошло в районе приземления:

- Вчера мы прорвали оборону противника и вклинились в его расположение. Дальнейшее продвижение остановил сильный артиллерийский и минометный огонь. Пришлось залечь. Хорошо, что командование послало на помощь самолеты. После боя вы оказались на нейтральной полосе. Потеряли сознание. Немцы пытались захватить вас, но наши отбили. Вот, пожалуй, и все. Сейчас мы отправим вас в медсанбат, а затем на аэродром. Как вы себя чувствуете?

Шевелев ответил. Бородач распорядился, чтобы его накормили. Но после всех треволнений есть не хотелось. Он выпил горячего чая, затем его заботливо уложили в сани и повезли. На третий день Павел уже был в лазарете своего полка...

Поправился Шевелев довольно быстро. И может быть, не только благодаря заботам начальника лазарета Зинаиды Ивановны Ивановой. Каждый день его навещали однополчане, по-дружески беседовали, рассказывали об успехах полка, о новостях фронтовой жизни.

Павел получал теплые письма от летчиков, которые были переведены в другие части. Прислал записку и Иван Грачев. Он приглашал Шевелева и меня в гости, на день своего рождения. Однако побывать у Грачева, в 28-м гвардейском истребительном авиаполку, нам не пришлось - не позволила напряженная обстановка.

Дело в том, что активность наших войск на северо-западном участке фронта значительно повысилась. Началось наступление на демянский плацдарм, где были сосредоточены большие силы противника (как теперь стало известно, двенадцать дивизий).

Захватив наиболее выгодные высотки и холмы, господствующие над болотами и топями, гитлеровцы в течение многих месяцев укрепляли оборонительные сооружения. Одна из таких высот, по которой проходила единственная проселочная дорога, была особенно насыщена огневыми средствами. Каждый квадратный метр прилегающей местности простреливался артиллерийским, минометным, пулеметным и ружейным огнем. Советское командование приняло решение взять эту ключевую высоту штурмом наземных войск при поддержке авиации с воздуха. Для этой цели была выделена группа штурмовиков под прикрытием восьмерки истребителей во главе с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Н. М. Головковым.

К цели шли ранним утром на низкой высоте. Солнце еще не взошло, когда самолеты достигли заданного района и приступили к боевой работе. Было хорошо видно, как, бросая оружие и технику, в панике разбегались гитлеровцы. И тотчас же поднялись цепи советских войск и устремились к высоте.

Встречный огонь из уцелевших бетонных укрытий был настолько сильным, что атака нашей пехоты могла вот-вот захлебнуться. Нужно было во что бы то ни стало подавить вражеские пулеметы. И летчики сделали второй заход.

Тем временем с юго-запада показались две четверки вражеских истребителей. Чтобы обеспечить атаку штурмовиков, Василий Добровольский вместе со своими тремя ведомыми бросился на "мессершмиттов". Схватка была короткой, но жестокой. Рухнули вниз два фашиста. Загорелся самолет сержанта Бородачева. Алексей доложил Добровольскому:

- Сбил одного "худого". Моя машина тоже горит. Высота восемьдесят метров. Сбить пламя и потушить пожар не удается.

Это была первая за утро радиопередача: чтобы не привлекать внимание противника, летчики не вступали в радиосвязь.

Алеша мастерски выполнил с набором высоты переворот через крыло, перевел самолет в крутое пикирование и почти отвесно направил его в центр зловещей высоты - ключевой позиции фашистов.

- Прощайте, дорогие товарищи! - в последний раз услышали однополчане твердый, решительный голос сержанта.

Секунды - и пылающая боевая машина со страшной скоростью врезалась в железобетонное укрепление врага. В утреннее небо вместе с трупами гитлеровцев взлетели груды бетона и исковерканного металла. Советские бойцы встали во весь рост и сняли головные уборы, прощаясь с неизвестным рыцарем неба.

Молодой коммунист, в котором ленинский комсомол воспитал любовь к своему народу и жестокую ненависть к врагу, самой дорогой ценой спас жизнь многих людей.

Огневые точки гитлеровцев замолчали. Оставшиеся вражеские самолеты уходили на запад. Наши войска бросились в атаку, сломили сопротивление ошеломленного противника и стали успешно развивать дальнейшее наступление.

Выполнив поставленную задачу, группа штурмовиков в сопровождении семи истребителей сделала два прощальных круга над местом героической гибели Алексея Павловича Бородачева и взяла курс на родной аэродром...

Наутро все боевые машины эскадрильи, где служил отважный сержант, повторивший подвиг капитана Н. Ф. Гастелло, пошли на задание. На фюзеляжах самолетов алели надписи: "За родную партию!", "За наш народ!", "За Советскую Родину!". Летчики с ожесточением били фашистов в воздухе; словно автогеном, длинными очередями кромсали их самолеты.

В тот же день на направлении главного удара наших

наземных войск было обнаружено скопление большого количества танков, артиллерии и войск противника. Штурмовики в сопровождении истребителей произвели мощный налет на эту группировку и полностью разгромили ее.

Следует заметить, что бомбардировочной авиации на Северо-Западном фронте было недостаточно и основную тяжесть боевых действий несли на себе "ильюшины". Под прикрытием истребителей эти неутомимые труженики войны почти непрерывно в течение всего светлого времени шли и шли к линии фронта. Лишь ночью делали перерыв, уступая пальму первенства легким бомбардировщикам типа По-2.

Было еще темно, когда мы прибыли на аэродром. Тридцатиградусный мороз обжигал лицо, стеснял дыхание.

- До рассвета еще далеко, идемте ко мне, товарищи, - пригласил летчиков командир полка. - Поговорим о боевом задании на сегодняшний день.

В землянке было тепло. "Буржуйка", накаленная докрасна, весело погудывала. Мы расположились вокруг стола, за которым сидели Алексей Борисович Панов и начальник штаба полка Иван Васильевич Бойченко. Командир окинул взглядом собравшихся и начал деловой разговор:

- С рассветом четверки Кузнецова и Головкова должны быть готовы к вылету на сопровождение штурмовиков. "Илы" будут действовать по живой силе и технике противника вот в этом районе, - острием карандаша он показал на карте железнодорожную станцию Лычково. - С сегодняшнего дня будет работать радиостанция наведения. Ее позывной "Ольха". Перед выполнением задания всем установить с нею связь, по окончании работы тоже необходимо доложить. В резерве будет группа Лойко. Иван Васильевич, уточните линию фронта.

Майор Бойченко, называя пункты, по которым проходила линия фронта, подчеркивал слова "включительно", "исключительно". Слушая начальника штаба, мы следили по своим картам за передовой. Каждый из нас был искренне рад, если какой-либо населенный пункт вчера был "исключительно", а сегодня "включительно". Значит, он снова стал нашим, советским.

После Бойченко подполковник сообщил последние данные о противнике и спросил:

- Все ли всем ясно? Какие есть вопросы?

Молчание.

- Все ли здоровы?

- Больных нет!

- Коли так, прошу, товарищи офицеры, в столовую,- сказал Алексей Борисович.

После завтрака ребята устроили перекур.

- Угости, Николай, папиросами, - попросил меня Вадим Лойко. - Махорка для трубки крепковата.

Накануне я получил подарок из политотдела дивизии. В посылке были печенье, сахар, папиросы и красивый металлический портсигар. На внутренней стороне его крышки были выгравированы теплые слова: "Закури и вспомни о тех, кто трудится в тылу".

Сам я не курил, но когда угощал друзей, всегда перечитывал эту фразу и думал о тех, кто во имя победы неустанно работал, обеспечивая фронт всем необходимым.

Попыхивая трубкой, Вадим спросил меня о родных. Мать и отец находились по-прежнему в Ленинграде, жена и сын - под далеким Курганом. Как живут? Конечно же, трудно. Но есть люди, которым еще тяжелее, родителям Павла Шевелева, например, на Полтавщине, где лютуют фашисты.

- Да, брат, "новый порядок" гитлеровцев - каторга для людей. И чем быстрее мы пойдем на запад, тем скорее освободим народ от ига чужеземцев. - Вадим до хруста сжал трубку в руке.

Яркий, ослепительный свет ракеты, внезапно озаривший небосклон, лес, землянки и стоянки машин, прервал разговор. Мы поняли, что это сигнал для непредусмотренного вылета по тревоге, и побежали к самолетам. Механик Владимир Мусатов, обслуживавший мой истребитель, доложил, что материальная часть подготовлена к полету, и помог мне надеть парашют. Я уже приготовился к запуску двигателя, но из штаба передали: головковской и моей четверкам оставаться в готовности номер один.

Вскоре ко мне подошел майор Бойченко и сказал, что на одном из участков фронта противник вклинился в нашу оборону. К месту прорыва подтягивается подкрепление - немецкие стрелковые части, танки и артиллерия.

- Сейчас придут штурмовики, - продолжал начальник штаба. - Вашей группе командир приказал обеспечить их сопровождение и боевую работу в районе прорыва. Сопровождать будете восьмеркой, старший - комэск Головков. "Илы" будут действовать эшелонирование, восьмерками, с интервалом десять двенадцать минут. Следующую группу "ильюшиных" сопровождает Шевелев. После выполнения задания Головков сопровождает штурмовиков домой, а вы со своей четверкой остаетесь прикрывать войска до подхода следующей группы "илов". Затем, с разрешения станции наведения "Ольха", следуете на свой аэродром.

- Задание понял, - ответил я Ивану Васильевичу и стал наносить обстановку на полетную карту.

Через минуту истребители поднялись в небо, пристроились к штурмовикам и взяли курс в заданный район.

"Илы" шли попарно, образуя клин из двух четверок. Я связался по радио с ведущим всей группы и Николаем Матвеевичем Головковым, затем установил связь с "Ольхой". Спустя некоторое время станция наведения сообщила, что над целью патрулирует четверка "мессершмиттов".

- Вам действовать по основному варианту, - уточнили с земли.

Впереди слева угадывался передний край. Что-то горело. Столб клубящегося дыма медленно поднимался вверх и был хорошо виден на фоне снежного покрова. Среди леса просматривалось озеро Вершинское. Сверху оно похоже на аэродром, и неопытные летчики иногда пытались приземляться на нем. Для нас же оно просто было неплохим ориентиром. А вот и линия фронта, идущая почти параллельно железной дороге Старая Русса - Валдай.

Штурмовики развернулись строго на юг. Я и мои ведомые набрали высоту около двух тысяч метров и рассредоточились парами по фронту, обеспечивая свободу маневра. Группа Головкова сделала то же самое.

Столб дыма, видневшийся издали, вырисовывался отчетливее. Это, по всей вероятности, горел склад горючего. По снегу к нему, словно растопыренные пальцы, тянулись бело-серые прямоугольники танков и автомашин. "Мессершмиттов", о которых нас предупредила "Ольха", пока не было видно.

Пройдя еще несколько секунд на юг, ведущий "ильюшиных" покачал с крыла на крыло, заложил левый крен и пошел вниз, на вражескую колонну машин. За ним последовали ведомые. Чтобы обеспечить выход "илов" из атаки, два истребителя во главе с Головковым пошли за лидером вниз. Пара Владимира Елисеева осталась на прежней высоте, обеспечивая ввод штурмовиков в пикирование.

В безоблачном небе появлялись разрывы; похожие на белые бутоны хлопка. Это начали вести огонь малокалиберные автоматические зенитки. Но летчики не прерывали боевую работу. Бомбы, сброшенные "илами", точно попали в цель.

- Хорошо! - послышался по радиоголос командарма.

Значит, генерал Ф. П. Полынин где-то неподалеку на НП и внимательно следит за нашей работой. Вдруг голос Федора Петровича изменился, летчики уловили в нем нотки тревоги:

- Внимание! С севера "мессеры"!

И действительно, четверка вражеских истребителей появилась у замыкающей пары "илов". Василий Добровольский и

его ведомый бросились на них в лобовую. Внезапная атака на штурмовиков была отбита.

Бой разгорался. Головков подал команду лейтенанту Елисееву и его напарнику:

- Вниз!

Летчики обрушились на противника. Владимир длинной очередью отрезал крыло "мессера", который нацеливался на одного из штурмовиков. А "илы", находясь под надежной защитой истребителей, громили фашистскую колонну машин, подавляли артиллерию, поливали огнем живую силу врага.

В эфире снова прозвучал знакомый голос командующего 6-й воздушной армией:

- Внимание! С юго-востока приближается группа истребителей. Свяжите их боем. Обеспечьте работу "горбатых"!

Головков тут же приказал мне:

- "Двадцать пятому" связать боем подходящего противника.

Я со своим ведомым Михаилом Галдобиным вышел из боя и устремился вверх. Осмотрелся. Противника не было. Стало быть, надо искать его. Пройдя минуты две курсом на восток и набрав высоту три с половиной тысячи метров, развернулся на юг. Вдалеке угадывался аэродром противника, откуда, по моим предположениям, должны следовать истребители.

В наушниках слышался ритм боя, четкие и спокойные команды. Вот чей-то голос: "Фоккеры". "Фоккеры" сзади". И тут же другой: "Бить их надо!"

"Видимо, откуда-то внезапно появились тупоносые. Неужели я не заметил их?" От этой мысли больно защемило сердце. И вдруг радостный, взволнованный возглас: "Горит! Смотрите, горит!" По всей вероятности, ликовал кто-то из молодых летчиков. Небольшая пауза. И снова чей-то басок: "Разворачивай! "Фоккер" в хвосте. Так. Атакуем!"

Туго ребятам приходится. Вот опять сигнал об опасности. Затем наставительное: "Не давай гаду уходить! Добей его!"

Я представлял сложную картину боя. Очень хотелось быть вместе с товарищами, помочь им, но приказ есть приказ, его надо выполнять. Командующий знает обстановку лучше, чем кто-либо из нас. Едва успел подумать об этом, как метров на пятьсот ниже заметил пару "мессершмиттов", которые шли с набором высоты туда, где дрались наши летчики.

Кроме этих "мессершмиттов" где-нибудь поблизости могли быть еще вражеские самолеты. Поэтому я стал внимательно осматривать воздушное пространство. От яркого солнца слезились глаза. Пришлось приложить руку козырьком, пристально всматриваясь в безбрежные просторы безоблачного

неба. Других самолетов пока не было, а та пара, что шла к району боя, не видела нас и все внимание устремила вперед.

Предупредив лейтенанта Галдобина покачиванием с крыла на крыло, что означало: "Внимание!", и маскируясь яркими лучами солнца, я пошел в атаку. За мной неотступно следовал Михаил. Напарник ведущего "месса" немного отстал, и каждую секунду его силуэт все больше заполнял светящееся кольцо моего прицела. Дистанция двести пятьдесят метров. Двести, Еще ближе. Перекрестие прицела лежит на кабине противника.

Немецкий летчик, видимо, ничего не подозревает. Нажимаю на общую гашетку и все огневые точки включились в работу. Длинная очередь прошила фюзеляж, кабину и плоскости фашистского самолета. Беспомощно закувыркавшись, он пошел к земле.

Увлекшись атакой, я выскочил вперед и оказался метрах в двадцати справа от ведущего "мессершмитта". Правее меня шел Галдобин. На какое-то мгновение все три машины оказались в едином строю - в правом пеленге. По недоумевающему, испуганному лицу неприятельского летчика можно было понять, что он не разобрался в создавшейся обстановке. Откуда появились советские самолеты? Что предпринять?

В затруднительном положении оказался и я. Вырваться вперед, - значит, подставить себя под огонь противника, довернуть влево нельзя: трудно маневрировать на таком интервале от немца. "Хотя бы Михаил немного отстал и ударил по нему", - подумал я.

И вдруг послышался голос Галдобина:

- Слева, выше, четверка "мессеров".

Посмотрев вверх, я увидел их. Они шли попарно на удалении трех - пяти километров, с превышением над нами метров восемьсот. В лучах солнца мы были не видны для них, но гитлеровец, который летел рядом со мною и Михаилом Галдобиным, вероятно, сообщил о своем бедственном положении, и четверка "мессершмиттов" скользнула вниз с доворотом. Когда первая пара приблизилась к нам примерно на километр, конвоируемый нами летчик резко рванул свой самолет вверх, к атакующим. Мы поспешили за ним и оказались на встречных курсах с четверкой "худых". Не приняв лобовой, немцы круто взмыли.

Во время атаки мы снова набрали высоту около трех с половиной тысяч метров, но скорость при этом потеряли. Развернувшись сразу же за неприятелем, со снижением начали набирать скорость. Завязался неравный бой. Мы дрались вдвоем против пятерых, не пуская противника к району работы

"ильюшиных". В ходе схватки я едва выбрал момент, чтобы доложить Головкову по радио о сложившейся ситуации.

Должен сказать, что лейтенант Галдобин отлично понимал: если фашистам удастся нас разъединить, им легче будет одержать победу над нами. И Михаил держался рядом со мной, искусно выполняя самые сложные маневры. Пожалуй, он даже немного горячился, и мне порой приходилось сдерживать его:

- Спокойно, Миша!

Отбив несколько ожесточенных атак вражеских истребителей, мы услышали доклад ведущего группы штурмовиков:

- Работу закончили, выходим!

"Ну вот и хорошо, - глубоко вздохнув, подумал я. - Теперь надо тянуть домой". У гитлеровцев, однако, были другие намерения. Разделившись на две группы (три самолета и пара), они начали одновременно атаковать нас спереди и сзади. Отбивая их наскоки, мы стремились приблизиться к линии фронта. Там-то наши ребята помогут. Противник, по-видимому, разгадал наш замысел и стал наседать еще более настойчиво.

Отбив очередную лобовую, мы разворачивались на обратный курс и огнем встречали "мессов", атакующих сзади. Так повторялось уже несколько раз. И вот тройка снова устремилась на нас спереди. Один из самолетов опередил другие метров на четыреста. Заметив этот разрыв, мы с Галдобиным немедленно атаковали гитлеровца. Два его напарника стремительно шли вслед за ним, а еще одна пара "мессов" сидела у нас, как говорят, в хвосте.

Исход решали считанные секунды. Вот уже передний немец в моем прицеле. Огонь! Противник открыл ответный огонь и молнией проскользнул над самой кабиной моей машины. Через полторы-две секунды - неизбежное столкновение с двумя "худыми". Нервы напряжены до предела. А у них? Неужели у врага выдержка крепче? Оказывается, нет: не приняв атаки, они с дистанции метров триста пятьдесят взмыли вверх.

Я резко развернул машину на обратный курс через левое крыло. Михаила не было рядом. Что бы это означало? Вероятно, опасаясь губительной атаки сзади идущей пары "мессершмиттов", он развернулся в то время, когда над моей кабиной проскользнул немец, с которым мы шли в лобовую. Да, так оно и было. Галдобин, пытаясь отбить атаку противника с задней полусферы, сам попал под огонь другой пары, проскочившей выше меня.

Сначала самолет Михаила взмыл вверх, пытаясь оторваться от "худых" после их атаки. Затем он потерял скорость и, опустив нос, беспорядочно закувыркался к земле. Помочь ему я уже ничем не мог, слишком далеко находился от него. По сердцу полоснула

тревога: "Жив ли? Почему не выбрасывается с парашютом?"

А гитлеровцы, считая, что с моим ведомым покончено, кинулись на меня. Пятеро против одного. Отбиваясь от бешеных наскоков "мессов", я заметил, что Михаилу все-таки удалось выпрыгнуть. Он умышленно совершил затяжной прыжок, иначе фашисты расстреляли бы его в воздухе. На душе стало легче: лейтенант Галдобин жив!

Двигатель, работавший длительное время на полной мощности, перегрелся. Стрелки приборов подошли к красным рискам, но сбавлять обороты нельзя - бой еще не окончен. Из-под капота мотора выбивало масло. Забрызганное остекление фонаря ухудшило обзор. Чтобы улучшить видимость, я открыл фонарь кабины. Скорость немного уменьшилась, зато видимость намного улучшилась.

Итак, один против пятерых. Надо оттягивать бой в сторону линии фронта. Однако немцы сразу же преградили путь огнем, намереваясь взять в клещи, чтобы увести под конвоем и посадить на свой аэродром. Разгадав их замысел, я бросил машину на пару "мессеров", пытавшуюся подойти ко мне на параллельном курсе. Сколько осталось до линии фронта? Пожалуй, километров двенадцать. Вон она, заветная белая полоска, уже видна вдоль железной дороги Старая Русса - станция Лычково. Да, видна, но как туда добраться?

Противник возобновил атаки с передней и задней полусфер. Снова иду в лобовую с едва заметным скольжением вправо. Огненная трасса проходит в нескольких сантиметрах от конца крыла. Беру поправку на этот снос и бью по "мессершмитту". Прицельный огонь вести трудно, и все же вражеский самолет пошел вниз. Однако через некоторое время он взмыл вверх и ушел в сторону. Значит, просто имитировал падение.

До линии фронта километров восемь. Разъяренные неудачей, гитлеровцы снова атакуют в лоб. Я прильнул глазами к прицелу, в котором каждый миг увеличивался силуэт одного из "мессов". Сейчас будет дистанция действительного огня. И вдруг... страшный удар по левой стороне груди, словно тяжелым кузнечным молотом. Меня отбросило назад, к бронеспинке. А перед глазами промелькнула желто-серая масса с черными крестами. Это сверху пикировал тот самый "мессершмитт", который имитировал падение и выход из боя.

Молниеносно сработала мысль: "Пока не потерял сознание, надо прыгать с парашютом". Правой рукой отстегнул привязные ремни. Левая не повиновалась, висела, как плеть, между сиденьем и бортом, хотя особой боли не чувствовалось. Самолет, резко сбавив скорость, продолжал полет с небольшим снижением в

прежнем направлении. Противник на какой-то момент оказался в стороне, и я подумал: "Надо прыгать. Немедленно". Но куда? Под крылом занятая врагом земля...

Кружится голова. По груди растекается что-то вязкое, теплое. В глазах желтые круги. "Только бы не потерять сознание..." До крови закусил губу. "Нет, прыгать нельзя. Надо тянуть домой. Во что бы то ни стало - на родную землю!"

Фашистские самолеты держатся в стороне. Летчики, вероятно, ожидают последствия удара сверху. Попробовал рули управления. Работают. Но почему не слышно мотора? Воздушный винт вращается лениво, подобно крыльям ветряной мельницы, не создавая никакой тяги. Зажав ручку управления коленями, наклоняюсь влево и здоровой рукой посылаю сектор газа вперед. Обороты не прибавились, не последовало привычного резкого рывка вперед.

Из-под капота мелькнули языки пламени.. Пожар. Это самое страшное, что могло произойти. В довершение всего, видимо, повреждена радиоаппаратура. Я убрал сектор газа, языки пламени немного уменьшились.

Гитлеровцам, вероятно, надоело ждать развязки, и они решили добить свою жертву. Два "мессершмитта" со свистом пронеслись над самой головой. С трудом оглянувшись, увидел, как другая пара "мессов" заходит для атаки сзади. "Что же главное? Уйти из-под удара или потушить пожар? Кажется, и то и другое".

Резким скольжением вправо пытаюсь сбить пламя и одновременно уклоняюсь от огня "мессов".

Бросаю машину то в одну, то в другую сторону, однако сбить пламя скольжением не удается: открытый фонарь создает подсос воздуха и завихрение. Удушливый, едкий дым проникает в кабину. Огонь вырывается из-под приборной доски и обжигает лицо. Пришлось захлопнуть фонарь. Но тут другая беда. Кабина моментально наполнилась дымом. Стало трудно дышать.

Израненный самолет, превратившись в пылающий костер, летел по наклонной к земле. Маневрируя, думаю: "Только бы пламя не добралось до бензобаков и не перегорело управление". Секунды кажутся вечностью. А "худые" все наседают. В запасе у меня оставалось достаточное количество боеприпасов на все шесть крупнокалиберных пулеметов. Но вот беда - двигатель не работает... Теперь мое оружие - искусство маневрирования и воля к жизни.

Внизу на темном фоне запорошенного леса различается заветная ленточка железной дороги, по которой проходит линия фронта. Еще бы немного продержаться, совсем немного. Высота

чуть более полукилометра. Самолет все быстрее приближается к земле. "Мессы" снова заходят, но теперь уже спереди, сверху. Чтобы увеличить скорость, отжимаю ручку управления, увеличиваю угол планирования, затем резким движением правой руки выхватываю машину вверх, навстречу атакующим фашистам. Вот она, моя последняя очередь. Получайте, гады! Пройдя через стену моего заградительного огня, один фашистский самолет стремительно пошел вниз, второй на пикировании отвернул в сторону и уходит прочь. Они никак не ожидали такой дерзости от пылающего советского истребителя.

Линий фронта позади. Оставшаяся четверка "мессершмиттов" прекратила атаки. Теперь - приземлиться на первой подходящей поляне. Из-за потери крови, бушующего пламени и едкого дыма плохо вижу приборы. Внизу мелькают белые и темные пятна. Понимаю, что надо гасить скорость. Но самолет, как назло, несется еще очень быстро; не выпускаю ни шасси, ни закрылки. Соображаю, что они могут быть повреждены.

Впереди показалась белая поляна. Чтобы лучше видеть, я открыл фонарь. Вместе со свежим воздухом в кабину ворвался огонь. Снова начало жечь лицо, руки. От мехового воротника и унтов запахло паленым. Высотомер показывает отрицательную высоту, а земли все нет. Видимо, эта местность ниже уровня аэродрома, на котором перед вылетом стрелка высотомера была установлена на нуль.

Совсем рядом промелькнул темный кустарник. Жду, когда машина коснется фюзеляжем снежного наста. И вдруг - внезапный удар. Мгновенное торможение. Меня выбрасывает из кабины. Снова удар. Больше я ничего не помню.

Глава тринадцатая. Время больших надежд

Очнулся. В глазах сильная резь. Что-то холодное касается лица. Открыл глаза, но ничего не увидел - передо мной сплошное белое пятно. "Неужели потерял зрение?" Потом догадался, что лежу в глубоком снегу.

Осторожно пошевелил ногами: сначала одной, потом другой - действуют. Пошевелил правой рукой - тоже все нормально. Левая лежала безжизненной плетью. Осторожно перевернулся на спину и увидел над головой ослепительно яркое голубое небо, залитое лучами солнца.

Прислушался. Справа доносилась отдаленная артиллерийская канонада. Значит, я упал далеко от железной дороги, по которой проходила линия фронта, и меня могут долго не найти свои. Придется выбираться самому. С трудом освободился от парашюта и встал. Снег до пояса. Крепчайший мороз и штиль. Кругом белая равнина, слепящая глаза. Кое-где

виднеется редкий низкорослый кустарник. Вдали - лес. Метрах в семидесяти языки пламени лижут мотор моего самолета. С минуты на минуту может произойти взрыв - пламя подбирается к бензобакам. И все-таки я решил добраться до машины и вынуть из лючка лыжи, без которых очень трудно двигаться по снежной целине.

Под ногами, несмотря на сильный мороз, чавкает вода непромерзшего болота. Здесь легко попасть в припорошенную снегом трясину. Последние метры были особенно трудны. Но вот и самолет. Во время посадки правая сторона центроплана, по всей вероятности, зацепилась за торчавший из-под снега пень. Имея достаточный запас скорости, машина резко затормозила. Привязные ремни были отстегнуты, и я вылетел в сугроб.

Хорошо бы установить связь по радио, но аппаратура была повреждена. Эфир молчал. Взяв лыжи, которые были единственной надеждой на спасение, я пошел прочь. Пройдя метров десять, опустился на снег, вынул из обгорелого планшета карту и попытался уточнить свое местонахождение. Это был район в глубине нашей территории, километрах в двадцати от переднего края. Решил взять направление на запад, чтобы выйти на дорогу, которая ведет из Крестцов на юг и снабжает фронт.

Левый унт промок, и нога в нем ощущала неприятную липкую влагу. Чтобы уйти от воды, я начал утаптывать площадку на снегу. Страшно хотелось пить, во рту пересохло, и время от времени я хватал горсть хрустящего снега, чтобы утолить жажду.

Вот площадка готова. Ноги уже не в воде, но левая все равно ощущает неприятную сырость. Разуться? Это требует значительных усилий, так как действует только правая рука, дышать тяжело, а нагибаться трудно. Усевшись на парашют, я кое-как сдернул левый унт и остолбенел: портянка, носок и брючина были залиты кровью. Отжать их не было возможности, и я сунул окровавленную ногу обратно в меховой унт.

Отвернув левый борт кожанки, я увидел, что куски меховой подстежки и шерстяного свитера превратились в окровавленную кашеобразную массу. Очищаясь от этого жуткого месива, нащупал что-то твердое. Сверкнули белым металлом помятые ордена. Теплая липкая жидкость потекла под рубашкой еще сильнее. Теперь я знал, почему не работала левая рука.

Боли не чувствовалось, но дышать было трудно. Глубокий вдох вызывал кашель. Сплюнул - снег в крови. "Видимо, повреждено легкое, - невесело подумал я.- Дела плохи, и никого поблизости нет".

Большой носовой платок затолкал в рану, пытаясь остановить кровотечение. Но платок быстро намок, и тогда я оторвал кусок

нижней рубашки и тоже втиснул его в рану. Кровь стала течь медленнее.

Встать на лыжи оказалось делом не таким простым в этих условиях, но все-таки встал и еще раз посмотрел на карту. До предполагаемой дороги, по всей вероятности, километров двадцать пять. Хватит ли сил? Надо торопиться!

Со слезами на глазах в последний раз посмотрел на догоравший самолет и отправился в путь, опираясь правой рукой на палку. Вторую палку, прикрепленную лямкой к левой руке, волочил по снегу.

Пройдя метров двести, остановился и обернулся к машине. Послышались разрывы оставшихся боеприпасов. Вскоре треск прекратился. Прощай, крылатый друг!..

С каждым шагом идти становилось труднее. Хотелось пить. Я взял горсть крупчатого морозного снега, но он не утолил жажды. Через полкилометра снова нагнулся за горстью снега. Неимоверная тяжесть тянула к земле. Однако я знал, что останавливаться нельзя, что первая уступка своей слабости повлечет за собой вторую и третью, а это гибель - упадешь в снег и больше не найдешь в себе сил подняться и продолжать путь.

Я вынул карту и письма Анны из планшета и бросил его.

Но идти стало не легче - ноги словно налиты свинцом, грудь стянута железным обручем. Что у меня еще? Пистолет и та самая горсть ленинградской земли, которую ношу с собой с осени сорок первого года. Оружие, может быть, пригодится. Земля - священна.

Немного отдохнув, я снова двинулся вперед. Шел до изнеможения. Сначала выбросил перчатки, потом в снег полетела полетная карта, - остался лишь маленький квадрат, который был необходим, чтобы выбраться на дорогу. И наконец письма жены. Прости, милая, далекая...

Поляна кончилась. Пошел густой, непролазный кустарник. Лыжи едва продирались сквозь него, ветки больно хлестали лицо. Что же еще осталось в карманах? Правая рука нащупала портсигар с трогательной надписью на внутренней стороне крышки. Из него я угощал папиросами друзей. Сегодня утром - Вадима Лойко и Павла Шевелева. Что ж, они не осудят меня. Портсигар остался лежать на каком-то пеньке.

Солнце скрылось за верхушками кустарника, который перешел в небольшой лес, и все вокруг как-то изменилось. Впереди показалось что-то похожее на жилье. Я рванулся к нему, словно к спасительному причалу. Тепло, люди, помощь... Но это была заброшенная, разрушенная землянка. Что же дальше? Я еще раз ощупал карманы. Маленький кусочек сахару. Как он пригодился сейчас!

И я шел дальше, натыкаясь на стволы, цепляясь палками за кусты. Ноги подкашивались, дыхание вырывалось из груди с тяжелым хрипом. От большой потери крови мучила жажда. Я глотал снег, но пить хотелось еще больше. От крайней усталости закружилась голова, перед глазами поплыли разноцветные круги, силы совсем оставили меня.

Опустился на корни какой-то сосны и сдернул с головы шлемофон... "Отдохну, посижу только одну минуту", - убеждал я себя. Но встать так и не смог. Лишь успел надеть шлемофон. В ушах зазвенели тоненькие колокольчики, небо качнулось в сторону и тут же потухло...

Очнувшись, увидел склоненное надо мной мужское лицо с суровой складкой на лбу. Заметив, что я открыл глаза, он улыбнулся и сказал кому-то:

- Жив... Сильная потеря крови...

Меня приподняли сильные руки и бережно положили на носилки.

Впоследствии я узнал историю моего спасения. Оказывается, за воздушным боем у переднего края наблюдали со станции наведения "Ольха". Как только мой самолет, объятый пламенем, пошел к земле, в этот район послали офицера медслужбы Лелеко и двоих солдат. Идти пришлось долго, и поэтому они нашли остатки сгоревшего самолета только через четыре часа. Затем по лыжне разыскали меня, оказали первую помощь...

- Осторожнее, - услышал я голос фельдшера Лелеко и снова впал в забытье.

Мне чудилось летнее, солнечное утро. Березовая роща на берегу реки. Подернутые росой цветы и копошащиеся в них пчелы... Я медленно раскачиваюсь в гамаке и, скосив глаза, смотрю на Аню. Она стоит рядом в белом платье и пытается подтянуть к себе мой гамак. За ее платье держится Женька. Круглое, как у Ани, лицо, чуть вздернутый носик и такие же большие голубые глаза... А гамак раскачивался все сильнее и сильнее. Я уже не мог остановить его, и в Аниных глазах мелькнул испуг. Что это?.. Почему она плачет? Почему Женька зарывается лицом в подол ее платья?..

- Нужно поставить носилки на лыжи.

- А может быть, так донесем?

- Нет-нет, надо спешить...

Холодная ладонь коснулась моего лба,

- Он весь горячий. Боюсь, что не успеем. Ставьте на лыжи!

Носилки остановились и опустились вниз. И снова вторая жизнь пошла рядом с той, настоящей. Все сместилось во времени. Я забыл, что нахожусь в ночном лесу - раненый, пробитый

насквозь горячими осколками фашистского снаряда. Мне послышалось, будто меня зовут. Рядом стоят кони и мирно жуют сено, сено похрустывает во тьме; пахнет конским потом, овчиной и талым снегом. Где-то поскрипывают телеги, похрустывают торопливые шаги возниц. Обоз остановился в городе, и я лежу в кошевке на соломе, накрывшись с головой теплым отцовским тулупом.

И вдруг через все мое тело словно прошел сильный ток. Второй план отступил, и я снова увидел себя на носилках, скользящих по рыхлому снегу, чьи-то ноги, обутые в серые валенки, густой кустарник и подбитую жестью лыжу.

Я почувствовал едкий запах махорочного дыма и услышал отдаленные голоса. "Свои! Свои!" - торжествуя, запело все внутри, но я не мог разжать губ, глаза тоже застилала молочная мгла. И мне почему-то показалось, что я ослеп. Только что все видел и вдруг - ослеп. Ресницы словно срослись, у меня не было сил открыть их. И тут-то я, кажется, впервые застонал. Носилки остановились, надо мной кто-то склонился и, взяв мою правую руку, стал отсчитывать пульс.

- Ничего, сердце крепкое, - сказал кто-то.

- Кто вы? - разомкнул я спекшиеся губы.

- Свои, свои...

- У меня что-то с глазами? - спросил я. Смутно блеснул за веками белый луч карманного фонарика.

- Сейчас, дорогой, сейчас...

Через несколько секунд что-то мягкое и влажное заскользило по закрытым глазам.

- Брови вырастут новые, густые и красивые. И ресницы тоже, - ласково приговаривал голос. - Обгорели немного, вот и все...

Я с трудом открыл глаза и с радостью увидел склонившегося надо мной человека - того же самого, с суровой складкой на лбу, с расширенными зрачками. Это был Лелеко.

- Как вы себя чувствуете, Николай Федорович? - спросил он.

- Нормально, - сказал я.

- Ну вот и хорошо! - обрадовался мой спаситель. Затем добавил: - А теперь нужно немного выпить. Всего несколько глотков.

Одной рукой Лелеко осторожно приподнял мою голову, а другой поднес к губам маленький металлический стакан.

- Пейте.

Я сделал несколько глотков спирту и обессиленно откинулся на его сильную руку.

- Хорошо, хорошо, - приговаривал Лелеко, глядя на меня, как на больного малыша. - А теперь поедим. Вот та-ак. - И поднес ко

рту густо намазанный маслом ломоть душистого черного хлеба.

Солдаты приветливо смотрели на меня и улыбались. Им, наверно, было приятно от мысли, что они все-таки разыскали летчика и теперь стоят и видят, как он оживает у них на глазах.

- Ну, в путь, да побыстрее, - приказал Лелеко, и сам впрягся в лямки, чтобы помочь уставшим товарищам.

Вскоре мы добрались до их радиостанции.

Неподалеку слышались тяжелые орудийные раскаты.

- Леня, помоги-ка! - крикнул Лелеко в темноту. Скрипнула дверь, и передо мной вырос среднего роста плечистый мужчина в гимнастерке.

- Нашли? - обрадованно спросил он.

По крутой лесенке меня внесли в землянку и уложили на нары. Доски были устланы соломой и покрыты сверху брезентом. Коптилка тускло освещала толстые бревенчатые стены и закопченный потолок.

Теплая вода. Белые простыни. Укол. Лелеко еще раз тщательно обработал рану и покачал головой.

- Ближайший госпиталь в Крестцах, - сказал он и вынул карманные часы. - До них километров тридцать, а машина будет только утром. Придется ждать.

Сделав еще один укол, фельдшер предложил мне выпить кружку тонизирующей, как он сказал, жидкости. По вкусу она напоминала крепко заваренный чай, с примесью спирта и чеснока. Я с трудом осилил кружку, но потом почувствовал, как по всему телу разливается приятное тепло. Солдат, которого звали Леней, принес котелок дымящейся картошки с мясными консервами.

- Ешьте, товарищ летчик!

После еды клонило ко сну. Лежа на нарах, я слышал, как выходил и снова входил Лелеко, как он разговаривал вполголоса с Леней. До меня донеслось имя Алексея Борисовича. "Наверное, Панов", - подумал я.

- Предлагают выслать самолет, - сказал Лелеко. - Да разве мы подготовим площадку? Кругом лес, кусты... Я передал, пусть вышлют машину с врачом. На всякий случай, если не придет наша... Да, тяжелое у него ранение. Пожалуй, повреждена плевра... Хорошо бы ему сейчас переливание крови сделать.

Разговор то затихал, то начинался вновь. Люди выходили из землянки и возвращались в нее почти бесшумно. Наконец я уснул или впал в забытье.

В маленьких оконцах уже серело утро, когда Лелеко разбудил меня:

- Николай Федорович, пора завтракать.

Намочив кусок бинта, он обтер мне лицо. Я выпил чаю и неохотно съел ложку макарон. Затем меня одели, запеленали в спальный мешок и на носилках вынесли из землянки. От яркого солнечного света я невольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, то увидел под елью грузовую машину с опущенными бортами и нескольких солдат, хлопочущих возле нее.

- Сюда, сюда! - крикнул один из них.

Крепкие руки приподняли носилки и поставили их на толстую подушку из молодых еловых веток, которыми был устлан весь пол в кузове грузовика. Лелеко посадил Леню с шофером, а сам остался рядом со мной.

По тряской дороге проехали километров восемнадцать. Послышался гул встречного грузовика. Хлопнула дверца кабины. Кто-то спросил:

- Далеко ли до переднего края?

- Передний край велик, - ответил Лелеко. - На какой вам нужно участок?

Незнакомец зашуршал бумагой, - видимо, он развернул карту и показывал что-то моим провожатым.

- Вот сюда.

- Да это же к нам! - воскликнул фельдшер. - Вы, случаем, не от Панова?

- Так точно, от Панова. Штурман полка капитан Хасан Ибатулин.

- За летчиком?

- Точно, за ним. Где он? Жив?

- У нас в кузове...

Сердце забилось от радости. Дорогие ребята, все-таки отыскали. Хасан Ибатулин вскочил на колесо - и я увидел его расплывшееся в улыбке широкое лицо.

- Ничего, Коля, все будет в порядке, - сказал он, касаясь ладонью моего обожженного лица. - Хочешь шоколаду?

Не дожидаясь ответа, Хасан отломил от плитки кусочек.

- Ешь, дорогой, ешь. Скоро доберемся до Крестцов, в госпиталь. Все будет хорошо, - приговаривал штурман.

Полковая машина развернулась, и мы тронулись дальше...

Когда меня положили на операционный стол, я увидел хирурга - небольшого роста усталого мужчину.

- Ну-ну, посмотрим вашего героя, - сказал он врачу нашего полка, приехавшему вместе с Ибатулиным.

Срочные приготовления. Бинты, лекарства, инструментарий. Я чувствовал тупую боль и постанывал. Видимо, хирург резал ткань вокруг раны. Наконец я услышал, как звякнул, упав на дно тазика, первый осколок.

- Здорово же они тебя, мерзавцы, - приговаривал врач, углубляясь в рану. Осколки один за другим со звоном падали в тазик.

- Так, говоришь, вчера утром? - спросил он стоявшего за его спиной Ивана Федоровича.

- Утром, - подтвердил тот.

- Молодцом, молодцом.

Закончив операцию, хирург выпрямился, тяжело вздохнул. Затем вытер потное лицо и, немного подумав, тихо сказал:

- Видать, в рубашке ты родился, приятель. Еще бы миллиметра два и...

Иван Федорович перебил его:

- Дело не в рубашке, коллега, а вот в этом. - И показал хирургу мой пробитый осколком партийный билет.

- Как это произошло? - удивился врач.

- Вопрос достаточно ясен, - вмешался в их беседу стоявший у двери Хасан Ибатулин. И штурман довольно точно нарисовал картину ранения.

- Спасли ордена и партбилет, - закончил он.

- Да, да, - быстро проговорил хирург, - если бы не было партбилета и орденов, осколки вошли бы глубже, мне не пришлось бы латать легкое и доставать из-под лопатки вот этого солдата с ружьем от Красной Звезды... Надо посмотреть еще завтра, а может быть, и послезавтра. Вы, коллега, конечно, останетесь? спросил он Ивана Федоровича.

- До завтра останемся, - ответил за врача Ибатулин.

Меня унесли в школьный класс, превращенный в госпитальную палату. Ночь прошла в кошмарном бреду. Друзья были возле меня, подавали пить, вызывали дежурную сестру.

Утром в сопровождении Лени вернулся Лелеко. Он еле держался на ногах от усталости: всю ночь помогал вывозить со станции раненых, тушить пожары и восстанавливать железнодорожные пути.

- Пришли попрощаться, - сказал Лелеко с доброй улыбкой. - Рады, что операция прошла благополучно. Верим, все будет хорошо.

В этот день хирург снова занимался моей раной. Когда закончил, удовлетворенно произнес:

- Ну, соколик, теперь будешь жить сто лет!

Видимо, он окончательно убедился в том, что опасность миновала. Однако и на этот раз рану не зашили, а стянули металлическими скобками.

Из операционной меня унесли в другую, более светлую и чистую палату. Положили на мягкую койку с белыми простынями

и пышными подушками. Прощаясь после обхода с Иваном Федоровичем и Хасаном, врач сказал:

- Вот немного подлечим Кузнецова и отправим в тыл. Там его быстро поставят на ноги.

- А мы хотели забрать его домой, - возразил Ибатулин.

- То есть как это - домой?! - удивился врач.

- К себе в часть, - пояснил Хасан. - У нас там есть лазарет, врачи, ну... и все прочее.

- Вот именно "прочее"! - возмутился хирург. - Да вы думаете, что говорите?! У него большая грудная мышца разорвана. Ему специалисты нужны, длительное лечение. А вы хотите человека оставить без руки!

Ибатулин смутился. Он не стал настаивать, но, видимо, остался при своем мнении. Я же, слушая Хасана, только радовался: уж очень не хотелось расставаться с родным полком.

Ибатулин и полковой врач тепло попрощались со мной.

- Выздоравливай побыстрее, - шепнул мне Хасан. - А уж мы с Алексеем Борисовичем что-нибудь придумаем.

Проснувшись на другое утро, я почувствовал себя значительно лучше, чем накануне, и решил написать домой письмо. Мало ли что могла подумать Анна!

Подозвал сестру и попросил у нее карандаш и бумагу.

- Вам же двигаться нельзя, - улыбнулась девушка. У нее были усталые, но ласковые глаза. - Вы продиктуйте, а я сама напишу, хорошо?

Она присела на угол кровати и, согнувшись над тумбочкой, написала мое послание. Конечно, это было не совсем то, что я хотел. Аня все равно будет тревожиться, увидев незнакомый почерк. Но другого выхода не было. "Через недельку, - подумал я, - мне полегчает, и тогда напишу сам".

В палате, где я лежал, подобрались хорошие ребята. И это скрашивало будни госпитальной жизни. Те, что поправлялись и уже могли ходить, ухаживали за тяжелоранеными. Обслуживающего персонала в госпитале не хватало, и это все прекрасно понимали.

Рядом со мной лежал мужчина лет тридцати. У него была в гипсе рука. Мы разговорились, чем он занимался до войны. Оказалось, что он музыкант, пианист и не раз бывал в Ленинграде. Мы часто мысленно путешествовали по городу, вспоминали знакомые места. Он увлекался, с восторгом рассказывал об Эрмитаже, о картинах и о художниках, которых, хорошо знал. Но, случалось, вдруг замолкал среди беседы и долго лежал, уставившись в потолок.

- Что с вами? - как-то спросил я его. Он грустно улыбнулся.

- Странное дело. Ведь у меня всей кисти нет. А я только что почувствовал, как двигаются мои пальцы. Словно скользят по клавишам...

Это был очень мужественный человек. Я хорошо понимал, как ему трудно. Всю жизнь он мечтал стать музыкантом, и все рухнуло сразу: взрыв мины, вспышка, операционный стол - и вот он уже без руки.

- Я знал одного слепого художника, - горячо прошептал он.

- И рисовал? - удивился я.

- Вы в этом сомневаетесь? Конечно, поверить в такое трудно. Но тем не менее это факт, - сказал он убежденно. - Вот увидите, я еще буду играть.

Я искренно верил, что пианист добьется своего, что я еще приду на его концерт где-нибудь в зале Московской консерватории - после войны, после нашей победы...

Пока я лежал в госпитале, разные люди прошли через нашу палату. Были стойкие, такие, как мой сосед-музыкант, были и послабее, но им всегда приходили на выручку товарищи, старались поддержать, вселить веру в свои силы.

В полку меня не забывали. Ибатулин регулярно навещал наш госпиталь. Однажды он привез мне долгожданные письма от жены и родителей. Аня еще не получила моего первого письма, написанного под диктовку медсестрой. Она где-то разыскала газету, в которой писалось про бой 26 декабря. Была там и моя фамилия. Я чувствовал, как ей трудно. Читал и видел между строк ее грустные глаза. Каково ей там одной? Чего ведь только не передумаешь, когда нет весточки от любимого человека. Война!

Хасан по одному только взгляду понял мою просьбу. Оказывается, у него все уже было наготове - и бумага, и карандаш, и планшет.

- Сам-то справишься? - спросил он.

- Думаю, что справлюсь, - сказал я и вынул руку из-под одеяла.

Пальцы уже отвыкли держать карандаш - почерк был неловкий и ломкий. Я с трудом вывел несколько слов:

"Дорогая моя! Самое страшное позади. Я уверен, что снова буду летать".

Позже я узнал, что Аня очень волновалась за меня. Лишь после моей коротенькой записки, нацарапанной на хасановском планшете, она немного успокоилась.

Отец был сдержаннее, но и в его письме чувствовалась большая тревога. Он справлялся о моем здоровье, интересовался моими боевыми делами и посылал приветы от всех родных и

знакомых.

Порадовала меня весточка от Павла Шевелева. Настоящий друг, и в тяжелой боевой обстановке он нашел время черкнуть мне несколько бодрых и очень теплых слов.

- Не забывают, не забывают тебя товарищи, - улыбнулся Ибатулин, видя, как просветлело мое лицо.

Потом он рассказал историю того воздушного боя, который привел меня на эту койку.

- Наши сбили в тот день пять самолетов противника. Один был подбит и едва унес ноги. Но и мы потеряли двух летчиков и четыре боевые машины... Не вернулся с задания Коля Головков. Никто не видел, что с ним произошло. А пять дней тому назад Вася Добровольский схватился на лобовых с "фоккером".

- Добровольский?! - я не верил своим ушам.

- Журавский говорит, что видел своими глазами, - подтвердил Ибатулин. Оба самолета посыпались вниз. Ты ведь знаешь, какой Вася напористый. А тут фриц, видимо, попал тоже из упрямых. Правда, в последний момент "фоккер" пытался отвернуть, но было уже поздно...

Я никак не мог представить себе, что вернусь в полк и никогда больше не увижу Добровольского. Нашего Васю - весельчака и оптимиста. И Колю Головкова скромного человека, настоящего друга. Не хотелось верить - ерунда, ерунда все это! Но грустные глаза Ибатулина не могли лгать. Они были красноречивее слов. Они говорили о большем - о том, что и самому Хасану не просто далась эта утрата.

- А твой ведомый Миша Галдобин жив, выпрыгнул с парашютом и попал к партизанам. На днях приедет в часть, - порадовал меня штурман полка.

Затем он спросил, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь.

Я сказал, что мне ничего не надо - кормят нас хорошо и у меня только одно желание: поскорее вернуться в строй.

- Это мы поможем тебе сделать,- деловито сказал Ибатулин. - Ты только сообщи, когда тебе разрешат вставать.

Он дотронулся рукой до моего плеча и вышел. Я долго еще был под впечатлением его рассказа. Снова всплыли подробности того страшного боя.

Ночью мне снилось, что я лечу на горящем самолете к земле. Языки пламени пожирают крылья, лижут фонарь, врываются в кабину и обжигают лицо. Я пытаюсь закрыться от них, откидываю назад фонарь и бросаюсь с парашютом вниз - в чернильную бездну. Парашют не раскрывается. Бездна растет и ширится, охватывает полгоризонта. Я не вижу земли и не знаю, когда придет роковая секунда. Она уже близко, я чувствую это. Горячий

воздух захватывает дыхание и вот он, долгожданный рывок...

Проснулся от страшного напряжения, весь в поту. Тускло светится в высоком прямоугольнике окна звездная ночь.

- Вам трудно? - спросил меня шепотом сосед-музыкант.

- Ничего...

Но было все-таки очень трудно.

Встать с постели мне разрешили только на десятый день. Сначала чувствовал сильную слабость, ходил осторожно, боясь упасть. Но силы быстро восстанавливались- молодой организм брал свое.

Однажды, когда я в своей разодранной снарядом кожанке, унтах и шлемофоне прогуливался по заснеженной дорожке, над госпиталем появился воздушный тихоход. Он сделал два круга и красиво пошел на посадку. Чувствовалось, что за штурвалом опытный летчик. Мне почему-то вспомнились слова Алексея Борисовича: "Какой бы ни был простой самолет, к нему надо относиться со всей серьезностью и на "вы". Тогда будете летать сто лет".

До аэродрома было рукой подать - не более километра, и я решил дойти до него, надеясь, что прилетел кто-нибудь из однополчан. Я не ошибся: По-2 пилотировал Хасан Ибатулин. Заметив меня, он издали помахал рукой.

- Э, да ты совсем здоров! - произнес он, оглядывая меня со всех сторон,

А я не мог оторвать взгляда от взлетной полосы, где после разбега уходили в небо самолеты. Приятно и так знакомо гудели двигатели.

Беседуя, мы незаметно подошли к машине, на которой только что прилетел Хасан, и остановились у ее крыла. Я постучал пальцами по туго натянутым расчалкам, погладил отполированную воздухом обшивку.

- Пока мотор не остыл, надо лететь, - неожиданно сказал Ибатулин как о чем-то уже давно решенном. Я не сразу понял его.

- Вместе?

Хасан кивнул.

Ибатулин помог мне забраться в заднюю кабину, привязал ремнями. По-2, подпрыгивая на небольших неровностях, пробежал по аэродрому и через минуту повис над лесом, со всех сторон подступившим к городку. Внизу виднелась шоссейная дорога, по которой в сторону фронта непрерывным потоком двигались люди и техника. "Да, это не сорок первый, - подумал с радостью. - Такая силища!"

Необыкновенное чувство охватило меня в воздухе: я снова обрел крылья.

Внизу показались знакомые ориентиры. Слева от дороги, близ Валдая, проплыло большое озеро, посередине которого виднелся заросший густым лесом остров с притаившимся в глубине его белоснежным монастырем. Мелькнула тригонометрическая вышка, что в пяти километрах от нашего аэродрома.

Сердце тревожно забилось, когда под крылом побежала прямая как стрела укатанная белая полоса. Самолет плавно коснулся лыжами снежного наста и зарулил на одну из ближайших стоянок. К нам со всех сторон бежали люди. Впереди всех Володя Мусатов, мой механик.

Выбравшись с помощью друзей из кабины, я увидел Алексея Борисовича Панова, а чуть позади него улыбающихся Павла Шевелева и Вадима Лойко. Все крепко обнимали, целовали.

Но радость моя была недолгой. Я снова попал на больничную койку. Утешало лишь то, что товарищи были рядом.

Я не чувствовал себя здесь лишним, ненужным человеком, был в курсе полковых дел. Ребята со всеми подробностями рассказывали мне о проведенных боях, обращались за советом.

Мой лечащий врач, капитан Леонид Васильевич Баскаков, не возражал против таких посещений. Он считал, что они поднимают бодрость духа, а это не менее важно, чем лекарства.

Рана на груди заживала сравнительно быстро. Хуже было с рукой. Она вызывала серьезные опасения.

Заметив мое беспокойство, Баскаков успокоил:

- Ничего страшного, подождем, пока окончательно заживет рана, и займемся лечебной гимнастикой. Она делает чудеса. Будет и левая работать ничуть не хуже правой. Так что не вешать носа! Верно, Тамара? - обратился он к медсестре, умной, симпатичной девушке, ставшей впоследствии его женой.

Леонид Васильевич умел убеждать всем своим видом, голосом, взглядом, жестами. Он был человек волевой и решительный. Чувствовалось, что на него можно положиться, что ему можно верить. И я верил.

Исключительную заботу обо мне проявил замполит полка А. Ф. Горшков и секретарь партийной организации нашей эскадрильи И. С. Бойцов. Однажды Иван Семенович Бойцов пришел принимать взносы и, принес пробитый осколком и залитый кровью мой партийный билет.

- Скоро заменим, Николай, а пока сделаем отметку в этом, - сказал секретарь.

Я взял партбилет и ласково провел пальцами по мягкой тепловатой корочке. Он спас мне жизнь, задержав на несколько миллиметров губительный кусок металла, поэтому дорог был

вдвойне.

- Скучаешь? - спросил Бойцов.

- Конечно. Хотя здесь совсем не то, что в Крестцах, но очень хочется в воздух, Иван Семенович.

- Еще успеешь, - заверил секретарь. - Надо основательно подлечиться.

Он просидел у меня почти до самого вечера, рассказывал полковые и фронтовые новости.

Говорил Иван Семенович неторопливо, негромко, но слова его западали в душу. Мне почему-то всегда казалось, что он прирожденный политработник.

- Отличился у нас тут без тебя лейтенант Н., - продолжал делиться со мной парторг полковыми новостями. Он назвал фамилию летчика, но мне не хотелось бы раскрывать ее читателям. - За две недели сбил четыре самолета.

- Четыре? Молодец! - обрадовался я.

Редко кому за короткий срок удается добиться таких успехов. Но по выражению лица Ивана Семеновича чувствовалось, что он чем-то недоволен и не склонен разделять мой восторг.

- Молодец-то молодец, да одно плохо, - растягивая слова, сказал он, потерял двух своих ведомых. Ребята неохотно идут к нему в напарники. Воюет он как-то странно, говорят они, да и ведет себя так же. На первый взгляд кажется общительным, веселым парнем. Но только на первый взгляд. На самом деле он, мягко говоря, индивидуалист.

- Как это понимать?

- Очень просто. Общительность у него показная. В бою он тоже сам по себе... А ведь воюет вроде хорошо, техникой владеет блестяще, смел, находчив. Да и четыре сбитых самолета о чем-нибудь говорят... А все-таки тревожно на душе, неспокойно.

Есть в авиации неписаный закон - ведомый защищает ведущего, не дает противнику возможности атаковать его сзади. А так как неприятель чаще всего атакует именно с задней полусферы, то первым под его удар попадает, естественно, ведомый. Стало быть, ведущий тоже обязан защищать своего ведомого, все время помнить о нем, не подставлять его под удар. Лейтенант Н. забывал об этом. Он вспоминал о своем напарнике только тогда, когда самому становилось трудно.

- Нет у Н. чувства локтя, - немного помолчав, продолжал Бойцов. - Для него самое главное - сбить фашистский самолет. Любой ценой. Вот почему теряет он доверие товарищей.

Чувствовалось, что парторг много думает о неправильном поведении этого летчика, ищет возможность помочь ему, вернуть в коллектив.

Под конец Бойцов порадовал хорошим известием:

- Нашу дивизию представили к гвардейскому званию. По этому случаю в полк собирался прилететь главнокомандующий ВВС Александр Александрович Новиков.

Утром однополчане встретили главкома и сопровождающих его лиц. Гости посетили и лазарет. Первым вошел генерал Новиков - сравнительно молодой человек среднего роста, плотного сложения, в кожаном реглане и фетровых бурках. За ним следовали командующий воздушной армией Ф. П. Полынин, командир дивизии, начальник особого отдела и Алексей Борисович Панов.

Главком поздравил меня с представлением к званию Героя Советского Союза и пожелал скорейшего выздоровления.

- Поправляйтесь быстрее, - сказал он, - и возвращайтесь в строй. А то, не ровен час, запоздаете...

Сердце радостно забилось. Я понял - впереди большие дела.

* * *

...Весна тем временем вступала в свои права. С южной стороны солнце уже так припекало соломенные крыши, что они начали оттаивать. Робкая капель становилась все веселее; местами, на самом солнцепеке, появились маленькие проталины.

За три месяца наступательных боев на Северном Кавказе наши войска освободили Чечено-Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, большую часть Ростовской области, Ставропольский край и основную часть Краснодарского края. Развернулись наступательные операции и на Верхнем Дону. Разгромив здесь отборные вражеские части, Красная Армия вышла к границам Украины, освободила значительную территорию на левом берегу Северного Донца, а также часть Донбасса. Превосходство в воздухе теперь явно было на нашей стороне.

Вскоре часть перебазировалась на новый аэродром, поближе к линии фронта, потому что горючего на обратный полет после выполнения боевого задания едва хватало.

Наш полк стал называться 67-м гвардейским истребительным авиационным полком, а дивизия - 5-й гвардейской.

С приходом весны летной работы становилось все больше: день увеличивался увеличивалось и количество боевых вылетов. Пребывание в лазарете стало совсем нестерпимым. Яркое солнце заливало нашу палату, частая капель стучала под окнами, а на пригорках из-под стаявшего снега и прошлогодних листьев пробивалась молодая зелень.

В один из таких дней ко мне пришли ребята, улетавшие в Красноярск за новыми самолетами. Среди них были Павел

Шевелев и Вадим Лойко. Палата сразу наполнилась веселыми голосами, смехом - словно кусочек солнечного дня ворвался в распахнутую дверь. Я тоже старался шутить, хотя, признаться, мне было совсем невесело.

После отъезда товарищей в лазарете стало еще тоскливее. Я буквально не находил себе места. Комдив решил отправить меня на отдых в армейский санаторий, расположенный неподалеку от Вышнего Волочка.

Рука моя быстро пошла на поправку. Я уже мог шевелить пальцами и даже слегка сгибал ее в локте. После санатория мне предоставили месячный отпуск.

И вот я уже в Москве, проездом в Сибирь. Как непохожа столица на предвоенную Москву! Многие улицы перегорожены противотанковыми ежами, у домов мешки с песком, окна затемнены. Но настроение у москвичей бодрое. Бесперебойно работают фабрики и заводы. У репродукторов то и дело останавливаются люди, жаждущие услышать очередную фронтовую сводку.

Чтобы попасть в Пименовку, где проживали эвакуированные из Ленинграда семьи летчиков, мне предстояло сначала добраться до областного города Кургана, а оттуда километров тридцать пять в сторону.

...Деревенька была небольшая, приютилась она в низине, на берегу маленькой речушки. У одного из домов на невысоком плетне сидела девочка в красном платьице.

Увидев меня, она соскочила с плетня и с криком "Летчик приехал!" бросилась бежать по улице. Так я и не успел спросить ее ни о чем. Красное платьице уже мелькало на другом конце деревни.

Вскоре меня окружили женщины. В глазах у каждой стоял немой вопрос: "Как там, на фронте?"

Разговаривая с ними, я все время смотрел по сторонам, ища Анну. И вдруг вдали действительно увидел ее... Она бежала с гумна, раскрасневшаяся, взволнованная.

- Аня!

Жена прижалась ко мне и долго не могла оторваться. На своих губах я чувствовал ее слезы.

Дома нас ждал сильно подросший и изменившийся Женька.

- Папа, а ты много фашистов сбил? - спрашивал он, сидя у меня на коленях.

- Бывало, сынок, что и сбивал.

Аня, глядя на нас, всхлипывала от счастья. А Женька недоуменно поглядывал на нее и, наверное, думал: "Вот ведь какие они непонятные, эти взрослые когда ни папы, ни хлеба не

было, мама не плакала, а теперь все есть, а она плачет".

Эти дни в далекой Пименовке надолго врезались в память. Близкой мне стала затерянная в лесах деревушка, трудовые люди ее и необъятные сибирские дали. Запомнилась беседа с Андреем Степановичем Дерябиным - секретарем обкома, умным, душевным, самоотверженным человеком, и поездка с ним на один из близлежащих заводов. В цехах работали в основном женщины и подростки, но работали они самозабвенно, мужественно...

Месяц пролетел незаметно. Наступила пора расставания. Аня решила проводить меня до Москвы. Мы мало говорили в дороге, не давала покоя мысль о близкой разлуке.

В Свердловске купил газету. На первой странице был напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза. Машинально прочитал довольно длинный список и вдруг увидел свою фамилию. Перечитал еще раз. Все совпадало, ошибки быть не могло. Мы с Аней скромно отпраздновали это событие, а в Москве я простился с ней и в тот же день выехал в район Курска, где базировался наш полк.

Первый, кого я встретил, еще не доехав до места назначения, недалеко от города Данков, был Вадим Борисович Лойко. Он уже стал помощником командира полка по воздушно-стрелковой службе. Мы несказанно обрадовались, долго говорили, вспоминали друзей и однополчан, мечтали о нашей победе.

Еще два дня назад под Данковом был аэродром нашей части, а теперь здесь осталось всего лишь несколько самолетов, остальные улетели на новую площадку под Курск, на аэродром Фатеж.

По всему было видно: назревают большие события.

Вадим Борисович предложил мне сделать несколько вылетов на учебно-тренировочном самолете.

- На новом аэродроме такой возможности, может, и не представится, - сказал он.

Я с радостью согласился, понимая, что это необходимо: большой перерыв давал себя знать, да и в тактике ведения боя многое изменилось.

Мы наскоро позавтракали и, прихватив шлемофоны, направились к стоявшему поодаль самолету. Часа через полтора я уже окончательно обжился в кабине.

- Можно взлетать, - кивнул Лойко.

Я глубоко вздохнул и не без волнения дослал вперед сектор газа. Двухместный Як-7 вздрогнул и легко побежал по укатанной грунтовой взлетной полосе. Еще несколько минут - и вот мы уже на заданной высоте.

- Приступать? - спрашиваю я.

- Давай!

Так же было когда-то в Каче - еще тогда, когда я был зеленым, необстрелянным юнцом. С трепетно бьющимся сердцем, старательно, как ученик, выполняю одну за другой фигуры пилотажа. И действительно, Вадим остался доволен, даже похвалил меня после приземления:

- Молодец. Думал, что у тебя получится хуже. Устал?

- Немного, - признался я, вытирая вспотевший лоб.

- Это пройдет. А сейчас отдохни, пока заправят самолет. После заправки слетаем еще раз. Не возражаешь?

Второй полет прошел, на мой взгляд, чище, чем первый. Во время захода на посадку я увидел в стороне на большой высоте идущую на юго-восток группу фашистских бомбардировщиков в сопровождении истребителей.

- Сейчас их встретят, - сказал Вадим по переговорному устройству.

После посадки мы еще долго стояли и смотрели в небо. Но бомбардировщики так и не вернулись. Видимо, прошли другим маршрутом или были сбиты.

Мы сели на траву и подробно проанализировали мой полет. Вадим сделал несколько интересных замечаний, кое-что заметил и я сам.

- А теперь, - сказал Лойко, - бери боевой самолет, лети самостоятельно.

- Так-то сразу?

- Справишься, - успокоил Вадим. - Будь только осмотрительнее.

Мы подошли к машине. Техник доложил, что к полету все готово. Проверив материальную часть, я сел в кабину, закрыл фонарь и осмотрелся. Все знакомо и понятно до мельчайших деталей: тумблеры, рычаги, кнопки, стрелки указателей. Запустил двигатель и через несколько секунд уже был в воздухе.

Сделав один полет в зону и два по кругу, я зарулил на стоянку. Вадим подошел ко мне и удовлетворенно сказал:

- На сегодня хватит. А что касается дальнейших планов, то я представляю себе все вот как. Завтра-послезавтра полетаем на воздушный бой. Тебе это крайне необходимо после большого перерыва. А потом уже сможешь понемногу вместе с летчиками ходить на задания. Изучишь повадки неприятеля, новое в его тактике. Словом, будешь втягиваться.

Мы вернулись в землянку. Вадим предложил мне лечь на койку и немного отдохнуть. Сам сел верхом на стул и, Дымя трубкой, продолжал говорить о подвигах коммунистов и

комсомольцев, посвящать меня в специфику ведения воздушного боя на этом участке фронта.

- Ты, конечно, еще ничего не слышал о том, как здесь отличился Володя Елисеев. Возвращаясь с задания, наши летчики на подходе к Курску встретили восемнадцать вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Вступили в бой, применив новый способ борьбы с "юнкерсами". Наши были выше фашистов. Чтобы легче удерживать самолет на пикировании, Володя подал команду "Выкрутить триммеры". Истребители, как на полигоне, пара за парой почти отвесно понеслись вниз. Маневр этот поставил в очень затруднительное положение стрелков вражеских бомбардировщиков. Стрелять приходилось чуть ли не вертикально вверх. А это представляет определенные трудности. В то же время неподвижные огневые точки, расположенные вдоль оси бомбардировщиков, при этом молчали.

Немцы надеялись подловить наших летчиков на выходе из атаки, но этого не произошло. Ребята на огромной скорости пронзили строй бомбардировщиков сверху. После атаки группы лейтенанта Левко, повторившей маневр Елисеева, два "юнкерса" загорелись и рухнули в лес. Однако остальные продолжали лететь, сохраняя строй. Тогда Елисеев обрушил весь огонь на флагмана и поджег его. Остальные фашисты дрогнули и бросились в разные стороны, накрывая бомбами свои войска.

- А как же вражеская группа прикрытия? - поинтересовался я.

- Ее связали боем летчики группы А. Б. Панова: Латышев, Новичков (в начале 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза), Федорчук, Калабин и Алексеев. Так что ей было не до "юнкерсов". - Лойко немного помолчал и добавил: - Правда, были и у нас потери. Подбили и машину Панова. Сам он перетянул линию фронта, посадил самолет на фюзеляж и по радио продолжал руководить боем. Иван Колабин сбил в этой схватке на встречных "фоккера". Немцы ушли на свой аэродром без трех бомбардировщиков и одного истребителя.

Времени у нас было много, и Вадим Борисович Лойко обрисовал мне, в меру своей осведомленности, обстановку в районе Курской дуги:

- Немцы сосредоточивают здесь мощный авиационный кулак, стягивают лучшие авиационные соединения и части. Кстати, имей в виду, что у них появились модернизированные бомбардировщики "Хейнкель-111", двухмоторные штурмовики "Хеншель-129", новые истребители "Фокке-Вульф-190А".

- А наши силы? - спросил я. - Неужели у нас меньше авиации, чем у них?

Вадим пожал плечами и улыбнулся:

- Таким, как мы, Коля, сие не положено знать. Правда, я встречался с летчиками не только из 16-й воздушной армии, но и из 2-й, 17-й, а также из АДД. Кроме того, отсюда недалеко резервный Степной фронт, в распоряжении которого имеются соединения 5-й воздушной армии. Как видишь, силища внушительная. А что там еще в резерве - знает лишь Ставка Верховного Главнокомандования. Впрочем, давай-ка послушаем радиосводку.

Я включил в сеть штепсель репродуктора. Диктор говорил об успехах наших войск на Кубани, северо-восточнее Новороссийска, севернее Чугуева, западнее Ростова-на-Дону, на Ленинградском и Волховском фронтах.

- О Курске, Орле и Белгороде ни слова, - заметил Вадим. - И это вполне понятно. Идет подготовка к решающей битве. Наши воздушные разведчики летают в тыл врага днем и ночью, вскрывают места сосредоточения и состав его ударных группировок, базирования авиации, характер оборонительных укреплений, опорные пункты, расположение артиллерийских позиций и резервов, а также систему ПВО. АДД тоже не спит: выполняет задачу по срыву железнодорожных перевозок противника... Так что, Коля, скоро загудит, заполыхает земля Курская и Орловская, и не будет, - Вадим стукнул кулаком по спинке стула, - не будет на ней спасения пришельцам!

Мы еще долго говорили в этот вечер о предстоящих боях, о товарищах, с которыми не страшны никакие испытания, мечтали о нашей победе.

А через несколько дней, проверив мою летную подготовку, капитан Лойко дал мне "добро" на вылет к Курску.

Грандиозные события, о которых речь пойдет во второй части книги, были уже не за горами.